

Умберто
ЭКО

Итальянцы у себя дома

ИТАЛИЯ
НОСТРА

Публикуется впервые

Книга I

Umberto Eco

Il costume di casa

Italia nostra

Bompiani

Умберто
ЭКО

Итальянцы у себя дома

**ИТАЛИЯ
НОСТРА**

Книга 1

Москва
Слово/Slovo
2019

УДК 821.131.1-4
ББК 84(4 Ита)-4
Э40

Перевод с итальянского:
Татьяна Кудрявцева

Дизайн книги:
Оксана Лебедева-Скочко

Рисунки:
Диана Белова

ISBN 978-5-387-01569-4

© Giunti Editore S.p.A. – Bompiani, Firenze-Milano
First published under the imprint Bompiani in 1992.
Published by arrangement with ELKOST Intl. Literary Agency.
© Слово/Slovo, издание, 2019

Предисловие

Я бы ни за что не упустил даже малейшей возможности дать своей книге хоть сколько-нибудь неоднозначное название. В этой, под названием «Итальянцы у себя дома», собраны мои заметки в газетах и журналах о различных сторонах итальянского культурного (и не только) обихода (иногда в них затрагиваются и обычаи других стран в зависимости от степени, в которой они повлияли на нашу культуру). И этого достаточно для того, чтобы обосновать первое прочтение названия. Что же касается второго, то речь идет о примерах критической практики, а точнее, о примерах повседневной практики недоверия, которая представляет собой нечто среднее между моими теоретическими исследованиями и самыми разнообразными конкретными проявлениями гражданской позиции (которые обязательно должны представлять окончательное мнение по какому-либо вопросу). Речь идет о заметках, которые я писал в домашнем халате, не облачаясь в парадные одежды и не погружая ноги в таз с ледяной водой, как

делал уже не помню кто из Великих¹, чтобы расшевелить воображение.

Эти тексты подпитывались, с одной стороны, моим почти миссионерским любопытством к повседневной практике убеждения, которую мы наблюдаем на страницах газет и в других средствах массовой информации; любопытством, проистекающим из моих научных интересов в области теории коммуникации. С другой стороны, постоянное политическое напряжение послужило мне стимулом для того, чтобы действовать привычным мне способом — вести своеобразный дневник недоверия и развенчивать на первый взгляд невинные, но исправно действующие схемы, дабы научить других не принимать ничего на веру. После каждой такой статьи мне приходят письма, например, от молодых людей из глубокой провинции, отрезанных от мира, для которых даже одно критическое замечание или приглашение к размышлению служит стимулом для их собственных исследований или выступлений. Это убедило меня, что мои тексты — это тоже политическое действие.

Неоднозначность этой политической акции, и я отдаю себе в этом отчет, заключается в том, что для критики средств массовой информации она использует каналы массовой информации. Я мог бы привести хитроумные теоретические обоснования законности этой игры в китайскую шкатулку, но мне вполне достаточно упоминания о ее практической пользе, что я и сделал чуть выше. Хорошо ли, плохо ли, но моя игра работает и к тому же иногда приносит кому-то пользу. Для этих читателей, а может, и для кого-нибудь еще я и собрал эти тексты воедино. Всякий волен пользоваться ими по своему усмотрению.

¹ Имеется в виду Вольтер. — Здесь и далее, если не указано иное, примеч. пер.

Не следует искать в них общие положения единой теории или выискивать противоречия между ними: между написанием первой и последней статьи сборника прошло десять лет. Их роднит постоянство моего недоверия, а не ясность логического построения, однородность критического метода и стройно вытекающие один из другого окончательные выводы.

Тексты, собранные в первой книге, представляют собой образцы довольно широкого корпуса текстов. Я выбрал их, поскольку они показались мне наименее устаревшими, а также просто потому, что только их и отыскал в ящиках стола: другие попросту не сохранились. В сущности, они взаимозаменяемы. Их можно читать не по порядку. Некоторые, например, статьи о рекламе или выпусках новостей, можно пересказывать детям перед сном, чтобы они учились сомневаться, читать между строк, сквозь строки и на полях.

Во вторую книгу вошли совсем другие эссе: они длиннее, однороднее и, возможно, сложнее. В них собраны материалы дискуссии о «левой» культуре среднего поколения, которая шла между появлением Группы 63¹ и закрытием журнала «Куиндичи» (то есть с 1963 по 1969 год). В некотором роде это теоретическое обоснование деятельности, примеры которой приводятся в первой книге; но в то же время эти эссе не только подводят итоги, но и предсказывают другие, не описанные в этом сборнике процессы (многие из которых идут прямо сейчас). К тому же путь итальянского неоавангарда представляет интерес, хотя бы только в качестве информации, для тех, кто

¹ *Группа 63* — итальянское неоавангардистское объединение (1963–1969), выпускавшее несколько журналов, в том числе «Иль Верри» (выходит до сих пор) и «Куиндичи» (закрылся в 1969 г.).

пришел позднее (и некоторую архивную ценность для тех, кто пришел раньше), поэтому я счел, что будет бесполезно собрать свидетельства о нем и подать с моей личной точки зрения и при моем личном участии.

А еще я хотел показать, что основой практики недоверия был и остается не только разрушительный скептицизм — в ней была и есть надежда и здравая вера в конкретные действия.

Как бы то ни было, все эти тексты были опубликованы в годы, когда из жизни ушли мои родители, и я хотел бы посвятить им этот сборник как своего рода посмертный памятник. А посвящение будет таким: «Моему отцу, который научил меня *не принимать ничего на веру*, и моей матери, которая научила меня говорить об этом вслух».

Тишь да гладь от Бормиды до Танаро

Когда мне было лет восемь, я задумался: почему, несмотря на все то, что пишут о нем в учебниках и говорят в школе и по радио, я не люблю Дуче. В шестнадцать лет я задался вопросом, почему мысль о том, что искусство — это «лиризм», меня не устраивает. В двадцать — каждый раз, когда при мне кто-то заводил речь о «человеке» (по мерке Человека, не забывая о Человеке, вернуться к Человеку и так далее), я стал подозревать, что мне просто хотят что-то впарить, продать Колизей или всучить орден Святой Марии Вифлеемской. В более зрелом возрасте, листая «Историю александрийцев»¹, я начал догадываться, в чем дело: мой скептицизм, мое равнодушие к абстрактным ценностям, мое недоверие к ноумену проистекали не из каких-то культурных веяний или идеологии. Просто я родился в Александрии.

В принципе, я уже понимал, что сам факт рождения в этом городе определяет душевный склад человека,

¹ Fausto Bima. *Storia degli alessandrini*. Tipografia Ferrari Occella, Alessandria, 1965. (Примеч. авт.)

предполагающий безразличие к риторическому преувеличению, презрение страстей, подозрительное отношение к великим начинаниям и являющийся неотъемлемой расовой характеристикой нашего племени. Все это могло приводить к бездействию или недееспособности и в то же время служить дополнительной методикой для определенного, но не иного, образа жизни, определенного типа культуры. На страницах упомянутой истории александрийцев от времен Барбароссы до наших дней я нашел столько новых грозных и величественных знаков, подтверждающих нашу судьбу, что меня, словно молния, поразило уважение и восхищение моими предками и опалило пламя апатии и метафизической беспечности, исходящей от образов Праотцев.

Если вы откроете «Путеводитель по легендам и тайнам Италии», недавно вышедший в издательстве «Sugar», то на первых страницах с картами, показывающими распределение фантастических существ на севере Италии, вы увидите, что провинция Алессандрия ярко выделяется своей девственностью. Здесь нет ведьм, чертей, фей, духов, волшебников, чудищ, призраков, пещер, лабиринтов и сокровищ. Спасает только одно «странное здание», но, согласитесь, этого маловато. В том же путеводителе приводится легенда о королеве Педоке, которая осадила город, посадила вокруг него виноградные лозы и поклялась, что не уйдет, пока они не дадут плоды. Осаду прорвали, но перед тем как отступить, Королева, побуждаемая своим болезненным северным воображением и страстью к ритуалам плодородия, с литургической яростью совершила обряд, не лишенный поэзии и театральности: окропила окрестности соком собранного винограда, заменившим кровь александрийцев, которую ей так и не удалось пролить. ...Хранят ли александрийцы память об этом вагнерианском эпизоде? Да: в народе до сих пор бытует поговорка

«Смышленный, как Педока», — так говорят о тех, кто умом не блещет. Ведь если уж ты дал себе труд посадить виноград, умнее было бы выпить свое вино самому, чем просаживать его на какой-то грошовый *потлач*.

Алессандрийская земля скудна легендами; впрочем, и Историю она поспешила забыть. И хотя та всегда проходила от нее очень близко, горожане ни разу не протянули руки, чтобы коснуться ее плаща. Так прошли мимо Алессандрии римские легионы и кельтские завоеватели, пока жители четырех городков — Роверето, Маренго, Гамондио и Бергольо — восемьсот лет назад не решили объединиться в коммуну и примкнуть к Ломбардской лиге, поскольку от Фридриха Барбароссы они просто не знали чего ожидать. Но и это хрестоматийное предание о «соломенной Алессандрии», появившейся, чтобы защитить итальянскую городскую коммуну от варварских орд, не имеет под собой основания. Новые горожане сопротивлялись Барбароссе только из вредности, а не по идейным соображениям, и даже — хотя чему тут удивляться — умудрились отсидеться и во время битвы при Леньяно.

Они торговали, воевали, затевали ссоры, но когда в 1282 году сняли у павийцев цепи с моста и принесли их в собор как трофей, то вскоре ризничий забрал их, чтобы оснастить очаг у себя на кухне, и никто этого даже не заметил. Они разграбили Казале, сняли ангела с башни собора, но ухитрились нечаянно его потерять. В 1213 году в Алессандрии побывал Святой Франциск Ассизский и умирил волка. Самого настоящего свирепого зверя, волка, такого же, как в Губбьо, ни больше, ни меньше... А я узнаю об этом только сейчас из этой книги. Никто никогда мне об этом не рассказывал, мои предки не считали историю какого-то монаха и волка достойной внимания. Губбьо благодаря такому же преданию сотворил себе славу на века, а Алессандрия о нем просто забыла. Неверие в тайну.

Сомнение в ноумене. Город без идеалов и без страстей. В эпоху, когда кумовство было возведено в ранг добродетели, папа Пий V, уроженец Александрии, прогнал своих родственников из Рима, сказав, чтобы устраивались сами. В городе веками жила богатая еврейская община, а у александрийцев не достало моральных сил стать антисемитами, они забыли о соблюдении предписаний Инквизиции. Их никогда не воодушевляли Героические доблести, даже когда предписывали расправиться с иными, не такими, как они сами. Они ни разу не почувствовали необходимость нести Слово на острие оружия; не создали никаких своих, особенных языковых образцов для радиоведущих, выдающихся произведений искусства, ради сохранения которых стоило бы собирать подписи, им нечему и некого учить. Александрия не оставила своим детям ничего, чем они могли бы гордиться, впрочем, и сама она никогда не стремилась гордиться ими.

Знали бы вы, какую гордость испытываешь, когда обнаруживаешь, что ты дитя города, свободного от велеречивости, от преданий, от призвания и от истины.

Шифр политиков

Тот, кто очутился пасмурным утром 17 июня 1968 года на пьядца дель Джезу¹ и услышал, как один выдающийся политик из демохристианской партии заявляет репортеру агентства «Нуова Стампа»: «Не одноцветные демохристиане, а демохристиане одного цвета», — наверняка допустил страшную ошибку, если счел эти слова лишены смысла. Действительно, поскольку одноцветное правительство — это правительство, сформированное членами одной партии, легкомысленный прохожий мог пребывать в некотором недоумении, так как не видел ни одного отличия между спагетти с томатным соусом и спагетти, приправленными только томатным соусом. На самом же деле для тех, кто следил за министерским кризисом, эта фраза означала следующее: «Мы будем управлять страной, но снимаем с себя всякую ответственность за свои действия», — только сказано это было более

¹ На этой площади находится штаб-квартира Христианско-демократической партии Италии.

изящно, посредством элегантной риторической фигуры, которая в классических трактатах называется антима-таболой.

То, что итальянские политики мастера по части барочных изысков, давно известно, а перифраз всегда был их любимой риторической фигурой.

Но кризис этих последних дней, если посмотреть на него с профессиональной точки зрения, предстает как настоящее пиршество риторического остроумия, где в ход идут и самые сложные фигуры: от оксюморона до антите-тона и от эпанортозиса до умолчания и парадокса. Тем не менее было бы несправедливо полагать, что причиной этого избытка словесных тонкостей являются злоупотреб-ление канцелярским стилем и классической адвокатской культурой и дотехнологическая природа нашего гуманиз-ма. За употреблением риторических фигур (или тропов), даже когда они возникают инстинктивно, всегда стоит точный политический расчет. Сначала фигура использу-ется, чтобы выразить сложное понятие более доходчиво: так, о политическом лидере скажут «солнце, освещающее нашу жизнь», о французах, врагах латинского фашиз-ма, — «кузены-бастарды»; но со временем — в соответ-ствии с законами барокко — оригинальность становится самоцелью: «Поэта цель — стихами поражать: кто удив-лять не в силах, брось писать»¹.

Отточенные обороты сочиняются для того, чтобы их смогли понять только самые утонченные, те, кто владеет всеми секретами языка избранных: риторика становится отличительным знаком высшего класса. Но когда слож-ные обороты, понятные лишь избранным, используются в обращении ко многим (как это происходит в пресс-ре-лизах или в большинстве передовиц), риторика, как уже

¹ Джамбаттиста Марини (1569–1625). Перевод Е. Солоновича.

отмечалось выше, превращается в инструмент подавления. Пишущий не смотрит на читателей — они не должны знать правду — а обращается непосредственно к себе подобным: именно им и предназначено его послание. У читателей возникает иллюзия, что им сообщили некую информацию (если они мало что поняли, то сами начнут взращивать в себе комплекс неполноценности), в то время как послание исходит от одной группы власти, доходит до другой или до представителей политической или экономической власти, к которой оно обращено, и выполняет свою миссию. Риторика становится языком господ: так раньше в богатых семьях (до того, как повсеместно распространился достойный сожаления обычай брать в дом девушек *au pair*¹) за столом говорили по-французски, чтобы не понимала прислуга. А теперь посмотрим, как риторические уловки одержали победу в эпической битве солнцестояния², которая вошла в историю как «битва недеяния» и которую можно легко описать, перефразируя Энцо Янначчи, словами: «Я не приду. А ты — да»³.

Семантическая битва началась 12 июня с заявления сенатора Дзаньера: «Это в целом открытый вопрос. На данный момент все статично». Хитрость в том, что раз вопрос открыт, на данный момент все должно быть динамично. Поскольку мы, естественно, понимаем «открытый вопрос» как «нестабильную ситуацию», то выводим из своего понимания первую формулу: «статичная нестабильность».

¹ *Девушка au pair* (фр.) — иностранка, живущая в семье и служащая гувернанткой, компаньонкой или помощницей по дому.

² В русской традиции эта битва получила название «Битва при Пьяве» (15–23 июня 1918).

³ Отсылка к известной песне; в оригинале фраза звучит так: «Я тоже приду! — Нет, ты нет».

В риторике этот прием называется оксюмороном. По Горацию, оксюморон — это «*regum concordia discors*», столкновение двух противоположных друг другу понятий, например: осторожный энтузиазм, ясная двусмысленность, сильная слабость. Когда он применяется к месту, то позволяет усилить поэтичность и экспрессивность выражения, когда не к месту — ослабляет его смысл, позволяет не сказать ничего. Но желание ничего не сказать тоже может иметь политический смысл, иначе как объяснить слова Ненни¹, который 21 июня произнес: «Сейчас необходимо решить... Нам остается только воздержаться» (если рассматривать это заявление дословно, в нем есть что-то петролинианское²).

Итак, мы начинаем с оксюморонов, к которым приходим через другой любопытный прием, называющийся в риторике эпанортозисом. Он состоит в уточнении первого сообщения через другое, которое его изменяет. И вот 17 июня появляется следующий текст: «Это будет правительство конкретных дел... точнее, ожидания». Те, кто склонен думать, будто правительство, которое «ждет», работает меньше, чем работающее, ошибаются; правительство ожидания должно быть правительством «в полноте своей власти», то есть для того чтобы ждать достойно, оно должно переделать огромное количество дел. Объяснение заключается в том, что ожидание касается не правительства, а партий, которые, пока правительство правит, должны выжидать, чтобы прояснить свои собственные позиции. То есть заниматься «стремительным ожиданием». Этот оксюморон настолько смел, что никто не хочет

¹ Пьетро Ненни (1891–1980) — итальянский политический и государственный деятель, журналист.

² Этторе Петролини (1884–1936) — знаменитый итальянский комик.

признаваться в его авторстве. Он был напечатан в «Пополо» от 17-го числа и приписывался социалисту Карилье; в тот же день на страницах «Аванти!» утверждалось, что его изобрел Гава; а на следующий день «Коррьере» приписал его Сулло. Теперь настала очередь парламентариев-социалистов высказаться по этому поводу, и они возобновили полемику о недеянии. 13 июня Мариотти заявил, что недеяние выражает волю социалистов вернуться в правительство «в случае, если левоцентристы, помимо прочего, гарантируют критику и демократические преобразования в существующей социальной политике», но 18 июня Прети заявил, что надо работать, потому что «сегодня перед социалистическим движением Италии и Европы не стоит задача выполнения функции оппозиции». Мы получаем два образцовых оксюморона: «деятельное недеяние» и «бездеятельное деяние».

И тут недеяние овладевает и христианско-демократической партией: начиная с левых и постепенно вовлекая всех ее представителей. Правительство будет христианско-демократическим, но не станет рупором идей ХДП. Об это важном решении объявляют при помощи целой серии семантических трюков, которые в риторике называются умолчанием. В «Пополо» Манчини говорит о том, что ХДП будет следовать линии неучастия. В «Аванти!» это говорит сама ХДП. В обоих случаях ясно, что ХДП отмежевывается от правительства демохристиан, которое должно быть избрано при помощи социалистов. Благодаря своему острейшему семиотическому чутью Манчини улавливает это противоречие и подает его в форме антитетона: действительно, теперь получается, что ХДП должна взять на себя ответственность по формированию правительства, в котором она не хочет принимать участие, в то время как Унитарная социалистическая партия

отмежевывается от правительства, на которое она должна работать. Мы перешли к другой, всем известной фигуре, парадоксу.

Это кульминационный момент. Благодаря успешной игре в умолчания через три дня после публикаций в газетах о неизбежном назначении Леоне¹ Сулло объявил стране, что поскольку, как он неожиданно узнал, формирование правительства ожидания будет предложено его другу Леоне, ХДП заверяет его в своей дружбе и солидарности. Под солидарностью надо понимать, что, «формируя правительство, Леоне возьмет в него тех демохристиан, которых пожелает, но ХДП ничего об этом не знает». Как она может об этом не знать? — Благодаря уловке, которую средневековые логики называли суппозицией. Она известна и современной семантике: сказать «Данте» не то же самое, что сказать «автор “Божественной комедии”»; то есть именуемое не меняется, но меняется смысл именованного. Например, у Данте был орлиный нос, но для него как автора «Божественной комедии» это не имеет никакого значения. Гуи², Андреотти³ или Леоне можно рассматривать с точки зрения двух разных суппозиций: как политиков, случайно записанных в ХДП, и как политиков ХДП. В первом случае они будут сотрудничать с правительством, которое, действительно, является не одноцветным демохристианским, а одноцветным с демохристианами.

Круг нашей риторической драмы с множеством актов (политических) замкнулся. Протестующее недеяние,

¹ Джованни Леоне (1908–2001) — итальянский политик, дважды премьер-министр страны. Президент Италии с 1971 по 1978 г.

² Луиджи Гуи (1914–2010) — итальянский политический деятель, министр обороны Италии (1968–1970), министр внутренних дел (1974–1976).

³ Джулио Андреотти (1919–2013) — итальянский политик, неоднократно председатель Совета министров Италии.

прокрастинирующее деяние, яростное ожидание, принятие ответственности за все, исключая последствия, несогласное согласие, параллельная дивергенция, острейший тупой угол, круг с гипотенузой и радикальное решение, которое оставляет все как есть, — все эти словесные конструкции, которые только предвзятые люди могли бы называть лишенными смысла, оправданы довольно простым решением, принятым двумя партиями правительства. Не прибегая к риторическим фигурам, это решение можно сформулировать так: «Дайте нам время подумать». Если же эти риторические переодевания кажутся такими абсурдными, в том нет вины риторики, которая всегда выражает то, что хочет сказать. Просто в политике у тех, кто хочет править страной, никогда нет времени сначала подумать.

1968

Иллюзия ИСТИНЫ¹

Мне очень приятно, что Пьеро Оттоне² удостоил вниманием мою статью об итальянской журналистике: значит, этой темой интересуются и специалисты. Однако меня поразило, что он с такой страстью отреагировал на единственный пункт, по которому, как мне кажется, современная философия уже расставила все точки над *i* — необъективность новостей. Реакция Оттоне доказывает, что миф об объективности очень живуч и все еще определяет представление журналиста о своей работе, а значит, и то, как воспринимают журналистику читатели. В этом смысле итальянская журналистика не лучше других: объективность — это часть идеологии современной

¹ После моей статьи «Промывка читателей» в цветном приложении к «Эспрессо» на страницах этой газеты разразилась полемика на тему «объективности» с участием Пьеро Оттоне, Индро Монтанелли, Эудженио Скальфари и Джорджо Бокка. (Примеч. авт.)

² Пьеро Оттоне (1924–2017) — известный писатель и журналист. В 1950-е гг. был корреспондентом «Коррьере дела сера» в Москве.

журналистики, однако уточним, что это «идеологический» подход.

Под «идеологией» я имею в виду теоретическую надстройку, созданную для того, чтобы скрыть положение вещей, а следовательно (именно это я и хотел бы прояснить для Оттоне), говорить о мифе объективности не означает пускаться в «псевдофилософские изыскания», напротив, это значит выявить и обличить существующую псевдофилософскую установку, а именно, идеологический миф об объективности.

Я писал свою статью, основываясь на здравом смысле и личном опыте: в ней я говорил о том, что передача информации — работа непростая. Это не означает, что я всего лишь пытаюсь обыгрывать тему невозможности взаимопонимания в духе Антониони¹. Да кто вообще говорил о том, что взаимопонимание (в чем, кажется, и упрекает меня Оттоне) невозможно? Сказать, что работа журналиста полна трудностей и не так проста и прозрачна, как показывают в американских фильмах 30-х годов: «Журналист знает правду и говорит правду, его хотят убить гангстеры, но в конце концов истина побеждает, и общественное мнение на его стороне» (см. «Микки-Маус — журналист»), — не значит заявить, что всякая коммуникация между людьми невозможна. Это предложение выяснить, отбросив в сторону различные мифы, что такое журналистская объективность, не только чтобы об этом знали сами журналисты (в статье я рассматривал это как само собой разумеющееся), но и читатели.

«Миф об объективности» означает, что, сообщая новость, мы уже ее интерпретируем, хотя бы потому, что именно ее мы выбрали. Тем более что газету делают

¹ В творчестве Антониони была тема «невозможности взаимопонимания» в принципе.

заголовки, их величина, шрифт, верстка и композиция страницы, расположение статьи на той или иной полосе, цвет, если используется цветная печать, и еще много всего другого. И каждый из этих элементов на своем уровне порождает свои интерпретации.

Разумеется, как говорит Оттоне, некоторая объективность вполне достижима. В своей статье я как раз приво-дил большую цитату из «Старз энд Страйпс» о Джоан Баэз¹ и движении за отмену обязательного призыва в армию. Это образец честной новости. Но и в этом случае тот факт, что газета напечатала эту новость, поместила ее на определенной странице, визуальнo выделила ее определенным образом, сам факт, что именно такая газета (для военных) написала о критике военного призыва, — все это придает этой «объективной», «чистой», честной, излагающей одни лишь факты статье особый смысл: она уже является «политической». Дело в том, что когда Оттоне говорит о «честной и объективной» прессе, он ставит эти прилагательные в один ряд, как будто это синонимы. На самом же деле их необходимо разделить. Не следует путать честность (то есть этический выбор и следование определенному своду правил) с объективностью (так называемой верой в мифическую истину, якобы содержащуюся в вещах).

Журналист не обязан быть объективным. Он обязан свидетельствовать. Он должен свидетельствовать о том, что знает (и тут хорошо подойдет пример Оттоне: если он с чем-то не согласен, то должен излагать мнения всех сторон) и должен сказать, что он сам думает по этому поводу.

Для меня хорошая новость та, что различает изложение фактов и изложение суждения. Например: «Человек

¹ Джоан Баэз (род. 1941) — американская певица, активистка антивоенного движения.

укусил собаку» (факт). Точка. «Я считаю, что это ужасно» (оценочное суждение). Плохая новость — та, в которой смешиваются оценка факта и его изложение. Например: «Один нехороший человек укусил бедную собаку». Протицирую по памяти два заголовка статей, вышедших в двух независимых миланских газетах. В них говорилось (в обоих случаях «объективно») о протестах рабочих «Саламини» в Парме во время велогонки Джиро д'Италия. Но в одной статье речь шла о «рабочих бывшей фабрики Саламини», а в другой — о «бывших рабочих Саламини». В конце концов, оба определения были верны: фабрику закрыли, она стала «бывшей», как и оккупировавшие ее рабочие. Но говоря «бывшая Саламини», мы подразумеваем, что фабрика прогорела, а говоря «бывшие рабочие» — что это группа людей, отстраненных от чего-то, продолжающего свою законную деятельность. С другой стороны, я не могу (если не принимать в расчет личные симпатии) обвинять какую-либо одну из этих газет в том, что она лживее другой: каждая преподносила события со своей точки зрения.

И все это не имеет никакого отношения к объективности. Объективность подразумевает, что новостная заметка описывает нам реальность такой, какая она есть на самом деле. И что газета, сплошь состоящая из новостей, — это отражение реальности во всей ее полноте. И если в такой-то день я помещу заметку о человеке, укусившем собаку, вместо того чтобы написать о ребенке, попавшем под велосипед (и это будет фатально, поскольку газета вмещает куда меньше вселенной), газета будет отражать то, что вижу в реальности я, то, что является реальностью для меня. Это не плохо, это вполне по-человечески и разумно. Главное, не скрывать этот факт от читателей. А миф об объективности — скрывает, более того, иногда скрывает даже от самих журналистов. В этом смысле миф об объективности — это намеренная фальсификация, это

идеология (в худшем смысле этого слова). Журналистика должна бороться с этой идеологией, если хочет быть демократической. То есть, по моему мнению, задача журналиста состоит не в том, чтобы убедить читателя, что он говорит ему правду, а в том, чтобы его предупредить: журналист сообщает «свою» правду. Есть и другие. Уважающий читателя журналист должен оставлять ему возможность выбора. Для этого существуют тысячи разных способов: можно открыть дискуссию вокруг новости, рассказать о других ее толкованиях и о новостях других журналистов, подчеркивая, что речь идет о личных взглядах, когда они личные, чтобы все отдавали себе в этом отчет. Таких способов бесконечно много, и Оттоне владеет ими куда лучше меня, моя же задача ограничивается тем, чтобы сформулировать проблему с теоретической точки зрения, а не решить ее на практике. Хотя я и сам могу незамедлительно воплотить на деле все, о чем написал. Я изложил свое понимание журналистики, и знаете, что я думаю об идее Оттоне о «чистой» газете, которую выпускает «чистый» издатель, заинтересованный не в победе той или иной партии, а лишь в том, чтобы «понять, как обстоят дела, и рассказать об этом читателям»? — Я думаю, что это «идеологическая» формула. Но да будет читателю известно: мое мнение не «объективно».

Монстры На первой странице

Разумеется, нельзя судить о фильме по нескольким страницам сценария, но в любом случае думаю: лучшим комплиментом ему будет то, что в нем отсутствует художественный вымысел¹, что все в нем показанное так или иначе произошло на самом деле, и нам не придется сильно напрягать память, чтобы подобрать примеры в недавней хронике.

Другими словами, в фильме в художественной форме поднимается до сих пор не решенная проблема объективности и истинности информации, заставляя кое о чем задуматься. То, что информация правдива, еще не означает, что она правдиво используется. Отставим версию о том, что редакторы газет «фабрикуют» виновных из политических соображений, как слишком невероятную. Достаточно того, что они сообщают о существовании виновного (и преступления) на первой полосе, чтобы заставить забыть о других

¹ В этой статье 1972 г., опубликованной в газете «Эспрессо», автор комментировал сюжет фильма Беллоккьо «Ставь монстра на первую полосу». (Примеч. авт.)

виновных и других преступлениях. То, как по телевизору месяц назад преподносили новости о Фельтринелли¹ и Раути², может служить примером этой техники: сначала всегда говорили о первом, а затем о втором, связывая эти события, показывая их как две стороны одной медали³. Убийца невинных девушек объективно всегда будет убийцей невинных девушек, но если о нем пишут на первых полосах, чтобы заставить забыть о воздушной атаке во Вьетнаме или о правительственном скандале, то он становится (с точки зрения журналистики) выдуманным убийцей. Чтобы защититься от такого превышения журналистских полномочий, нужно спросить себя (если считать новость преступлением и следовать логике лучших детективных романов): «кому это выгодно?» Кто выиграет от того, что именно сейчас определенной новости уделяется столько внимания, какие другие новости оказываются в ее тени? И тогда мы смогли бы расшифровать газеты так, как антифашисты во время фашистского двадцатилетия⁴ с герменевтической прозорливостью расшифровывали скупые строки «Оссерваторе Романо»⁵,

¹ Джанджакомо Фельтринелли (1926–1972) — итальянский издатель и политик левого толка.

² Пино Раути (1926–2012) — итальянский неонацистский политик. Многократно обвинялся в причастности к неонацистскому терроризму. Ведущий идеолог ультраправого радикализма.

³ Речь идет о трагической смерти Фельтринелли 14 марта 1972 г. Первая версия о преднамеренном убийстве впоследствии была опровергнута. 4 марта того же года был выдан ордер на арест Пино Раути. Против него было выдвинуто обвинение в организации террористических актов на железной дороге.

⁴ Период с 1922 по 1943 г.

⁵ Как сказал Джулио Андреотти, неоднократно избиравшийся председателем Совета министров Италии, в фашистские годы «Оссерваторе Романо», сохранявшая независимость от власти, была единственной газетой, которая сообщала о том, что происходило в Италии и за рубежом.

чтобы понять, что происходит. Но эта грустная перспектива не для свободной страны. Она подходит только для людей проницательных и образованных. Вывод: в нашей стране защита от прессы остается классовой привилегией.

У остальных, так или иначе, остается подозрение, что над журналистской этикой угрожающе нависает идеология новости любой ценой (которая не имеет ничего общего с идеалом истины любой ценой), поэтому честный журналист должен не только бежать всякого злого умысла и малейшего риска исказить информацию, но и всегда спрашивать себя, не фальсифицирует ли он факты только для того, чтобы сделать их более выразительными. Это серьезная проблема, и она касается всех, в том числе так называемой демократической прессы, и тут нет смысла принимать вид оскорбленной невинности. Что значит подать определенную новость определенным образом?

Аристотель в своей «Риторике», обучая желающих убедить других в вещах спорных и неточных, советовал ссылаться на «примеры». Пример — это факт, схожий с другим фактом, который приводится как доказательство (точнее, чтобы внушить, что доказательство существует): «Дионисий замышляет стать тираном, ведь он попросил себе вооруженную стражу. Действительно, до него стражу просил Писистрат, а получив желаемое, стал тираном». Понятно, что Дионисий мог попросить себе стражу по сотне других причин, но как же избавиться от воспоминания о Писистрате?

Перенесем этот прием в наши дни. Убийца бежал, прихватив с собой пару ботинок. Затем в доме одного из подозреваемых был произведен обыск, во время которого (пишут в газете) «обнаружено множество пар обуви». Разумеется, множество пар обуви можно обнаружить даже в шкафу президента Итальянской Республики и архиепископа Миланского, и вопрос лишь в том, идет ли речь

о «той самой» паре. Но как только эта фраза прозвучала (лучше, если в такой формулировке: «важное обстоятельство: найдено множество пар обуви»), читателю будет трудно избавиться от сильных подозрений или, по крайней мере, не относиться к обвиняемому с недоверием.

Рассказывая о смерти Фельтринелли и об обысках, которые за ней последовали, все газеты (практически без исключения) повели себя одинаково. У каждого из нас может лежать в кармане записная книжка с адресами, в этом нет ничего необычного. Но всякий раз, когда о том или ином задержанном писали: «У него обнаружили блокнот с многочисленными адресами», — непосредственная реакция среднестатистического читателя была следующей: «Вот негодяй! Я вот человек порядочный, и я адреса не собираю...»

Среди самых удивительных перлов мне вспоминается новость о найденной машине Коррадини, молодого члена «Рабочей власти»¹. Об этом сообщили по радио и написали в газетах. Коррадини арестовали, когда он заходил в квартиру на виа Леньяно, известную как «партизанский штаб». Новость звучала так: «Наконец удалось обнаружить машину Коррадини. Примечательно, что она была припаркована недалеко от партизанского штаба на виа Леньяно». Это доказательство казалось решающим, и мало кто задумался о том, что Коррадини арестовали на виа Леньяно, а значит, он каким-то образом до нее добрался и логично, что сделал он это на машине, которую он припарковал, и, если только он не был конченным идиотом, то припарковал поблизости, а не в Монце. Однако у кого был шанс не поддаваться впечатлению, что это совпадение было знаком, знак — доказательством, а доказательство — признанием?

¹ «Рабочая власть» — итальянская леворадикальная организация.

Хроники тех дней пестрели подобными описаниями событий. Nicolette Мислер представили как «странную» девушку, которая «все время ходит в мини-юбках». И неважно, что, пролистав пару страниц тех же самых газет, в рубрике для женщин читатель натыкался на красивые картинки, изображающие «нормальных» девушек в мини-юбках. Мини-юбка, ассоциируемая со «странностью, эксцентричностью, неблагонадежностью», приобрела греховный смысл и становилась залогом постоянного бунта.

К этой же категории принадлежат замечания типа «было найдено множество революционных брошюр», намекающих на карманные издания, которые продаются в привокзальных газетных киосках; а также «орудие преступления», которым может стать и канцелярская кнопка, ведь, как известно, кнопка, воткнутая в глаз, может причинить человеку серьезный вред. В хронике, посвященной похоронам Фельтринелли, говорилось и об Оресте Скальцоне¹, который, взяв слово, вдруг начинал говорить «низким голосом». Те, кто знаком со Скальцоне (а журналисты с ним знакомы), знают, что вряд ли он способен спеть, как кастрат в Сикстинской капелле, и что обычно диапазон его голоса колеблется от легкой осиплости до хрипа. Но как теперь развеять впечатление, что низкий голос не скрывает низкие мысли, а глухой не значит бесчувственный? Меня, однако, беспокоит, и должно бы беспокоить многих, что очень часто журналисты выражаются подобным образом не потому, что преследуют конкретные политические цели, а из простой и инстинктивной необходимости создать новость, то есть сделать обычное происшествие значительным.

¹ Орест Скальцоне (род. 1947) — один из лидеров организации «Рабочая власть».

И поскольку нет ничего убедительней банальности и обыденности, потому что они кажутся всем правдоподобными, вызванные ими впечатления и ассоциации становятся самыми страшными и живучими.

В итоге у журналистов остается только одно, последнее возражение: не наша вина, что слова с определенным значением влекут за собой употребление других определенных слов, а факты — фактов. Однако когда прокурор Виола вошел в дом Сабы¹ с пистолетом в руке, никому и в голову не могло бы прийти — если верить тому, что писали об этом в газетах, — что из того же самого оружия был убит консул Кинтанилья². Как видите, можно по-разному излагать факты, делая их нейтральными, невинными или опасными.

1972

¹ Джузеппе Саба был арестован 15 апреля 1972 г. как участник террористической группировки Джанджакомо Фельтринелли.

² Речь идет об убийстве боливийского консула в Гамбурге Роберто Кинтанилья. Убийство стало актом мщения Моники Эртль за Че Гевару: когда тот был уже убит, Кинтанилья приказал отрезать ему руки.

НОВОСТЬ ИЗ МОРОЗИЛКИ

В недавних спекуляциях по поводу покушения на ректора Миланского университета появились два новых приема, имеющих большое значение и для судебной практики, и для журналистики: заморозка преступления и новость замедленного действия.

Заморозку преступления применили судебные органы, когда вдруг сообщили ужасную новость: «Двадцать дней тому назад было совершено преступление; просим сохранять спокойствие и хладнокровие: уже выдан ордер на арест виновных».

Предположим, про бопо расis, что Капанна¹ и его банда выбили бревном дверь в кабинет ректора, напали на него с бритвенными лезвиями, нанесли ему страшные увечья и подожгли на нем брюки. Тут приезжают стражи порядка, смотрят на все это, констатируют и, хитренько

¹ *Марио Капанна* (род. 1945) — известный политический активист, писатель. В юности принимал участие в студенческих протестах.

ухмыляясь, лицемерно не произносят ни слова. Затем на протяжении двадцати дней они ведут себя тише воды ниже травы и хранят эту щекотливую тайну столь ревностно, что спят отдельно от жен, дабы ненароком не проболтаться им во сне. Тем временем преступник — Капана — гуляет на свободе и может убить еще сколько угодно ректоров. Двадцать дней спустя проводится пресс-конференция и сообщается чудовищная новость. На полицейских машинах включают сирены, и начинается операция по захвату. Преступление из морозилки (преступление «Финдус»¹) употребляется, когда это выгоднее всего.

Если это станет нормой, радоваться будет нечему: потрошители будут спокойно разгуливать по паркам в ожидании, что власти их разморозят, когда им будет нужно. А может, это был обычный акт правосудия, и с Капанной и его подельниками поступили так же, как с высокими чинами, обвиняемыми в хищении государственных средств: их махинации обнаруживаются и обнародуются годами позже, когда все улики устарели, а деньги уже в Швейцарии.

Но удивительнее всего была реакция прессы. С похвальной быстротой почти все газеты дали новость под такими заголовками, будто все случилось накануне («В Милане совершено особо жестокое преступление!»), упрятав дату поглубже в текст статьи. Кто-то из превратно понятого журналистского долга отдал под описание события четыре страницы, с таким же успехом можно было посвятить восемь полос статье с заголовком: «Перепалка из-за места на парковке, один из участников обозвал другого “глупцом”».

Вопреки всякому здравому журналистскому смыслу, событие, потерявшее актуальность больше двух недель назад, было подано как горячий пирожок с пылу с жару. А ведь

¹ Известная в Италии марка замороженных продуктов.

если власти смогли держать его в тайне (чтобы использовать в нужный момент), значит, оно не такое уж важное и можно было подождать двадцать дней, чтобы подать его с наибольшей эффективностью.

Я бы назвал этот прием в журналистике замедленным подсакиванием, как в американских фильмах: комический персонаж поднимается по лестнице в свою квартиру, видит, как женщину душит горилла, и не обращает на это никакого внимания. Потом он заходит домой, встает перед зеркалом, чтобы побриться, и с улыбкой бормочет себе под нос: «Гляди-ка, а у нас на лестнице горилла!» — И тут вдруг подсакивает, хватается за голову, вытаращив глаза, и орет не своим голосом: «Горилла на лестнице!!!»

Если так пойдет и дальше, думаю, на первой полосе «Иль Джорно» мы скоро увидим заголовки вроде: «Сенсация! Наполеон проигрывает битву при Ватерлоо!» (читайте репортаж нашего корреспондента и интервью с Меттернихом). Или же: «Мартовские Иды в Риме омрачены несчастьем. Срочно: убит Юлий Цезарь! Эксклюзивное интервью нашего специального корреспондента в Филиппах с Брутом». А в «Коррьере» на шести полосах будет значиться: «Скандал в Неандертале: американские ученые отмечают изменения в повадках и характере больших обезьян. Стоит ли ожидать появления человека на планете Земля?» А на второй полосе Индро Монтанелли¹ изложит свои подозрения по поводу того, что это всего лишь новая идеологическая манипуляция левых.

1973

¹ Индро Монтанелли (1909–2001) — итальянский журналист и историк, основатель газеты «Иль Джорно» и сотрудник «Коррьере дела сера»; автор более 100 книг.

Моды культуры

Les femmes nulles suivent la mode, les prétentieuses l'exagèrent, mais les femmes de goût pactisent agréablement avec elle.

*Marquise du Châtelet*¹

Национальная игра образованных итальянцев состоит из трех ходов. Господин Бьянки играет против господина Нери² (больше подробностей о динамике игр вы найдете у Эрика Бёрна в его «Играх, в которые играют люди»; позже станет понятно, почему я тороплюсь назвать первоисточник: иначе читатель Бьянки будет атаковать меня согласно второму ходу, как и автора Нери).

Первый ход:

Нери: Да таких убивать надо!

Бьянки: Опять эта итальянская провинциальность. В Великобритании уже лет десять как доказали, что убийства совершенно бесполезны. Если бы ты читал...

¹ «Никчемные женщины следуют моде, претенциозные доводят ее до крайности, а женщины со вкусом заключают с ней мирный договор». *Маркиза дю Шатле*.

² *Bianchi* в переводе с итальянского означает «белые», *Neri* — «черные».

Второй ход:

Нери: Я передумал. Ни одно человеческое создание не заслуживает того, чтобы его лишили жизни.

Бьянки: Тоже мне великая мысль. Об этом уже сказал Ганди.

Третий ход:

Нери: Ну и отлично, Ганди был прав.

Бьянки: Так я и знал. Теперь у нас пошла мода на пацифизм!

Эту формулу можно варьировать до бесконечности:
1) Не надо бы детям читать комиксы. — Ты ошибаешься, вот если бы ты следил за социологическими исследованиями американских ученых... 2) Ну да, вообще я и сам что-то читал, по-моему, комиксы вполне себе ничего. — Тоже мне, открыл Америку, еще сорок лет назад Гилберт Селдс¹ в «Семи занимательных искусствах»... 3) Прекрасно, я с ним согласен. — Я так и знал, теперь у нас мода на комиксы!

Или же: 1) В «Обрученных» Мандзони² мало лирических отступлений, что объясняется апоэтичностью структуры романа. — Ты ошибаешься. Если бы ты читал американские исследования нарративных структур... 2) Я передумал: сюжет тоже обладает поэтической функцией. — Вот так открытие! Об этом говорил еще Аристотель. 3) Ну и отлично, он был прав. — Так я и знал, теперь у нас все стали последователями Аристотеля.

¹ Гилберт Селдс (1893—1970) — американский писатель и культуролог. В своем главном труде «Семь занимательных искусств», посвященном массовой культуре, выделял семь американских искусств: водевиль, джаз, газетную сатиру, кино, комиксы, ревю-обозрение и цирк.

² Первый итальянский исторический роман. Опубликован в 1827 г., входит в обязательную школьную программу.

Это не выдуманная игра. Если что-то и поражает иностранцев в нашей культурной среде, так это постоянные возражения, будто то, что они только что сказали, ранее уже сказал кто-то другой. Обычно иностранцы не понимают, почему это должно их заботить: они не знают, что как только они уедут, те, кто высказал согласие с их точкой зрения, будут заклеены как конформисты. После трех попыток их итальянские поклонники уже не смогут их цитировать.

Из этой игры нет выхода, ведь она зиждется на трех непреложных логико-антропологических принципах: 1) на каждое утверждение, высказанное в определенном месте, существует обратное утверждение, высказанное раньше в другом месте; 2) на любое утверждение, высказанное в определенный период, существует точно такое же утверждение досократиков; 3) любое согласие с неким тезисом, выраженное несколькими людьми, делает мнение этих людей «соглашательским», или «конформистским».

Под воздействием этой национальной игры итальянцы становятся особенно восприимчивыми к опасности, которую обычно называют «культурной модой». Стремясь к новизне и сурово осуждая тех, кто знает меньше, чем они, итальянцы склонны считать паразитарной всякую идею, порожденную другими в процессе узнавания, и осуждать эту новизну — на самом деле благоприятную — как моду.

Стремление к новизне подвергает их риску моды, а суровость по отношению к новизне у других действует как противовес, вследствие чего это новое становится проходящим, то есть именно модой. В результате культурные направления и движения появляются с большим трудом, так как Бьянки следят за Нери и стимулируют смену их мнений, причем каждый Бьянки становится Нери для кого-то другого, кто тоже в свою очередь был когда-то Нери.

Таким образом погоня за новизной в сочетании со страхом моды нейтрализует эту новизну и способствует появлению моды.

Эта ситуация была бы не лишена некоей акробатической тяжеловесности и балетного изящества, если бы развитие средств массовой информации не ввело в игру новый тип игроков: итальянцев, интересующихся футболом.

Этот интерес стимулирует быстрое распространение новостей в журналах и газетах. Так, итальянцы, интересующиеся футболом, узнают все и об игре, в которую играет высший класс. Правда, они не в состоянии понять все, что говорят представители этого класса, и останавливаются лишь на середине цикла «незнание — информация — согласие — мода — отвержение». В некотором смысле они вступают в игру на этапе третьего хода, когда игрок Неро соглашается с доминирующим тезисом, который высказывают другие, и закидываются на своем открытии, упуская из виду, что Неро уже проиграл Бьянко, оставил свои воззрения и играет следующий матч. Получается, что в низших классах мода длится дольше (выражаясь в языке, обсуждаемых темах, вербальных тиках), чем в высших (уточним, что разделение на классы в данном случае может проходить не по материальному принципу).

Вот почему может быть небезынтересно проследить за тем, как на протяжении одного десятилетия зарождаются, живут, перерастают в злокачественную опухоль культурные моды. О том, что они живы, свидетельствуют языковые пристрастия, цитаты, журналистские aberrации; об их смерти — поверхностность образованных игроков, наша трагичная неспособность выпестовать идеи и настроения, научные тенденции, темы, проблемы.

Особенно интересно проследить за этим циклом в течение десятилетнего промежутка, который можно определить

как (используя ставшую знаменитой формулировку Арбазино¹) «поездку в Кьяссо»². В период двадцатилетия³ провинциальная итальянская культура смирилась со своей робостью, обвиняя в ней диктатуру, которая не давала возможности узнать, что происходило за пределами страны (добавим: было даже необязательно ехать в Кьяссо, чтобы узнать, что где печаталось; Грамши⁴ и в тюрьме удавалось читать немало), и в первые десять лет после освобождения она продолжала взращивать в тени свой греховный сад. Но вот на горизонте забрезжили шестидесятые, и на страну вдруг обрушился шквал новизны, которую граждане жадно впитывали из культурных разделов газет, из книг в твердых обложках, из книг в мягких обложках, которыми кишели газетные киоски. За открытиями следует восхищение, восхищение перерастает в языковые привычки, языковые привычки порождают слова-паразиты, а слова-паразиты — неуместные нелепости.

Подтверждением наших слов служит печальная судьба слова «отчуждение». Это известный научный термин, описывающий исторический факт, ужасное положение вещей, которым исследователи оперируют в своих работах без каких-либо плачевных побочных эффектов и который

¹ Альберто Арбазино (род. 1930) — итальянский писатель, публицист, общественный деятель.

² Кьяссо — швейцарский город на границе с Италией. В своей статье «Поездка в Кьяссо» Арбазино писал об отставании Италии от Европы, где печатались и обсуждались книги, которые еще не были переведены на итальянский язык.

³ Имеется в виду фашистское двадцатилетие — период с 1922 по 1943 г.

⁴ Антонио Грамши (1891–1937) — итальянский философ, журналист и политический деятель; основатель Итальянской коммунистической партии.

вдруг обесценился: от повторений сильнее делаются только мышцы, слова же теряют свою силу. То, о котором идет речь, жестоко пострадало, и очень кстати кто-то обличил его чрезмерное употребление. Я знаю одного студента философского факультета, который на протяжении нескольких лет писал работу о понятии отчуждения у Маркса и которому на рубеже 1961 и 1962 годов пришлось изменить название, чтобы его труд восприняли всерьез. Но бывали случаи, когда приходилось менять не только заголовок, но и саму тему. Все это очень печально.

Удастся ли исправить? — Не знаю. Пока я работал над контрольным экземпляром этого текста, со мной приключилась следующая история.

Я говорил с другом, которого давно не видел и который стал профессором в небольшом университете в провинции. Он был поглощен вопросами классической филологии, но следил и за «модными» веяниями в культуре — разумеется, со стороны и с определенной долей иронии, но с большим интеллектуальным интересом. Я рассказал ему, что в Америке познакомился с Якобсоном¹. Тот улыбнулся: «Слишком поздно. Именно сейчас, когда его развенчивают... — Кто же? — Да все. Его время прошло, как ты думаешь?»

Постойте, Якобсон родился в прошлом веке. Был участником Московского лингвистического кружка, стал свидетелем Революции, переехал в Прагу, пережил 30-е, выжил при нацизме, начал новую жизнь в Америке, пережил войну, столкнулся с новым поколением структуралистов и был провозглашен «мэтром», пережил самых молодых из нового поколения, завоевал рынки культуры,

¹ Роман Якобсон (1896–1982) — российский и американский лингвист, педагог и литературовед, один из крупнейших лингвистов XX в.

где о нем ничего не знали, отпраздновал свое семидесятилетие, пережил новые школы семиотики — славянские, французские и американские, оставаясь их предводителем; всё, что он делал, получало единодушное признание международного культурного сообщества; разумеется, он совершал ошибки, но пережил и их... Увы, в 1964-м в Италии его цитируют, в 1965-м читают, в 1966-м переводят, а к концу 1967 года его обесценивают итальянские интеллектуалы. *Quod non fecerunt barbari*¹ и так далее. За три года известности в Италии его перемололи и прожевали, и надо быть очень юным, очень наивным, очень отшельником или очень эмигрантом, чтобы верить в истинность его учения. А сейчас надо как можно скорее сделать уставшим Хомского², по возможности до того, как его переведут (если сыграть слаженно, все получится вовремя). Конечно, это требует усилий, зато какое потом испытываешь удовлетворение.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы признать, что зарождение и распространение культурной моды сеет непонимание, путаницу, неверное ее использование. Нам должно осудить культурные моды. Любой, кто когда-либо серьезно занимался темой, которая стала впоследствии модной, испытывал это неприятное чувство, когда каждое его слово толковалось не в связи с контекстом, но поднималось на стяг, становилось ярлыком, дорожным знаком.

То, что сегодня, как это ни прискорбно, даже ученый-конструктор не может говорить о конструкциях без

¹ Первая часть знаменитого латинского высказывания «*Quod non fecerunt barbari, fecerunt Barberini*»: «Что не сделали варвары, сделали Барберини» (лат.).

² Авраам Ноам Хомский (род. 1928) — американский лингвист, политический публицист, философ и теоретик.

того, чтобы не прослыть модным структуралистом, — это печальная и абсолютная правда. Тем не менее в возмущении модой таятся высокомерие и нескромность (ход номер три из нашей игры), такие же разрушительные, как и сама мода.

Между тем «мода» не появляется строго в рамках определенного класса или какой-то определенной специализированной среды. В классовой культуре темы и проблемы существуют на уровне, недоступном большинству: вкусы герцога Беррийского не могут стать модой хотя бы потому, что выражены главным образом в единственной рукописной книге, и никому не придет в голову печатать рисунки из «Времен года»¹ на платках для покупательниц, одетых в мини-юбки.

Специализированная культура защищает себя своей закрытостью. Термин «относительность», возможно, и породил некоторую моду, а уравнения Максвелла — нет.

Проблема моды появляется, когда по разным причинам достижение культуры с вершины спускается вниз посредством самых популярных и простых техник (то есть всех подряд — от плакатов до газет и телевидения). Распространение вербует для культуры новых пользователей, чтобы направить их к углублению и специализации, но платит за эту вербовку растрачиванием, изнашиванием: пущенные в обиход термины и понятия проходят через слишком много рук, чтобы вернуться к вершине пирамиды, откуда они спустились, целыми и незапятнанными, какими были когда-то.

Наряду с этим избыточная специализация влечет за собой стремление к междисциплинарности. Междисципли-

¹ Речь идет о знаменитом «Великолепном часослове герцога Беррийского», иллюстрированной рукописи XV в.

лиарность означает контакт и взаимопонимание между людьми, работающими в разных специализированных областях. Контакт устанавливается двумя способами: прежде всего, работник одной области должен пояснить работнику другой области смысл своего дискурса и границы своей вселенной дискурса; затем они оба должны перевести необходимые термины из своей области на язык терминов другой области. При этом переливании (в котором задействованы все культуры) многое проливается мимо. Попытки перевода порождают поспешные метафоры, неправильные толкования, вынужденную гонку за кажущейся новизной. Как и при распространении от вершины пирамиды к основанию, переносу из одной области в другую точно так же сопутствует инфляция.

Но если это правда, то культурные моды являются неизбежным следствием динамизации культуры. В той мере, в которой культура жизнеспособна, способна пересматривать самое себя и способствовать постоянному взаимодействию между ее различными уровнями, она порождает моду для каждого из аспектов, в которой она выражается. При этом мода образуется не как жмых, отходы, лохмотья подлинного культурного процесса; она в то же время является его навозом, плодородной почвой.

Поскольку доставка и перенос знания происходит не в стерильных условиях, тот, кто узнает что-то новое или переводит на свой язык то, что узнали другие, часто проходит через область культурной моды, улавливая проблему сначала в извращенной форме, и только позднее осознает ее в правильном виде. Таким образом, культурная мода является неотъемлемой частью культурного процесса, и часто именно благодаря призывам моды культура вербует своих будущих лидеров. Поэтому культура должна

не столько стремиться подавить те культурные моды, которые она же и порождает, сколько заботиться о том, чтобы держать их под контролем. Деятельность культуры состоит в том, чтобы производить и специализированное, и спонтанное, и массовое знание, а также критиковать недостатки массового знания. Не только сдерживать его, но делать так, чтобы оно порождало неожиданные связи, совпадения, а в результате — новое специализированное знание, посредством того более или менее упорядоченного процесса, в котором неверное понимание часто становится Интуитивным Прозрением. Так или иначе, в одном можно быть уверенными: культура, которая не порождает моду, — это статичная культура. В культуре индейцев хопи или племени алорезов не было и нет никаких мод. Потому что в ней не происходят никакие процессы. Культурная мода — это юношеское акне культурного процесса. Когда ее подавляют слишком жестко, это всего-навсего ускоряет наступление новой моды. И тогда мода принимается за постоянную модель и становится самым видимым аспектом культуры, которую мы могли бы определить как культуру Сменяющихся Мод. Вот в чем заключается наша проблема. Нам надо волноваться не о том, что культурные моды вообще существуют, а о том, что они проходят слишком быстро.

Французская культура — более зрелая, чем наша — вот уже с десятков лет прекрасно справляется с модой на структурализм и не стыдится ее, хотя и отдает себе отчет в ее перегибах. В итальянской культуре настораживают не тысячи идиотов, которые через слово вставляют термин «структура» в самых неподходящих для этого случаях, а сознание того, что очень скоро этих идиотов постигнет жестокая участь. Недооценивать бактериальную функцию (в ботаническом смысле) идиотов — признак культурной незрелости.

С другой стороны, если культура не порождает моды, то это культура статичная, если подавляет моды — реакционная, ведь первый импульс консерватора — заклеить всякую новизну как моду. Так Аристофан клеймил Сократа, Цицерон — «Cantores Euphorionis»¹, вплоть до возмущения дикарей, рупором которых стали Папини и Джульотти².

Мода, если только она длится достаточно долго, возвращает научную строгость, которую сама до этого и отняла в другом виде. Опасна она лишь, когда мимолетна.

1967

¹ «Неотерики» (дословно «младшие»), или «новые поэты». — Так Цицерон назвал группу поэтов, взявших за образец эллинистическую поэзию. Эпитет «новый» имел отрицательную коннотацию, связанную с нарушением сложившихся традиций.

² Речь идет о «Словаре дикаря», совместной работе философов Джованни Папини и Доменико Джульотти, вышедшем в 1923 г.

Стальная ЛОЖЬ

О последнем военном параде по случаю Дня Республики¹ в газетах пишут как о самом красивом и масштабном со Дня освобождения². А в стране с такой склонностью к беспорядочной импровизации, как наша, всякое проявление хорошей организации должно вызывать неподдельную радость. Так или иначе, римский парад — лишь повод начать разговор о самом понятии (и ритуале) военного парада, вне зависимости от того, где он проходит — на Красной площади или Елисейских полях. Что такое военный парад? Это зрелище, которое для жителей самой страны становится смотром красивых мундиров, кисточек, знамен, духовых оркестров и хореографических

¹ Имеется в виду национальный праздник (отмечается 2 июня) — День Республики в честь провозглашения Италии республикой в результате референдума, который был проведен 2 июня 1946 г.

² Имеется в виду День освобождения Италии от фашизма 25 апреля 1945 г.

построений, а всем остальным, в том числе внешним наблюдателям (то есть иностранцам), дает информацию касательно военной мощи и силы страны. Им словно говорит: «Смотрите, сколько у нас пушек, ракет, десантников и так далее». Цель любого парада — что-то среднее между пропагандой и устрашением, а иначе они не имели бы смысла. И действительно, Ватикан с его слабоватой армией, хотя и в великолепных мундирах, не устраивает военные парады, а устраивает религиозные, служащие устрашением, заявляя о своей безграничной власти связывать и разрешать на земле и на небесах, о сокровищах Мистического тела Христова, Вселенском трактате об Общени Святых¹ и так далее.

И здесь появляется противоречие между литургией и мифологией военного парада. Потому что его цель — выдать секретную информацию. Ведь любой гражданин, который (в письме, в записке, помещенной в бутылку, зашифрованным сообщением по радио, подчеркнув ключевые слова в Библии, привязав свернутое в трубочку послание к лапке голубя, спрятав микропленку в узле галстука и так далее) передал бы третьим лицам сведения о состоянии национальных войск (о количестве самолетов, ракет, маркитанток), тут же был бы осужден за шпионаж. Представьте, что Насер² устраивает парад, чтобы показать, как много у него солдат и военных самолетов, но если кто-то вздумает с верхней палубы торгового корабля сфотографировать всего одну казарму, он тут же окажется в тюрьме. И любой гражданский и военный суд в любой так называемой цивилизованной стране сделал бы то же самое.

¹ На латыни — *Communio Sanctorum*.

² Гамаль Абдель Насер (1918–1970) — египетский государственный и политический деятель, президент Египта (1956–1970).

Следовательно, военный парад стремится похвастаться тем, что он не может и не должен показывать. А поскольку высшие армейские чины и министерства обороны вряд ли занимаются шпионажем в пользу врага, это значит, что сведения, которые нам предоставляет военный парад, недостоверны. Парад «должен» демонстрировать либо ббольшую, либо мёньшую мощь, чем есть на самом деле, иначе он станет государственным преступлением. Говоря в терминах риторики, парад должен быть или литотой (когда об умном человеке говорят «он не так уж глуп»), или гиперболой (когда о человеке крепкого телосложения говорят «он просто гигант»). Если бы парад сообщал нам правду, то был бы примером паралипсиса («Не говоря уже о нашей мощи...»; а затем говорилось бы именно о ней). В мире военных парадов паралипсис является шпионажем.

И вот каждый год во всех странах происходит парадоксальное явление: первые лица государства и все граждане с серьезным и гордым видом идут смотреть на торжество лжи. Эта ложь выглядит настолько убедительной, что в нее безоговорочно верят даже иностранные политические комментаторы и пишут порой тревожные статьи о «впечатляющей демонстрации силы со стороны России, Китая, Франции (ненужное зачеркнуть) по случаю торжеств, посвященных 1 мая, 14 июля, 2 июня (ненужное зачеркнуть).

Все это наводит на мысль, что настоящая военная мощь проявляется не на парадах, а на войне, когда соотношение сил определяется количеством убитых на поле боя. Но и тут риторические обороты могут взять верх над «объективными» данными, и среди великого множества знаменитых выражений типа «стратегическое отступление» достаточно вспомнить телеграмму, в которой адмирал

Персано по окончании битвы при Лиссе¹ сообщал правительству, что вражеский флот, затопив половину его кораблей, отошел домой: «Мы остались хозяевами вод».

Все это напоминает изящный анализ выражений, обозначающих действия сексуального и смертоносного характера, который проделал Арбазино в последнем номере «Улисса», посвященном эротике. Убивать запрещено, но говорить об этом в обществе позволено; совокупляться разрешено, но говорить об этом не принято. Поэтому можно сказать «такой-то совершил убийство», но нельзя — «такой-то трахается», в то время как, напротив, совершить сексуальный акт с этим таким-то можно, а убить его нельзя. Сходство с военной риторикой чисто формальное, но и в ней наблюдается мистифицирующая инверсия между тем, что делается (или может делаться), но не говорится, ведь наказание — смерть, и тем, что не делается (или не может делаться), но говорится, ведь награда — слава.

1970

¹ *Битва при Лиссе* (20 июля 1866 г.) — морское сражение в ходе австрийско-итальянской войны 1866 г., в котором итальянский флот под командованием адмирала Карло ди Персано потерпел поражение.

Меч герцога

Гегель говорил, что утренняя молитва современного человека — это чтение газет, и я, будучи весьма набожным, всегда посвящаю этому занятию самые свежие часы моего дня. Но следуя своим давнишним аскетическим наклонностям, я также соблюдаю и вечерний обряд во имя Святой Девы, а именно, читаю судебные постановления. И не потому, что питаю неприязнь к тем, кто выносит эти приговоры, а по причине прямо противоположной. Помимо тех случаев, когда судья должен придерживаться четких правил, прописанных в кодексе, в своей юридической деятельности он призван выражать общественное мнение. Например, когда ему приходится решать, являются ли какая-либо одежда или изображение непристойными согласно «общим представлениям о приличии». В этом случае судье приходится совершать усилие, чтобы оставить свое мнение при себе и постараться стать выразителем существующей в данный момент системы ценностей. Если он рассматривает дело о физическом насилии, ему надо принять мысль о том, что девушка, которую привязали

к дереву и изнасиловали четверо мужчин в масках, скорее всего, не выражала на то своего согласия (хотя свои собственные представления о согласии он мог бы вынести и из «Истории О»¹). Следовательно, приговор — это правдивое отражение существующих ценностей.

Последней моей вечерней молитвой стало чтение текста, в котором гражданский суд Рима вынес заключение о разводе Мирты Барберини Шарры и Альберто Риарио Сфорцы после уже ставшей достоянием общественности «ночи с мечом», когда Риарио Сфорца преследовал супругу по всему своему фамильному особняку, потрясая боевым оружием. Согласно судебному решению, эти обстоятельства не должны влиять на оценку произошедшего: «Даже при желании вменить в вину Риарио Сфорца, что именно он совершил нападение, обстоятельства, которые спровоцировали подобное поведение, провокации, предшествовавшие этому событию, и отчаяние, вызванное постоянным унижением его человеческого достоинства, исключают всякое основание для того, чтобы подвести данный случай под какое-либо юридическое определение, делающее возможным расторжение брака по вине супруга».

Подобное заключение лично мне видится весьма разумным, и я был бы рад обнаружить в судьях такое же сочувствие, если бы вдруг погнался за своей женой, бряцая пишущей машинкой. Но ведь все дело именно в рабочем инструменте. Будь Риарио Сфорца мясником и накинься он на жену с ножом или кузнецом и накинься на нее с молотом, будь он строителем и погонись он за ней на экскаваторе, пытаясь зажать ее в механических челюстях, что бы произошло тогда? Разве не стали бы все говорить

¹ «История О» (1954) — эротический роман французской писательницы Доминик Ори на садомазохистскую тематику.

о зверской попытке убийства помешавшимся от гнева извергом? Думаю, что в данном случае общественное мнение о ценностях и масштабе личности подставило в это уравнение такие переменные, как «снисхождение» и «уважение». Герцог не бесчувственный мужлан, а меч, который обычно хранится в оружейной комнате, а не в сарае вместе с граблями и лопатами, — орудие благородное. В прошлом любой дворянин был бы счастлив умереть под ножом гильотины, этой специалистки по королям, но с ужасом встретил бы смерть от намыленной веревки, предназначавшейся для мелких воришек. Наконец, достоинство графа более уязвимо, нежели достоинство коммивояжера, торгующего щетками, и нанесенное ему оскорбление оправдывает нападение с мечом в руках, в то время как размахивание пилой или напильником общественное мнение вряд ли оправдало бы.

Подобная игра эмоциональных коннотаций (но уже в обратную сторону) возникает и в новостях, которые передают заявление карабинера Данте Збаральи. В апреле он поругался со своим девятнадцатилетним сыном и застрелил его. Поскольку у сына в руках был нож, карабинеру вынесли оправдательный приговор по статье «самооборона». Все мы скорбим перед лицом такой трагедии бедного отца. Однако сам он объясняет свой поступок следующим образом: «Сына мне испортили комиксы, выпивка и плохие компании. Дионизио не был болен, он был бунтарем». Действительно, ведь всем известно, что читатели комиксов, кроме детей, делятся на две категории: на просвещенных и даже слегка просветленных интеллектуалов, преподавателей санскрита, известных социологов, и на индивидуумов с IQ ниже среднего, с низким лбом и высоким давлением. А любые статистические исследования подтвердят, что бунтари, напротив, читают не комиксы, а Ленина и Мао. Следовательно, с социологической точки

зрения нельзя поставить знак равенства между бунтарем и любителем комиксов, как нельзя утверждать, что чтение «Микки-Мауса» или «Супермена» подталкивает к бунту. Но согласно общественному мнению, читать комиксы плохо, а бунтовать еще хуже. Поэтому, чтобы описать личность кого-то, кого пришлось, как это ни прискорбно, убить, позволительно представить его на суд недоверчивой общественности, указывая на факты, которые на самом деле никак между собой не связаны. Однако по существующей сейчас мифологии, они могли и даже должны быть связаны. Действительно, и комиксы, и бунты совсем не сочетаются с образом благочестивого гражданина, который читает «Коррьере» или «Сердце»¹ и почитает герцогов, имеющих право на то, чтобы размахивать мечами.

1970

¹ «Сердце» — роман Э. де Амичиса для школьников. Вышел в 1886 г.

За полученную МИЛОСТЬ

«Детская улыбка», «От пчел к розам», «Весна миссионера», «Поможем сиротам», «Призыв», «Мадонна бедняков», «Вопросы жизни», «Маленькие друзья святого Антония», «Святой всех сирот», «Рах et Вopип», «Голос сирот», «Голос Мадонны милостей», «Папа Иоанн», «Радуга», «Глашатай святого Антония», «Слуга Божий Джузеппе Алламано казначей Консолаты», «Миссионеры Консолаты», «Святой Чудотворец», «Великое Таинство», «Небесный утешитель», «Фатимская Мадонна», «Встреча с друзьями», «Животворящий свет», «Друг Святого Сердца»...

Это названия лишь некоторых из бесчисленного множества изданий, составляющих то, что мы могли бы назвать «чудотворным андеграундом». Они бывают разного размера и толщины, некоторые даже выходят ежедневно и бесплатно рассылаются приютами, миссионерскими организациями и бюро чудес, рассеянными по всей стране. При всех различиях эти периодические издания объединяет одна основополагающая характеристика: они упакованы так, что обертка представляет собой квитанцию,

на которой указан расчетный счет для перевода денег. У каждого пожертвования есть косвенное и прямое значение. Косвенное — помощь сиротам, семинаристам, покупка алтаря для миссионера в Конго и так далее. Прямое — получение милости или плата за милость, уже полученную. Кант сказал бы, что эти издания основаны не на категорических (делать добро ради добра), а на гипотетических императивах: делай добро, если хочешь, чтобы прошел фурункул.

* * *

Если вы зайдете в приходскую церковь и поинтересуетесь этой прессой, то в конце концов решите, что дело это пустяковое и не стоит обсуждений. Обычно священник раздраженно пожимает плечами, как ректор университета, которого спросили о любовных романах для домохозяек: «Все это глупости, постсоборная церковь не имеет к этому никакого отношения, в нашем приходе такого не водится». Однако это серьезная проблема — и с финансовой, и с идеологической точки зрения одновременно; одна из важнейших в изучении итальянской прессы, ведь речь идет о самом крупном издательском бизнесе в нашей стране. Что касается тиража, то по сравнению с «Глашатаем святого Антония» воскресный выпуск «Коррьере» становится узкоспециализированным изданием, а любовные романы — лишь самую малость уступают любому изданию Шайвиллера¹.

Но ни в одном списке издательств, ни в одном справочнике для размещения рекламных объявлений не содержится никаких данных о подобных журнальчиках. Поэтому информацию об их распространении необходимо

¹ *Ванни Шайвиллер* (1934–1999) — итальянский издатель, искусствовед, журналист, книготорговец.

вычислять на основании имеющихся сведений. Можно предположить, что в таком городе, как Милан, по самым скромным подсчетам, в каждом доме одна семья из трех каждую неделю получает какой-то из этих журналов, и очень часто не один; хотя можно сделать скидку на то, что приходят они не регулярно. Так или иначе, получается, что тиражи некоторых из них превышают миллион экземпляров только в одном регионе, например, в Ломбардии. А если учесть регионы, особенно чувствительные к пропаганде чудес, если положить на чашу весов весь юг страны, то мы увидим, что это явление охватывает миллионы и миллионы читателей. Выручка издательств, разумеется, окутана тайной, ведь эти журналы всегда пытаются разжалобить черствые сердца и получить как можно больше пожертвований. В качестве единственного известного факта можно вспомнить, что одно из подобных издательств арендует компьютер IBM, чтобы вести учет пожертвований.

Достаточно сделать быстрый подсчет, взяв первый попавшийся журнал, в котором указаны пожертвования читателей: в майском номере «Миссий Консолата» от 1969 года приведены суммы на стипендии для миссионеров, на беатификацию¹ слуги Божьего Джузеппе Алламано и на пожертвования на нужды миссионерства. Всего пять миллионов.

Но это серьезный журнал, который отчитывается перед своими благодетелями, а ведь обычно списки полученных пожертвований никто не публикует, вместо отчета приводится какой-нибудь поучительный пример в рубрике «Нам пишут». Также нельзя забывать о медленном, но постоянном притоке средств на богослужения.

¹ Беатификация — обряд причисления к лику блаженных в Католической церкви; начальный этап процесса канонизации.

Например, в андрийском журнале «Папа Иоанн» говорится: «Жертвователи, которые сочувствуют нашим Нуждам, присылая от 5000 лир (можно в рассрочку), участвуют в святых мессах нашей Конгрегации ежедневно и до конца своих дней. Присылая меньшие суммы, они также получают вышеуказанное благословение пропорционально своему милосердию». Другие издания устанавливают минимальный порог для участия в мессе в тысячу лир и предупреждают, что более мелкие пожертвования будут считаться совершенно бескорыстным актом милосердия.

И действительно, большей частью своих оболов они обязаны десяткам тысяч простых людей, которые шлют крошечные суммы сразу нескольким организациям. Вот интересный пример из рассказа, опубликованного на страницах мессинского «Небесного утешителя», о некоем плотнике по фамилии Баттиста, который «хорошо зарабатывал и кормил пятерых детишек». У него была идеальная семья, поскольку жила «в страхе Божиим, в любви к труду и в праведных помыслах». Помыслы, судя по всему, были настолько праведными и умеренными, что Баттиста на свою зарплату плотника умудрялся отправлять пожертвования трем разным журналам, которые получали он сам, его жена и один из сыновей. По тысяче лир каждому. А жена, стоя у плиты, украдкой «вытирала слезу умиления», так она была счастлива иметь столь достойного мужа. Таких плотников тысячи и тысячи. А одна из первостепенных их обязанностей — отправлять в редакцию как можно больше новых адресов.

Между читателями и журналами установилось настоящее сотрудничество, благодаря которому огромный справочник адресов, находящийся в распоряжении любого уважающего себя чудотворца, постоянно пополняется. Читателям постоянно предлагается принять активное

участие в жизни журнала: находя для него новых друзей, устанавливая у себя дома маленькие алтари с ящичком для пожертвований, беря на себя духовное отцовство над сиротами из стран третьего мира и помощь молодым миссионерам, посвящая церковные скамейки умершим и оплачивая их похороны, посылая деньги на строительство новых храмов: один кирпич — 500 лир, один кусок туфа — 1000 лир, одна тонна цемента — 1500 лир, оплата рабочему за один день — 3000 лир (расценки взяты из «Голоса Мадонны Благодати» за 1969 год; в 1954 году при сборе средств на строительство Обетного храма умерших в тюрьмах и на семинарию Божественного узника сто кирпичей шли за 1000 лир).

* * *

Это то, что касается финансовой стороны и распространения подобных журналов. Что же до стороны идеологической, легче всего было бы сказать, что большинство получателей тут же бросает журнал в мусорное ведро, или же отправляет свою копеечку ради очистки совести, не читая. И, несомненно, это так. Но даже если остается минимальный процент тех, кто читает эти тексты, то речь все равно идет о сотнях тысяч людей: об этом свидетельствуют и письма читателей, и благодарности за полученную милость, обоснование пожертвований, которое никогда не бывает обобщенным, но всегда выдает внимательное чтение пропагандистского материала.

Теперь рассмотрим поближе мир культуры, политики и морали чудотворной прессы и ее преданных читателей. Просто в качестве примера заметим, что в случае референдума о разводе¹ один единственный номер какого-нибудь

¹ Референдум проходил в Италии в 1974 г., через четыре года после выхода этой статьи.

из этих журнальчиков формата 7 на 12 см охватит больше людей, чем все выпуски «Эспрессо» за год.

Основная валюта чудотворной прессы — полученная милость. Милость, которую только еще хотят получить, предлагается редко. Обычно оплата происходит при выдаче товара, а адресаты демонстрируют необыкновенную искренность и рассказывают о факте получения. Более того, можно предположить, что во многих случаях благодарность поступает за милости, о которых святой заступник или святая заступница не имели ни малейшего представления. К этому типу относятся дорожные милости, в основе которых лежит явный софизм. Типичное письмо звучит так: «Я ехал вместе с семьей по автостраде, и мы попали в страшную аварию. Все, кто находился в другой машине, погибли, а на нас не было ни царапины. С благодарностью Фатимской Мадонне, святой Рите, святому Гаспару дель Буфало, и т. д., высылаем десять тысяч лир». Если милость действительно имела место, то нужно было бы вменить святой Рите или святому Гаспару прямую ответственность за смерть пассажиров другого автомобиля по недосмотру или злему умыслу (и тогда те же десять тысяч лир они должны были бы выплатить семье погибших).

Второй тип милости основан на недооценивании вторичных причин, говоря теологическими терминами. Как известно, Господь действует в тварном мире через вторичные причины (например: потоп как наказание грешному человечеству происходит путем различных атмосферных стратегий и выпадения осадков). Сложность установления чуда заключается именно в том (и тут официальные церковные власти проявляют чрезвычайную осторожность), чтобы выяснить, было ли проявление вторичных причин обычным, и тогда чуда не было, или же исключительным. Еще одна типичная формулировка из письма

о полученной милости такая: «Я страдала от ужасной язвы желудка, вызывавшей невыносимую боль. Я помолилась нашему святому заступнику, и после хирургической операции боли сразу же исчезли». В другом случае автор письма, более опытный и осторожный в теологическом плане, уточняет, что святой «направлял руку и мастерство хирурга».

Довольно интересный случай представляет собой святой Доменик Савио, оказывающий влияние на деторождение, как явствует из журнала «Боллетино Салезиано». Сам вид услуг весьма необычен, ведь, как известно, Доменик Савио был юношей столь кристальной чистоты, настолько далеким от всяких помыслов о сексе, что по сравнению с ним святой Алоизий Гонзага кажется старым развратником. Однако только в одном номере журнала среди милостей, оказанных Савио, насчитывается целых шесть удачных зачатий. Можно было бы предположить, что святой помог супружеским парам, на протяжении долгих лет страдающим от бесплодия. Но нет: «Джузеппе и Мария Дзанкетта (из г. Бивлио ди Фроссаско) объявляют, что после нелегких испытаний и небеспричинных страхов их дом, со счастливым рождением маленького Франко, в четвертый раз наполнился радостью. Родители выражают свою безграничную благодарность святому Доменику Савио за эту особую милость».

И еще: «Заступничество св. Д. С. вновь даровало союзу Микеле и Олимпии Ферреро (из г. Пьоссаско) радость рождения дорогого чада. В знак горячей благодарности они нарекли его Домеником». Вне всякого сомнения, святой, который запускает цепочку рождаемости в одной и той же семье, в большой степени ответствен и за перенаселение планеты, а также весьма оригинальным образом искупает жизнь, прожитую в воздержании.

Типичный случай недооценивания вторичных причин наблюдается в милостях святого Иосифа из Копертино, покровителя сдающих экзамены. Копертино, «святой, особенно любимый студентами, проживший удивительную жизнь и имевший необыкновенную способность левитировать и испытывать экстатические видения («Рах et Воуп» города Озимо), избрал себе несомненно простое поле деятельности. Человеку редко случается заболеть от злокачественной опухоли, а излечиться — еще реже (и тогда дело переходит в компетенцию святой Риты, «святой безнадежных»), а вот сдавать экзамены — обычное дело, как и обычное дело получить достойную отметку (особенно после студенческих протестов¹). Преданные Копертино считают его заслугой каждый сданный экзамен, но никогда не вменяют ему в вину, если результат оказался плохим.

Часто в признании милости скрывается неверие родителей в собственных детей: «Моя дочь окончила школу. Благодарю святого за его явное заступничество» («От пчел к розам», февраль 1970). «Пишет вам преданная святому покровителю экзаменующихся, даровавшему мне две большие милости. Я взывала к нему, моля помочь моему сыну окончить университет, и мои молитвы были услышаны. В прошлом году второй мой сын оканчивал школу, и на сегодня он уже сдал три экзамена в университете» («Рах et Воуп»). Благодаря своей специализации Копертино может рассчитывать на постоянный поток небольших пожертвований (от тысячи до пяти тысяч лир), который усиливается в период школьных выпускных экзаменов и пересдач. Неплохие перспективы открываются и во время сессий в университетах.

¹ Речь идет о студенческом протесте против университетской реформы, переросшем в крупное столкновение с полицией в марте 1968 г.

Иногда святой просто как сыр в масле катается: журнал «Фатимская Мадонна» получил 2000 лир за успешную операцию по удалению гланд. Значительная сумма, учитывая затраченные усилия и простоту задачи. Ничего сложного нет и в милостях слуги Божьего каноника Аламанно: «У моего брата вырос фурункул в горле... С верой обратился я к слуге Божьему канонику Аламанно. В тот же вечер, после небольшой операции, брату стало лучше, а боли прекратились». Из контекста понятно, что под «операцией» имеется в виду «хирургическая операция». Удивительно злободневна милость, о которой написали в ноябре 1969 года в «Голосе сирот», выпускаемом приютом Святого Антония в Падуе. Молодого полицейского обвинили в том, что он слишком энергично побил предполагаемого преступника, и суд отстранил его от службы. И тут за дело взялся святой Антоний, и стража порядка опять взяли на работу. В журнале опубликовали его фотографию. Ведь всякий, кто удостоился милости, мечтает увидеть свой снимок в прессе. Если уж не свой собственный, то своего заступника. Журнал не всегда может пойти навстречу этим желаниям, и «Голос сирот» дает этому изощренное и мистическое объяснение: «Вы позволите мне пошутить? Скажите святому Антонию, чтобы он получал поменьше милостей от Бога, только в этом случае ваша очередь и очередь многих других подойдет быстрее». Как мы видим, в этом объяснении есть и рекламная составляющая, которая, впрочем, является константой чудотворной прессы как жанра.

* * *

Если наши подсчеты верны, то чудотворных журналов слишком много. Следовательно, возникает естественная проблема конкуренции, с которой редакторам приходится считаться. А в конкурентной борьбе можно выиграть, предлагая более широкую гамму услуг и проводя

рекламные кампании (помимо создания лучшего продукта). О продуктах мы уже говорили: кто может, предлагает выздоровление от безнадежных болезней, а у кого полномочия меньше, гарантирует двадцать восемь баллов¹ по экономике и торговле или среднюю шестерку по бухгалтерскому делу. Многие храмы и благотворительные учреждения проявили похвальную инициативу и разработали прекрасные изобретения, дополняющие гамму их услуг. Базилика Святой Риты Кашийской предлагает чудодейственные порошки, которые можно принимать внутрь или же наносить на больное место, и они мгновенно избавляют от страданий. У салезианцев святой Доминик Савио помогает при помощи «туники», обладающей лечебными свойствами и надеваемой при острых болях («Салезианский бюллетень»: «Джованни Левикотти из Вердзуоло страдал от желчекаменной болезни... ему посоветовали сделать операцию и довериться заступничеству св. Д. С., надев его тунику. Выздоровление последовало незамедлительно»). Отцы конгрегации святого Иосифа при церкви Мадонны Бедных в Милане еще более организованны и предлагают верующим длинный каталог дополнительных услуг. Приведем некоторые из них: позолоченные двухцветные шариковые ручки (500 лир), четки (500 лир), светящиеся небыющиеся статуэтки (1500 лир), вращающиеся статуэтки высотой 12 см на подставке из плексигласа с лампочкой (4500 лир), картины в миниатюре с художественной рамой от 1500 до 10 000 лир, магнитные пластинки для автомобиля (500 лир), брелоки с изображением Мадонны Бедных (150 лир), эмалированные значки для U. I. P.²

¹ Максимальный балл в университетской системе Италии — 30.

² U. I. P. (Unione Internazionale di Preghiere) — Международный молитвенный союз.

и «Orantes in via»¹ (sic) (100 лир) и, наконец, лампадка для домашнего алтаря (sic) (3500 лир). Желая бедным, о которых заботится одноименная Мадонна, не оставаться таковыми долго после знакомства с этими блестящими коммерческими идеями, надо тем не менее признать, что ни качество товара, ни разнообразие услуг не могут гарантировать победу в конкурентной борьбе, если их не поддерживает достойная рекламная кампания.

Ведь что движет этой торговлей? В первую очередь, помимо скорости в получении милостей, авторитет святого. Из беглого анализа чудотворных журналов мы видим, что кроме «Глашатая святого Антония» существует множество независимых изданий, посвященных падуанскому святому, и одно это заставляет предположить, что именно он возглавляет список бестселлеров. Но присмотревшись повнимательнее, мы видим, что на втором месте и с большими шансами на победу расположился папа Иоанн.

Несчастливого понтифика повсеместно инструментализуют, причем в таком ключе, что сам он ужаснулся бы и как человек, и как пастор. Его цитатами сдобривают самые разные призывы к отправке денег, а одна ловкая организация завладела его именем, чтобы назвать свое собственное чудодейственное издание: «Папа Иоанн» — это журнал миссионерского колледжа Святого Сердца в городе Андрия (который должен был бы, если бы не преследовал коммерческих целей, назвать журнал в честь Святого Сердца). Его слоган звучит так: «Во имя папы Иоанна подарите миссионера Церкви. Поддержите наших будущих миссионеров, отправив 15 000 лир». Можно в рассрочку.

На папу Иоанна ставит и «Встреча с друзьями» школы миссионеров Младенца Иисуса из Сант-Антонио Абате,

¹ *Orantes in via* (итал. — «Молящиеся в пути») — подразделение U. I. P.

провинция Неаполь. Слоган такой: «Есть ли бóльшая радость, чем заказать григорианские мессы¹ по своему дорогому умершему?» Мессы стоят от 35 до 40 000 лир, при этом заказчик получает Библию в подарок. «Рах et Bonum» предлагает два эффективных слогана: «Награда за Милосердие — отпущение грехов» и «Благодаря тебе улыбка вернется к сотне больных проказой!» (15 000 лир). Услугу предоставляет все тот же святой Иосиф из Копертино.

Но ежедневный журналчик «Миссионерская весна», издающийся учениками миссионерской школы Святой Крови из города Альбано Лацьяле и больше похожий на квитанцию с указанным расчетным счетом и рекламным приложением, в рекламных хитростях превзошел всех. Их козырь в рукаве — это святой Гаспар дель Буфало, «великий целитель, ежедневно получающий великие милости от святейшей Крови Христовой». Несмотря на невнятную полиграфию, на этих страницах встречаются примеры высокой рекламной школы, хранящей память о стиральных порошках (с биологической белизной, с белизной еще белее биологически белой и так далее). В общем, святой Гаспар мутит воду, совершая чудеса. Его рекламируют такими слоганами: «Пусть в каждом доме будет изображение и молитва этого святого чудотворца», «Поддержите учащегося и обретете священника, который всегда будет молиться за вас» (и тут священник выигрывает у негритенка, которому когда-то обеспечивалось безбедное существование путем отправки фольги²). «Молитвы святому Гаспару

¹ Григорианские мессы — тридцать последовательных месс, которые служатся в Католической церкви за одного умершего в течение 30 дней. Название связано с именем римского папы Григория I Великого.

² В период фашизма в Италии предлагалось отправлять в благотворительные организации фольгу, например, из-под сигаретных пачек, чтобы помочь африканским детям.

излечивают от недугов, утоляют печали, осушают слезы, прогоняют страхи. Все подвластно молитве и милосердию». Письма с рассказами о полученных благодаря святому Гаспару милостях представляются как сенсационные новости. Вот несколько заголовков: «Невероятные чудеса повсюду!» «После четырех лет ада!» «Он был в тяжелейшем состоянии». «Святой совершил для меня чудо». «Это казалось невозможным!» «Между жизнью и смертью». «Это не экзальтация! Опухоль пропала».

«Радуга» отцов-рогационистов из Ории, близ Бриндизи, заменяет рекламу быстротой сервиса. Молитва святому Антонию «для получения любой милости» имеет вид формуляра с пропуском, куда надо подставить нужное: «Даруйте мне милость, о которой молю Вас (написать, о какой милости идет речь), если она на благо моей души. Сделайте это ради Ваших невинных сирот, коим я обещаю совершить пожертвование соответственно моим возможностям».

* * *

Наше исследование маленького мира чудотворных журналов могло бы быть беспощадным. Но в конце концов, многие из этих организаций, если только они не называются «Целестинцами из Прато»¹, действительно помогают покинутым детям и подбирают с улицы сирот. И если впечатлительные люди глотают чудесные порошки и объясняют исцеление от тонзиллита милостью Божией, и это приносит им облегчение, то зачем отказывать им в изысканном удовольствии от соприкосновения со сверхъестественным?

¹ Конгрегация целестинцев руководила детским приютом в Прато. В середине 1960-х выяснилось, что дети содержались в невыносимых условиях, и в 1966 г. приют был закрыт.

Однако эти журналы столь распространены, и читают их с такой преданностью и доверием, что большое значение приобретает и идеологическое послание, которое они несут. Чудотворные центры представляют собой настоящие группы давления, и глупо было бы не обращать на это внимание. И именно обратив внимание на социальную доктрину этих религиозных центров, можно заметить, что вся эта пресса католического андеграунда невозмутимо продолжает нести идеи, появившиеся задолго до Собора¹. До Пия X. До Лютера, если понимать все эти мистическо-коммерческие призывы как самую настоящую продажу индульгенций.

В большинстве своем все эти журналы могли бы быть датированы и 1970, и 1870, и 1770-ми годами — не важно. В этих текстах нет истории, а добро представляется как триада между верующим, святым и сиротками. Со страниц этих журналов так и льется сочувствие к брошенным младенцам, неимущим детям, больным негритятам, но ни один из них не задается вопросом, почему на свете есть брошенные младенцы, бедные дети и больные негритята. Максимум глубины их социологического анализа заключается в том, чтобы намекнуть на существование «жестокосердных» людей, которые не делают пожертвований. Существование зла и бедности устанавливается как неотъемлемый элемент положения вещей, который в конце концов делает возможным торговлю, процветающую на этой основе. Бедняки предстают в тройной роли: как объекты, которым необходимо отправить деньги, как объекты Божественной любви («Блаженны бедные!») и как объекты любви, которую им должны богатые: «Богатые, возлюбите бедных!»

¹ Речь идет о Втором Ватиканском соборе, продолжавшемся с 1962 по 1965 г.

Пример абсолютного антиисторизма подобных изданий можно увидеть в максимах, публикуемых отцами-рогационистами из Неаполя под заголовком «Советы для вас». Надо заметить, что каждый из этих советов воспроизводит строки из Библии — то из Книги Притчей Соломоновых, то из Екклесиаста и т. д.

Но хорошо известно, что библейское изречение вне своего исторического и филологического контекста может быть использовано в самых безумных целях, и церковь об этом знает. Так советы современному человеку (проиллюстрированные обязательно самыми «современными» фотографиями, хотя одежда на них и напоминает о 50-х) окрашиваются в комичные реакционные тона: «Кто любит свое дитя, должен часто прибегать к плети, дабы в конце концов получить от него утешение... Кто воспитывает свое дитя, станет предметом зависти для своих врагов и примером для своих друзей... Согни его шею в отрочестве и бей его бока, пока он ребенок, дабы не зачерствел и не отказывал тебе в послушании, что может стать болью души твоей... Не отводи глаз от нищего, раздражая его, и не давай повода тем, кто просит у тебя, злословить у тебя за спиной... Будь приветлив с толпой нищих и усмиряй свою гордыню перед великими...»

Разумеется, не все издания находятся на этом уровне исторической наивности. Такие журналы, как «Глашатай святого Антония» (номера, выходящие в Дезенцано и в Риме) или неаполитанский «Святой чудотворец», напротив, гордо взяли на себя обязанности по решению вопросов нашего времени. На первый план выходит борьба против разводов, затем — полемика по поводу молодежных протестов и, наконец, нежная защита целестинцев из Прато. Неаполитанское издание посвящает множество статей сохранению чудотворного языка святого Антония и четкам как «незаменимой игрушке», дезенцанское — с жаром

бросается в постсоборную повестку и доходит до открытого диалога с читателем, вопрошающим: «Чего хочет этот Дон Мацци?»¹ — Ответ: «Надо спросить у него самого; он сам, наверное, не знает. И действительно, он слишком уклончив, слишком тяготеет к левым», — и так далее.

* * *

Другие актуальные темы — защита религиозных школ, примат папы римского над епископами, социальное неравенство. Как мы уже говорили, решение этой последней проблемы всегда кроется в милосердии и смирении. И в этом смысле пальма первенства принадлежит брошюре «Вопросы жизни» детского приюта Святого Антония города Ория, провинция Бриндизи. Брошюра открывается письмом епископа Ории, хвалящего ее за «ясные и краткие ответы на те мелкие повседневные вопросы, которые часто становятся предметом споров». Из всех этих «мелких вопросов» выберем такой: «Почему в мире так много социального неравенства?» — Ответ прост: неравенства нельзя избежать. Возьмем инженера, который руководит рабочим. Инженер долго и самоотверженно учился, «возможно, отчасти благодаря своему финансовому положению». А что же в это время делали рабочие фабрики? «Они предпочли учебе практическую специализацию, возможно, имея большую склонность к практической деятельности, нежели к учебе». Тогда почему же они жалуются? Возьмите генерала. «Какой долгий путь он прошел!.. Во время войны, принесшей другим лишь траур и боль, он сумел разработать стратегию сражений... и за эти свои военные заслуги получил генеральский чин». Вывод: «Одни

¹ Дон Антонио Мацци (род. 1950) — итальянский священник, педагог, психолог, телеведущий. Занимается реабилитацией наркоманов.

хотят учиться, другие нет; одни хотят работать, другие нет; один доволен тем, что стал главным техником, а второй хочет продолжать свою карьеру и становится директором большого завода». Поэтому непонятно, зачем жаловаться: «Неравенство, порожденное самой природой и человеческой сущностью, никогда не исчезнет; в каждой области деятельности будет тот, кто командует, и тот, кто должен подчиняться... Мы не можем быть одинаковыми. Общество — это лестница. Никто никогда не сможет изменить свою природу». Напомним, что приведенные цитаты взяты не из речи кардинала Руффо¹, обращенной к бандитам Фра-Дьяволо², а подписаны вышеупомянутым епископом Ории и датированы 1955 годом. Ради полноты картины следует также пояснить, что автора издания зовут отец Тангорра³, профессиональная деятельность которого состоит в духовном воспитании сирот. Довольно значительные средства (размеры которой мы попытались установить в данной статье) для осуществления своей деятельности он получает от жертвователей. Круг замкнулся: торговля сиротами может процветать только в таком мире, где генералы за долгие годы упорного труда научаются производить новых сирот.

* * *

Обольщение чудесами не сдает своих позиций, а напротив, укрепляет их при помощи «средств коммуникации», которые технологическое общество ставит на службу

¹ *Фабрицио Диониджи Руффо* (1744–1827) — неаполитанский кардинал, государственный деятель Неаполитанского королевства в годы революции 1820–1821 гг.

² *Фра-Дьяволо* (Микеле Пецца; 1771–1806) — итальянский разбойник и участник освободительного движения на юге Италии против французской оккупации в конце XVIII — начале XIX в.

³ *Падре Паоло Тангорра* (1922–2013) — итальянский священник, учитель.

отцу Тангорре и его коллегам. Каково же будущее этого «бизнеса»? Прежде всего необходимо отказаться от иллюзий просвещения, будто рост эмиграции и социальной мобильности, развитие дорожной сети и распространение личного транспорта способны разогнать тучи обскурантизма, уничтожение которого несчастный Кардуччи¹ поверял министерству железных дорог под высоким патронажем Сатаны² и королевы Маргариты³. Опыт религиозной социологии (в том числе повседневный, хотя бы на уровне иллюстрированных журналов) свидетельствует о том, что развитие технологий не уменьшает, а усиливает потребность в святынях. Такие проповедники-целители, как Билли Грехэм, родились не в Копертино и путешествуют на частных самолетах, как редактор «Плейбоя». Поэтому о чудотворном будущем в технологически развитом обществе мы можем судить по одной из самых передовых и процветающих чудотворных компаний США, где мне посчастливилось побывать несколько месяцев тому назад.

Речь идёт об Университете Орала Робертса, огромном комплексе в штате Оклахома недалеко от нефтяной столицы Талсы.

Орал Робертс — протестантский священник, живущий и здравствующий. Как всякий американец, основывающий что либо, он сразу же стремится увековечить свое имя, еще до смерти. Университет Орала Робертса стоит посреди безжизненной, продуваемой ветрами равнины и возносит к небу свои научно-фантастические сооружения, напоминающие

¹ Джозуэ Кардуччи (1835–1907) — итальянский поэт, лауреат Нобелевской премии 1906 г.

² Имеется в виду «Гимн Сатане» Джозуэ Кардуччи, где речь идет о прогрессе и, в числе прочего, о символе эпохи — поезде.

³ Имеется в виду Маргарита Савойская (1851–1926) — королева Италии (1878–1926).

Экспо в Осаке. В современном, элегантно — разумеется, эту элегантность с тем же успехом можно было бы назвать кичем — комплексе, где отсылки к фильмам о космосе встречаются с заигрыванием с искусственно созданными городами (Чандигархом или Бразилиа), обучаются будущие набожные и преисполненные страха Божьего преподаватели, готовые наизусть цитировать Библию и не рассказывать о теории эволюции. Студенты должны носить короткие стрижки, им нельзя курить, студенткам запрещены мини-юбки, однако посетителей сопровождают по этим зданиям (в которых на каждом шагу встречаются залы микрофильмов, экраны, воспроизводящие уроки для студентов, пропустивших занятия, театры и образцовые библиотеки) хорошенькие хостес, здоровые и хорошо одетые. Профессорам для того, чтобы получить работу, надо продемонстрировать владение «даром языков», тем самым, который Святой Дух даровал апостолам.

В центре кампуса возвышается молитвенная башня, шедевр, достойный архитектуры Экспо, нечто среднее между башней космодрома, волшебным минаретом и башней Минга, тирана планеты Монго, врага Флэша Гордона¹. Компьютерная система, размещенная на ее вершине, собирает и подсчитывает тысячи и тысячи пожертвованных по четверть доллара, которые люди посылают сюда в обмен на молитвы. Оборот составляет миллионы долларов в год.

Затем с той же самой башни рассылаются молитвы во все уголки мира — их передает автономная радиостанция. По запросу можно попасть в большой мистический театр, где проходит спектакль “son et lumière”² о сотворении

¹ Имеется в виду комикс американского художника Алекса Раймонда (1909–1956).

² «светозвуковой» (фр.).

мира. Центральную часть сцены занимает «муралес», огромная многомерная панель из крашеного пластика, на которой в идеальном поп-стиле (сделано это, однако, неосознанно) воспроизводятся руки Господа, создающие вселенную. Затем свет гаснет, и пока какой-то голос рассказывает о сотворении мира, хитроумная игра света оживляет панель так, что кажется, будто видишь Бога, создающего галактики и планеты. В это время звучит сладчайшая музыка, и верующие охвачены мистическим переживанием. И мне на секунду было видение. Среди этого буйства пластика и треска электрических сигналов я увидел, как стою перед алтарем из асбеста, а священник в герметичном костюме производит пресуществление кока-колы. Так что нашему отцу Тангорре еще многому предстоит научиться; у итальянской чудотворной прессы все впереди.

1970

Книгопроизводство
ИТАЛИЙСКОГО
ГЕНИЯ

Два месяца назад в газете «Джорно» было опубликовано объявление стоимостью 130 лир за слово: «Отдам бесплатно свой сборник стихов “Отчий дом” 1969 года тому, кто купит все мои детективы (“Заколдованное дерево”, “Когда видишь цель”, “Трое в двух лодках”). Оплата почтой — 1000 лир, можно марками — автору Анжело Гуаччи, виа Коломбо 2, 63100 Асколи Пичено». Для тех, кто развлечения ради интересуется социологией итальянских литературных обычаев, подобные находки не редкость, но всегда являются приятным сюрпризом. Сюрпризом, не лишенным тонкого наслаждения, которое испытываешь всякий раз, листая драгоценные журналы вроде «Зеленого стрекала» Кампобассо, «Благороднейшей Калабрии» Козенцы, «Эха Парнаса» Неаполя, «Цветущего кружка» Эремо Италико, «Журнала поэтов» Рима, «Вызова» Корато, «Интервала» Модики, «Интеллектуальной Италии» Реджо-Калабрии, «Поэтического отбора» Галати Мамертино, а также знаменитой «Литературной газеты» миланского издательства «Гастальди».

Удовольствие возрастает по мере того, как читатель узнаёт все новые подробности на страницах ежедневных или еженедельных изданий, не претендующих на распространение по всей Италии. Из их длинных хроник можно узнать, например, что Международная поэтическая ассоциация проводит заседания, где в присутствии известных деятелей литературы (цитирую: «проф. Армандо Де Сантис и синьоры Велии, проф. Марио Ривосекки, Донны Акса Балелла, д-р Нино Пенсабене и т. д.») актриса Мария Новелла читает последние стихи Лорены Берг Фаттори («Во всякий проходящий час»), согласно мнению компетентных лиц, в некоей степени приближающиеся к лирике Леопарди и, безусловно, следующие завету Кроче «Поэзия есть истина».

В упомянутых журналах и изданиях, о которых они рассказывают, редко можно встретить писательниц с такими короткими и простыми именами, как Эльза Моранте, Анна Банти, Джанна Манджини. У поэтесс, как у учительниц математики, всегда две фамилии и зовут их Альда Мелло Калигарис, Антоньетта Дамиани Чераволо, Мария Пеллегрини Бебер, Э. Гецци Гриллини (все это новые имена из каталога Гастальди), или же Жизельда Чанчоло Марчано (автор сборника «Звездная пыль»), Антоньетта Бруно ди Бари («Лазоревый скакун»), Карлотта Этторе Табо («Симфония жизни и смерти»), Эдвиж Пусинеи Кьеза («Скорбящее сердце»). У мужчин имена попроще. Чаще всего их зовут Эмо ди Джилио (это автор ценной монографии «Асцедентизм¹ как -изм без -измов»), или же так, как могли назвать только в прошлом веке: Де Губертис, Де Андреис, Де Претис, Де Амброзиис, Де Филиппис. По каким-то непонятным причинам сегодня в каталогах самых крупных издательств этих имен нет.

¹ *Асцедентизм* (Ascedentismo) — литературное течение, основанное в 50-х гг. XX в. Нино Феррау.

Они возвращают нас в эпоху, когда какой-нибудь Ариальдо Финци-Контини еще мог написать роман под названием «Загадка сада Бассани»¹.

* * *

Эти имена, эти страницы, эти книги раскрывают ничего не подозревавшему читателю секрет писателей, которых мы определим как писателей четвертого уровня. Наша классификация не затрагивает вопросы художественной ценности и основывается исключительно на, так сказать, социологических критериях. Поясним.

Существует первый литературный уровень. Это уровень рукописи. Если бы редакторы издательских домов не были связаны профессиональной тайной, то рассказали бы нам о полковниках в отставке, присылающих тексты на 400 страницах, в которых они доказывают, что теория относительности неверна, что Ньютон ошибся, выводя свои формулы, что государственный переворот 25 июля был подготовлен папой Пачелли; рассказали бы о романизированных автобиографиях объемом в две тысячи авторских листов; о романах, авторы которых гарантируют им непоколебимый успех и готовы сами приобрести десять экземпляров, и так далее.

Конечно, не все эти рукописи публикуются. Примерно одна из тысячи. Эта одна из тысячи попадает на второй уровень, уровень журналов и книг. Журнал может называться «Новые темы» или «Сравнение», «Иль Верри» или «Философский журнал». А книги выходят в издательствах «Мондадори», «Риццоли», «Бомпьяни», «Эйнауди» и пр. Существуют также издательства поменьше и журналы понеизвестней, но по негласному соглашению они

¹ На самом деле роман называется «Сад Финци-Контини», а Джорджо Бассани — его автор.

тоже относятся ко второму уровню. Трудно сказать, как и почему издатель, появившийся только вчера и еще никому не известный, уже попал на второй уровень. Члены этого круга узнают друг друга. Поскольку мы исключили суждения о художественной ценности, мы не можем сказать, почему так происходит. Происходит. Любимое объяснение тех, кому этот уровень недоступен: «Это все одна шайка-лейка».

Третий уровень — уровень успеха. Книга, будь она издана Шайвиллером или «Мондадори», получает известность, на нее пишут рецензии и переводят на другие языки. В худшем случае ее несколько раз переиздают на родине, и она распространяется не вширь, а вглубь.

Но что происходит с девятьсот девяносто девятью рукописями, которые не переходят на второй уровень? Около девятисот исчезают: автор смиряется, в отчаянии убивает себя, решает заняться отцовским бизнесом, возвращается к заботам о хорошем и немного скучном муже и о малолетних детях, уходит в монастырь, уничтожает рукопись, заливая горе шампанским. Но оставшиеся девяносто девять текстов попадают на четвертый уровень, где существуют свои журналы и свои издатели, свои рецензии (очень редко разгромные), свои пути к успеху и признанию. Автор проходит сквозь два основных уровня незаметно, часто не замечая их или не зная, что они существуют, или же постоянно упорно полемизируя с ними (неслышно). Попадающий на четвертый уровень может прожить счастливую жизнь в окружении читателей, получить признание и обрести если не последователей, то хотя бы друзей и восхищенных родственников, и состоять в тесной переписке на культурные и личные темы с себе подобными со всех концов Италии. Как воинство «инопланетян», прилетевших с другой планеты, чтобы жить среди нас, как самые обычные человеческие существа, они подстерегают

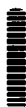
нас повсюду: это пенсионер на лавочке в парке, сотрудник банка, принимающий чек, соседка по лестничной клетке. Если поставить рядом писателей второго уровня, получится девяносто девять на одного. С точки зрения статистики, они составляют скелет итальянской литературы.

* * *

Для того, чтобы быть автономным, уровень должен иметь свою независимую экономическую базу. Четвертый уровень зиждется на денежном обороте издателя четвертого уровня, которого мы далее будем называть «ЧУ» и которого постараемся описать посредством искусственной модели, воплощающей реальные характеристики многих из его действительно существующих коллег. Итак, издатель ЧУ получает рукопись, которая, как правило, была отклонена издателем второго уровня. Однако часто рукопись попадает к нему девственной, поскольку он оказался единственным, кого знает автор, и даже более того, он верит, что это и есть издатель второго уровня или издатель вообще.

Теперь предположим, что кавалер Эвемеро Альтамура Де Губернатис посылает ему сборник стихов «Страдающее сердце». Издатель ЧУ отвечает Де Губернатису, что его книга имеет высокую поэтическую ценность и в ней проявился подлинный литературный талант автора; его издательский дом часто занимается раскруткой новых имен, но в данный момент у них очень много работы и они могли бы опубликовать книгу тиражом в тысячу экземпляров при финансовом участии самого автора. Обычно запрашиваемое участие с лихвой покрывает расходы на печать (у издателя ЧУ мало общих расходов, редакционных — почти никаких, все дела ведет он сам и его жена, а кузен-бухгалтер следит за отчетностью).

Де Губернатис, проведя всю свою жизнь в ожидании заслуженного признания, решает пойти на эти расходы.

Возможно, он возьмет пенсионный кредит или займ. Взамен издатель обещает ему крепкую поддержку критиков и большую скидку на экземпляры, которые он купит в подарок друзьям (которых всегда очень много с самого начала и чье число растет по мере того, как Де Губернатис вкушает радость литературной известности).

Книга выходит, она хорошо издана, ее встречает рой доброжелательных рецензий. Они появляются в журнале, который выпускает непосредственно тот же издатель ЧУ и в многочисленных журналах того же издательского дома; их пишут авторы того же издательства, начинающие авторы и авторы дружественных изданий. Иногда рецензии даже попадают в журналы второго уровня или провинциальные газеты. Затем книгу отправляют в редакцию «Коррьере делла сера», которая запикивает ее в список полученных книг, когда вдруг в колонке остается пустое место: для дебюта весьма неплохо, автору не на что жаловаться.

По прошествии определенного времени издатель пишет Губернатису, что тираж почти не распродан (всем известно, что неотесанная, грубая толпа не любит поэзию, а тратить деньги на рассылку книги по магазинам, что весьма затратно, не входило в его планы): ссылаясь на подпункт контракта, которому автор не уделил должного внимания, издатель сообщает, что имеет право отправить книги на макулатуру (хранение на складе тоже стоит денег), если только, опять-таки согласно контракту, автор не заберет весь остаток тиража. Скидка от рыночной стоимости гарантируется. Де Губернатис не может дать исчезнуть в чреве бумажного комбината труду, принесшему ему небывалую славу и счастье, труду, в который он вложил свою душу поэта. Он выкупает тираж. Теперь он долго будет раздавать книги с дарственной подписью друзьям, посылать их молодым авторам, которые расцветают на втором уровне; одну

он отправит Монтале или Унгаретти, не подтвердившим получение предыдущей.

В этом смысле у издателя ЧУ есть большое преимущество перед своими коллегами со второго уровня. Во-первых, он всегда может быть уверен в том, что продаст каждую изданную книгу вплоть до последнего экземпляра (издательские гиганты могут только позавидовать такой уверенности); во-вторых, ему пришлось оплатить только самые минимальные обязательные расходы. Таким образом, четвертый уровень появился благодаря свободному веянию национального поэтического гения и процветает на солидной экономической основе.

* * *

Разумеется, как мы уже упоминали, под сенью издателя ЧУ процветают и другие, сопутствующие, виды изданий, не приносящие дохода, но выполняющие представительскую функцию. Издателю ЧУ даже не нужно заниматься их массовым продвижением. Они вырастают сами по себе из спонтанной креативности по инициативе менее заинтересованных в прибыли издателей ЧУ. Один из таких видов изданий — энциклопедии «Кто есть кто?» или словари выдающихся итальянцев. Прежде всего такие типовые словари покупают те, кому посвящена в них развернутая статья, подробный план которой деятель практически всегда лично отправляет автору словаря по его запросу. Автор же списывается со всеми итальянцами, связанными с литературой и искусством, сообщившими о своем существовании. Разумеется, в словаре фигурируют такие имена, как Элио Витторини, Чезаре Павезе, Карло Эмилио Гадда, Альберто Моравиа. Но с ними никто не связывался: они здесь, поскольку однозначно знамениты, а их присутствие делает более достоверной известность идущих за или перед ними в алфавитном порядке.

К составлению словаря следует подходить с умом. То есть соблюдать пропорции. Например, возьмем первый попавшийся на глаза словарь — «Биографический словарь современных деятелей» Доменико Куньяли, издательство Куньяли, Модика. Находим статью «Чезаре Павезе»¹. Она отличается точностью и лаконичностью: «Павезе, Чезаре. Родился в Санто Стефано Бельбо 09.09.1908. Умер в Турине 27.08.1950. Переводчик, писатель». А чуть ниже читаем: «Паолици Деодато. Литератор и писатель; эти слова лучше всего характеризуют личность Деодато Паолици. С ранней юности он обратил на себя внимание своими спонтанно родившимися стихами, но главное — своей яркой прозой, в которой он уже предвосхищал свою судьбу адвоката будущего». Далее идут сведения о его знаменитом романе «Судьба шагает» и заметки о его активной гражданской и политической позиции: «Любовь к родине охватила его истинно итальянскую душу не только во время Первой мировой войны, но и в особенности сразу же после окончания Второй, когда страна нуждалась в преданном, отважном и деятельном служении, в ручном и интеллектуальном труде».

Там же, на букву «П», тремя строками выше «Пьовене, Гуидо»², идет длинная биография Пусинери Кьеза Эдвиж, учительницы начальной школы из города Лоди, поэтессы и писательницы, автора «Скорбящего сердца», «Тихого рассвета», «Песней», «Легионера», «Тихого шепота», «Золотых полетов», «Просветов во тьме», «Приключений Фуффи». Она работает миланским редактором журнала «Интервалло», который, совершенно случайно, издается Куньяли,

¹ Чезаре Павезе (1908–1950) — итальянский поэт, писатель и переводчик.

² Гуидо Пьовене (1907–1974) — итальянский писатель и публицист.

тем самым, издавшим этот словарь. Статья проиллюстрирована фотографией госпожи Пусинери Кьеца, которая предстает перед нами во всем блеске своей пышной зрелости, рядом с изображением «тонкой сардинской поэтессы» Пулигедду Микелины.

Биографии Куньяли открывают нам богатый и плодотворный мир литераторов и часто описывают личность писателя всего несколькими основными штрихами: «Каридди, Вальтер. Родился в Сан Пьетро Вернотико, провинция Бриндизи, 04.02.1930, где и проживает». Это поэт, критик и публицист, чья «склонность к серьезным исследованиям соединяется со стремлением к более крупным успехам». Есть тут и Арчидьяконо, Джованни, главный редактор журнала «Фавн» и автор трудов «Клятва фавна», «Любовь фавна» и «Возвращение фавна»; есть Д'Амброзио, Винченцо, полковник в отставке, командор ордена Короны Италии, сотрудничающий с такими изданиями, как «Наперекор ветрам», «Крестовый поход литературы», «Буревестник», «Цветы апельсина», «Omnia» и «Чаща». Что уж говорить о Леониде Гавацци («Трехмерная хроматограмма бытия» и «Паутина существования»), о Гарджуто Гаэтано, основателе поэтического движения «гармонизм» (рассылающем в редакции пронумерованные сборники стихов, напечатанные на печатной машинке), о Майре Розанжеле («приняла участие в конкурсе “Умная и красивая”, проводившемся газетой “Итало-американский прогресс” среди сицилийских студенток... и была премирована радиоприемником»), о Монтанелли, Меникатти Элене («одной из лучших поэтесс нашего времени»), о Миньеми, Грегорио (авторе сборника школьных сочинений), о Москуччи, Читтадино («авторе многих песен, положенных на музыку маэстро Котоньи и исполняемых по радио тенором Серниколи») и, наконец, о Скарфо, Паскуале (авторе «Господина с камелиями», о котором известно, что он «бухгалтер

и финансовый консультант, тем не менее всегда предпочитавший своей профессии военную стезю»), а также о некоем Умани, Джорджо, авторе «Невыразимого оргазма» и тома «Человечество 1937» и, как сообщается в его биографии, «глубокого исследователя вопросов человечества».

Более углубленное чтение словаря Куньяли обнажает целую сеть братской литературной солидарности, пронизывающую мир четвертого уровня: авторы, которых не издает Куньяли, получают рецензии на страницах таких журналов, как «Зеленое стрекало», выходящих под руководством авторов, которых цитирует Куньяли, которые, разумеется, рецензируют всех авторов издательского дома Гастальди, не забывая посотрудничать с другими уже упомянутыми изданиями и иногда представляемыми за границей Карлоттой Мандель, женой того самого Роберта Манделя, автора романов, исторических трудов, военных саг и поэм. Несколько десятков лет назад он появлялся на площадях итальянских городов и продавал книги, написанные и изданные им самим, его женой и детьми и подписывал каждый том каждому покупателю. У тех, кто застал те времена, остались неясные воспоминания об обложках Д'Аннунцио с цветочным узором, которые и сегодня можно отыскать во многих семейных библиотеках.

* * *

О чем же говорится в книгах, упоминающихся в словаре, который мы только что читали? И какие рецензии на них пишут? Ограничимся несколькими примерами из нашей личной библиотеки четвертого уровня. Например, сейчас у нас в руках два тома Карло Четти: «Недостатки и достоинства “Обрученных”» и «Новая версия “Обрученных”» — во втором воплощаются критические замечания, сделанные в первом. По мнению Четти, Мандзони следовало бы переписать свой роман, облегчить его, убрав треть

всех слогов. «Зачем писать “озеро Комо” и “южный край”, когда можно сказать “Ларио”¹ и “юг”?.. Вместо “весь в бухтах и в заливах” лучше сказать “сплошь бухты и заливы”, избежав двух “в” подряд». — Так Четти удается уместить роман всего лишь на 196 страницах (они опубликованы самим автором в Комо, в 1965 году). Теперь начало звучит так: «Тот рукав Ларио...», а в конце, после смерти отца Христофоро, кратко сообщается: «Бедный юноша, не в силах сдержать свои чувства и радость, заплакал». Отметим, что речь идет не о простом пересказе, а о самой настоящей копии, созданной путем удаления лишних слогов. На «Обрученных» набрасывается и Винченцо Костанца («допущенный до экзаменов на право преподавания ввиду исключительной учености») в своем «Восхитительном оболванивании итальянцев». Правда, он быстро оставляет Мандзони и переходит к тезису о том, что надо говорить не «Треккани», а «Трэккани»².

К другому типу относятся произведения (в них также больше здравомыслия, не лишеного страсти к педагогике, растущей цвет от цвета³) Теодосия Капалоццы (Тео из Сепино), которые публикуются в издательстве Теодосия Капалоццы в серии «Диана», основанной и возглавляемой Теодосием Капалоцца. «Диана» — это «серия эклектичных тетрадей универсализма».

Нельзя забывать и о научно-популярных работах, таких как труд «В таинственных глубинах секса» доктора

¹ Местное название озера Комо.

² *Институт Треккани* — авторитетнейшее издательство, выпускающее словари и энциклопедии. В итальянском языке ударение, как правило, ставится на предпоследний слог.

³ «Цвет от цвета» — отсылка к 28 песне «Чистилища» «Божественной комедии» Данте: «Явилась женщина, и шла одна, / И пела, отбирая цвет от цвета, / Которых там пестрела пелена». — Перевод М. Лозинского.

Джузеппе Валенти (издательство братьев Касторина, Катания), посвященный малообеспеченным молодым людям, которые нуждаются в «здоровом сексуальном воспитании». В нем, после пространных и сенсационных рассуждений о сексуальных извращениях, «правдивой истории о жительнице Калабрии, ставшей наполовину мужчиной», «типичного случая садизма с последующим насилием, раздиранием на куски, вампиризмом и антропофагией» и «двумя случаями гиперэротизма, дошедшего до скотоложества (девушка совокупляется с собакой)», автор рассказывает об опасности движений танца «твист», являющихся первыми шагами к гомосексуальности. Совсем другого, лирическо-мистического толка «Путеводитель по любви к сексу» Антонио Джермано (издательство «Путеводители любви», Кампобассо). Моралистический характер носит труд Ромуальдо Самбоко «Ненасытная золотая сеть», в котором автор определяет себя как «межличность, художника, поэта и философа».

* * *

Как мы уже говорили, эти и другие произведения затем становятся предметом рецензий. А рецензии четвертого уровня, вне всякого сомнения, представляют собой отдельный литературный жанр, хотя рецензент часто оказывается поэтом или писателем сам по себе. Вне всякого сомнения, самые корректные рецензии печатает «Литературная газета» издательства «Гастальди». Их единственный недостаток — то, что они посвящены исключительно произведениям, опубликованным этим же издательским домом, что может бросить тень сомнения на их добросовестность. Однако же, как мы увидим чуть ниже, это сознательное идеологическое решение, бросающее вызов марксизму официальной культуры. Под корректной рецензией имеется в виду не слишком бесстыдное

восхваление, например: «Гецци Гриллини изливает в стихах полноту чувства, воспевает космос», или же такие слова о Клоринде Фонтана («Opera omnia»): «Ее “Труды мирские и мистические” несут неповторимый отпечаток, благоуханное дыхание ангела, в постоянно волнуемой живой человеческой душе... это непрерывный бег по зеленым скалам, отражающим тщетные нападки морских волн, которые разбиваются о них или возносят к небу свои зеленые переливы под пенящимися венцами... Дадим же ей лететь, бежать, танцевать среди гор и цветущих лугов с мифическими духами наяд, напей¹, оред...² Клоринда Фонтана... цветов, распутившийся в миланском тумане» (Нино Скализи).

Более сухой выглядит рецензия Тересио Раньери (в том же «Литературном журнале») на серию исторических романов. Он допускает простительный, впрочем, ляпсус, говоря о «Саде Финти [sic] Контини»³ и сдабривает свой комментарий обильными личными воспоминаниями: «...довольно необычен перенос автора, который оказывается в Трентино, в Вальсугане, столь дорогой нашему сердцу, из-за несчастного случая, в летнюю грозу» (где неясно, дорога ли Вальсугана Раньери вследствие несчастного случая или же он случился с главным героем романа). Или вот еще: «Среди итальянских генералов того времени мы с большим удовольствием прочли имя одного высокого военного чина, родом из городка, расположенного близ нашего». Рецензия написана на «Зимнюю метель» Вагнера Бони, отправленную рецензенту «глубокоуважаемым издателем Гастальди»: меньшее, что мог

¹ Нимфы долин.

² Нимфы гор.

³ «Сад Финци-Контини» — роман Джорджо Бассани (1962). «Финти» же на итальянском означает «фальшивые».

сделать издатель ради рецензии в его собственном литературном журнале.

Более интересной представляется нам рецензия, опубликованная в «Новейшем мире», на роман «Каин на Луне» писателя и литератора из Лукки Энцио ди Поппа Вультуре. Рецензент отмечает лингвистическую смелость этого научно-фантастического лирического романа: «Где проведем мы медовую землю? Будем ли мы наслаждаться прекрасными долинами ночи, балконами солнечной системы, огнями, мигрирующими во мраке, протягивать руки к золотым одеждам комет...» Энцио ди Поппа Вультуре он называет «пророком и апостолом далекого горизонта», который «занимается вопросом происхождения человека и разрешает вечный дуализм добра и зла...»

Но самую понимающую и человечную на нашей памяти рецензию посвятил нью-йоркский журнал «Суперсум» (у четвертого уровня множество связей с Америкой, всегда весьма загадочных) книге «Погребенный свет» Джованни Туммоло из Триеста. Туммоло плодовитый и разносторонний автор. У него есть роман «Пожиратель самого себя» (экземпляра найти не удалось), инсценировка «Романьольской крови»¹, «Дьявольские медитации», а также много книжечек, в которых он пишет о своем учении, мистикатеизме. Например, жизнерадостная «Как избежать третьей войны», полная выпадов против недостаточно сочувствующих сограждан и других авторов, с которыми он ведет диалог на страницах различных периодических изданий («Зеленое стрекало» Кампобассо и др.). Итак, рецензент пишет, что «“Погребенный свет” — лиричный, а порой даже сверхлиричный роман... Творчество Туммоло отличается в первую очередь смирением. Что должно было бы вызывать жалость в человеческих сердцах...

¹ «*Il sangue Romagnolo*» — роман Э. де Амичиса.

Но это в теории, а на практике почти всегда происходит обратное... Доказано, что почти все, кто написали отрицательные рецензии на книгу «Погребенный свет» — вольно или невольно в своем нарративном синтезе показали себя неискренними и неспособными понять ее». Стрелы рецензента направлены на коллег, допустивших ошибки; резюмируя текст, он, однако, замечает: «Эти ошибочные интерпретации вызваны колоссальными масштабами производства литературы в Италии, крае гениев и героев, производства столь многочисленного, что, действительно, оно не оставляет времени для скрупулезного его изучения». Хотя на Туммоло можно было бы и потратить немного времени, уточняет рецензент, ведь оригинальностью отличается не только его стиль, но и сама мысль, в то время как Новалис всего-навсего воспевал философию Шеллинга.

Трудности в нахождении таких произведений, как «Пожирающий самого себя» или же «Погребенный свет» происходят не из неопытности автора данной статьи. Их трудно сыскать и в тех местах, куда они должны были бы поступать совершенно точно, то есть в отделах книг, присылаемых в редакции газет. Здесь нам рассказали, что избыточное книгопроизводство четвертого уровня перенаправляется в тюрьмы, больницы, диспансеры. Таким образом, мы совершенно точно знаем, какая литература доходит до среднестатистического больного и заключенного, а отголоски этого непрекращающегося потока, формирующего литературный вкус, встречаются во многих текстах еще одного преинтереснейшего издания — «Под маяком», посвященного «заключенным “Реджины Коэли”¹», в котором они сами и пишут (и в котором даже можно найти тексты молодых теоретиков “Рабочей власти”, вынужденных провести

¹ Главная и самая известная тюрьма в Риме.

некоторое время в этих стенах). Когда же заключенные не поставляют новых текстов, за перо берутся тюремные врачи и священники, занимающие похитителей велосипедов и крупного рогатого скота текстами на такие темы, как «Метаязыки и теории», или рассуждениями о (еще не решенном) вопросе смерти Бога.

* * *

Если обратить внимание на идеологию текстов четвертого уровня, то при анализе их распространения можно увидеть и политическо-педагогический аспект. Разумеется, нельзя изобразить точную и единую карту различных философских направлений, учитывая непредсказуемость членов четвертого уровня, но, думаю, не будет ошибкой предположить, что культура этого уровня — это консервативная культура. И не только потому (это очевидно), что выражает «здоровый» стилистический традиционализм, но и потому, что если литератор четвертого уровня не знает о существовании «официальной» культуры, то разворачивает против нее полемику пужадистского¹ типа. Не то чтобы не существовало левых взглядов четвертого уровня, но их еще предстоит отыскать в неграмотном анархизме (у которого тем не менее существует своя историческая традиция) или в анархо-фашистской нетерпимости, выходящей из анналов литературы и входящей в анналы политики или психиатрии. Не говоря уже о народной литературе, вплоть до ее размытой границы с наполовину индустриализованными сказочниками, которые тоже составляют отдельную главу заведенных порядков и языка. Идеология поэта и рассказчика четвертого уровня

¹ Пужадизм — движение в защиту мелких торговцев и ремесленников, основанное французским крайне правым политиком Пьером Пужадом (1920–2003).

последовательно и даже с некоторой долей «официальности» выражена в политическом стиле «Литературного журнала» Гастальди, тону которого на севере соответствует «Кандидо», а на юге — «Ло Спеккьо».

В редакторской колонке мартовского номера Марио Гастальди берет статью Преццолини (в которой тот жалуется на то, что в Италии больше не осталось духовных учителей, таких как Джентиле и Папини) и развивает целую серию противопоставлений и равенств (под названием «Серьезный и тревожный кризис итальянской культуры»). Ее можно резюмировать следующим образом: с одной стороны стоят те, кто (авторы Гастальди) еще верит в «духовные ценности... и непреложные грамматические правила», с другой — фальшивая культура «радиотелевизионных передач, лживых и фальсифицирующих реальность». С одной стороны — настоящие поэты, с другой — песенники-миллионеры и коммунисты. С одной стороны — структуралисты марксистского и фрейдистского толка, с другой — те, для кого стиль — это этический императив и гражданский долг. Потому что те, кто пишут, стараясь навести тень на ясный день (читай — авангардисты), быстро переходят к банданам, закрывающим лицо (Каваллеро), и к бомбам (Вальпреда). В том же номере, после остроумной семиотической статьи о «Силе и влиянии запятой», Федерико Ланцалоне еще раз противопоставляет состоящим в сговоре культурным группировкам здоровые силы литературы, в то время как Джузеппе Лега обличает постыдный и кощунственный поступок телевизионщиков, которые в пасхальные дни показали «Евангелие» Пазолини («а кардинал Урбани даже лично принял автора-богохульщика»).

В этом смысле экономический и идеологический полюса четвертого уровня образуют довольно прочную конструкцию, хотя внутри нее могут встречаться самые разные взгляды и самые невинные в идеологическом плане авторы.

Однако весь четвертый уровень, помимо его осознанного или несознательного консерватизма, характеризует некое упорное утверждение своих внутренних ценностей, эклектичная издательская поливалентность (руководство несколькими журналами одновременно, издание собственных произведений в руководимом издательстве и т. д.), непрерывная плодовитость, смелость в добровольном выборе заголовков и часто в невольном выборе имен.

* * *

Так или иначе, четвертый уровень литературы отличается большой спаянностью и взаимопомощью, совершенно отсутствующими на четвертом философском уровне. Ведь наряду с поэтом и рассказчиком существует и философ четвертого уровня. Однако он не сдается на волю издателя ЧУ, он издает свои труды самостоятельно, всеми ненавидимый, всех ненавидя, злясь на весь мир и осознавая только одно: он несет истину, которая невидима другим.

Самой масштабной фигурой на этом поле является Джулио Сер-Джакоми из Оффиды (Асколи-Пичено), который еще недавно приводил в смятение философские конгрессы и писал увесистые труды, среди которых «Философия Трансцендентального», «Post fata resurgo» и еще семнадцать томов. Особую известность получила переписка Сер-Джакоми, включающая сотни страниц писем, которые он отправил Пию XII и Эйнштейну (к сожалению, все они остались без ответа) и в которых философ опровергал христианскую и релятивистскую метафизику. В заключительных размышлениях после XVIII Всемирного философского конгресса (на котором, как и на всех предыдущих, выступления Сер-Джакоми вызвали справедливую обеспокоенность) философ утверждает: «Никто не заинтересовался многочисленными историческими вопросами, которые

я поставил и решил в “Alea jacta est”, то есть “предвосхитил”, как и другими вопросами, обозначенными в “Gutta cavat lapidem”, которую я озаботился доставить многим из присутствующих ученых до начала конгресса... Философия нуждается в новых жизненных соках, соках, которые я уже давно ей дал ...»

Враги Сер-Джакоми — это профессор Уго Спирито («Возможно ли, что некоторые из “великих” никак не могут по справедливости признать превосходство моих рассуждений над всеми остальными?») и профессор Клето Карбонара. Сер-Джакоми заканчивает свое выступление, призывая читателей помочь ему отыскать мецената, «чтобы напечатать тысячным тиражом все его труды». Ожесточенную полемику с Сер-Джакоми ведет уже упоминавшийся Туммоло, выступающий в защиту мистикатеизма. Это доказывает, что в отличие от поэта философ находит свою аудиторию, но не находит любви и понимания.

Еще один трагически непонятый мыслитель, ведущий борьбу против мира науки, — Эулого Д'Арми из Кальяри. В своем «Сравнении теизма и монизма» Д'Арми, после полемики с современной итальянской философией, рассказывает, как на конгрессе 1958 года «холуи» из секретариата «сочиняли надуманные, гроша ломаного не стоившие предлоги, чтобы отговорить его от выступления». Но Д'Арми заметил, что глава советской делегации Митин превысил отведенное ему время («вот что можно себе позволить, когда за тобой стоит великая мировая держава!»), и восстал против столь дерзкого нарушения. Осмеянному и непонятому философу кажется, что правила проведения конгресса были придуманы специально, чтобы помешать ему выступить. И это вовсе не мания преследования, поскольку всякий конгресс или философский журнал действительно прежде всего стремится оградить себя от порой весьма настойчивых эксцентриков.

* * *

Страдания этих мыслителей могли бы сделать заключение нашего обзора четвертого уровня весьма душещипательным. Но четвертый уровень обширен. Чего там только нет. Бывает, что кто-то или что-то появляется здесь и сразу же исчезает. По ошибке или по неопытности сюда может попасть юное дарование, которому суждены другие уровни. Исследование самых первых работ знаменитых писателей могло бы преподнести прелюбопытнейшие сюрпризы. Но главным образом четвертый уровень может поймать в свои сети какого-нибудь эксцентрика, на котором всегда будет лежать подозрение в оригинальности и, возможно, большом таланте. Самый яркий (и самый игнорируемый) пример этой тонкой грани между уровнями — творчество пьемонтца Аугусто Блотто. Кажется, он ведет тихую жизнь честного служащего и публикует роскошные тома в падуанском издательстве «Ребеллато». Тома эти стоят очень дорого, и нам не известно, продал ли Блотто хоть один в книжном магазине. Однако он щедро рассылает их критикам и в редакции газет. На сегодняшний день он опубликовал шестнадцать или семнадцать, а в планах у него еще столько же. В каждом томе от трехсот до шестисот страниц стихов. Одни только названия, вне всякого сомнения, гениальны: «Трепещущие престижа», «Властный и такой потерянный», «Манеж для вознесенных, без соуса», «Замки, короли, виды», «Сила грозная и разнообразная», «Пилюли неважные (отважные)», «Вместе, в ящике воздуха», «Печалиться, внимательно осведомляться», «Жеманный в меру», «Покой и внезапный ужас».

Почти во всех своих стихах Блотто демонстрирует безудержное словотворчество. Некоторые пеняют ему, что оно почти всегда является самоцелью (что отличает его от Гадды или Сангуинетти), но этой критике можно противопоставить то постоянство, с которым на протяжении тысяч

страниц поэт упрямо создает свой безумный язык: «Бедро асфальта, тигрискростое, тальковое — среди чешуйчатых лугов немного грифеля — воск — отрываться друг от друга, быть может, с затуманом, отсутствовать как следует... Христос из drankи — из дыр от камней — из мотыльчатого богомольства лопаток...» Лексика Блотто состоит из «углеватого вечера», из «порывистого жезла юга-ненавидителя», из «нарисую, быть может, скрипящего червя», из «упроститься, чтобы внутриться», из «линкроста». Стихи жесткие, каменистые, их синтаксис смелый, понятность — нулевая (что само по себе еще ничего не значит), внутренние логические связи не поддаются установлению. Но в тысячах и тысячах стихов Блотто строит свой мир на краю раздваивающегося утеса, на одной стороне которого — гениальность, а на другой — мономания. Но, по крайней мере, это один из тех случаев, где количество заставляет подозревать еще никем не понятое качество.

Разделение между литературными уровнями, возможно, будет вечно. Разумеется, Блотто от учительниц начальных классов, которые пишут поэмы о скорбящих сердцах, отделяет целая пропасть; но такая же пропасть по неясным причинам всегда будет сохраняться между поэтами второго и третьего уровня. Может, это и правда сговор?

Роль моря в истории Италии

На прошлой неделе, как каждый год в это время, в Италии проходила проверка на культурную зрелость. Она состояла в выборе тем сочинений для экзамена по итальянскому языку на аттестат зрелости. Однако испытанию подверглись не столько ученики, — почему, мы увидим далее, — сколько те, кто формулирует темы, в которых отражается состояние культурного развития страны на государственном уровне.

О том, почему сочинение — это сомнительный тест на зрелость, в эти дни уже неоднократно говорилось: испытуемый может проявить ее только в том, чтобы — если у него хватит ловкости, — умудриться раскрыть тему так, чтобы текст понравился экзаменаторам и ни у кого из них не вызвал раздражения или негодования. В этом смысле экзамен действительно дает представление об определенном уровне зрелости, отсеивая, с одной стороны, тех, кто не может связать два слова, и, с другой стороны, бунтарей без особой политической цели, то есть анархистов-индивидуалистов, которые превращают экзамен

в «показательный акт» (объективно совершенно бесполезный и в лучшем случае дарящий им несколько минут восторга от осознания своего героизма).

Выходит, что экзамен выдерживают только те, кто на спрос отвечает предложением, учитывающим пожелания потребителя.

* * *

Но оставим этот слишком радикальный подход к вопросу. Экзамен на зрелость существует, так что поставим себя на место тех, кому приходится формулировать темы сочинений для юных итальянцев, чтобы их сочинения давали представление о том, насколько хорошо они владеют языком и материалом. Давайте же перечитаем темы этого года и, разделив их на пять категорий, каждой теме дадим оценку от восьми до пяти: восьмерка — за удачные темы, семерка — за темы, которые могли бы быть удачными, если бы не звучали так неопределенно, шестерка — за «школярские» темы, требующие умения зазубривать главы из учебников, а не умения мыслить; пятерка — за идиотские темы. Далее следует категория «без оценки»: эти темы попали под разбор по ошибке, ведь они, судя по всему, предназначались для экзамена на звание доктора наук по языковому анализу в Оксфорде, или же должны были использоваться в качестве вопросов с подвохом для тестирования способностей машин-переводчиков, разрабатываемых Массачусетским технологическим институтом, определять нужное значение слова при наличии многозначности.

Такая классификация очень удобна: из всех формулировщиков зрелыми следовало бы объявить только тех, кто получил «восемь», а остальных «завалить».

Умные темы — те, которые не требуют привлечения знаний по отдельным дисциплинам или зазубренного

в течение года, а заставляют рассуждать на темы, выходящие за рамки школьных классов, и связывать между собой разные дисциплины. К этому типу относится третья тема, заданная в классических лицах: «Существует утверждение, что политика страны определяется ее географией. Обоснуйте правомерность этой позиции, или же опишите ее ограничения». Разумеется, эту тему так и хочется развить в циничном реакционном духе: «Италия морская держава». Но экзамен на зрелость именно в том и состоит, что ученик вместо этого может порассуждать о судьбах Польши, или связать эту тему с происходящим в Бенгалии, и тогда перед нами, вне всякого сомнения, человек думающий. Если он напишет о Швейцарии, значит, не любит лишний раз утруждаться. Если ухватится за блестящую английскую изоляцию¹, пойдет по проторенной школьной дорожке; но все-таки попытка будет засчитана.

Еще одна достойная тема — третья по счету в лицах с научным уклоном: «Большие промышленные преобразования двух последних столетий». Поскольку в учебниках много места отводится Гарибальди и всего несколько строк — Рубаттино², много — Наполеону и совсем чуть-чуть — механическим прyalкам, то, если ученик сможет выдать что-то не совсем низкого качества, этот результат может быть признаком недурных мыслительных способностей и некоторой начитанности. Неплоха и вторая тема для технического лица о взаимосвязи города и деревни, которая в социологическом ключе поднимает вопросы, в другой теме сформулированные с исторической точки

¹ «*Splendid isolation*» — термин, употреблявшийся для обозначения внешней политики Великобритании второй половины XIX в.

² *Раффаэле Рубаттино* (1810–1881) — один из основателей итальянского торгового флота.

зрения. Неплоха, а точнее, еще лучше тема для художественных лицеев, предлагавшая порассуждать о социальных, психологических и культурных аспектах телевидения. Здесь есть опасность развить ее слишком банально, вроде: «Из-за телевидения люди не читают Гёте» или «Шекспир лучше Риты Павоне». Хотя это и может вызвать у членов проверяющей комиссии из провинции слезы восторга, тем не менее это риск. Мы не требуем совершенства, достаточно хотя бы умеренного здравого смысла — и от тех, кто формулирует задачу, и от тех, кто ее решает.

А теперь перейдем к неоднозначным темам. Безусловно, прекрасно звучит цитата из Ле Корбюзье: «Урбанистика выражает дух времени». На эту тему можно написать прекрасное сочинение, если написать его хорошо. Однако вряд ли в классическом лицее когда-либо говорили об этом архитекторе, а выражение «дух времени» весьма расплывчато. Возникает подозрение, что это «селективная» тема в самом жестоком смысле этого слова, и ее цель — доказать «зрелость» ограниченного числа учеников. Такова же и тема, предложенная в педагогических лицах, взятая из цитаты Эйнштейна: «Целью школы всегда должно быть воспитание гармоничной личности, а не специалиста». В ней содержится посыл против разделения труда и фетишизации науки, но выражение «гармоничная личность» можно трактовать по-разному, что позволяет любой посредственности решить задачу в топорно-возрожденческом ключе, с прославлением Леонардо да Винчи как образца человека и прочей псевдогуманистической банальщиной.

«Школярскими» назовем темы, которые можно развить двумя способами. Либо, как восемнадцатилетний ученик, то есть повторяя то, чему учили в школе, либо, как маститый критик, смело ставя с ног на голову принятые трактовки. Но даже если экзаменуемый и поставит

все с ног на голову, то этим он в лучшем случае докажет (а это уже было бы неплохо), что он читал книги маститого критика.

Действительно, если попросить описать разницу между романтизмом как умонастроением и романтизмом как художественным движением, то результат будет блестящим только, если автор текста Рене Уэллек, Марио Прац или кто-то в этом роде; в противном случае мы получим только добротного Биньями. О «Важнейших темах в итальянской литературе после Верги» пусть пишет Сангуинети, или же сочинение будет набором общих мест.

Сочинение на тему «Образы притесняемых и притеснителей в “Обрученных”» может стать или изящным доказательством того, что притеснитель — кардинал Федерико, а притесняемый — дон Родриго (поворот, достойный Арбазино), или же в нем к всеобщему удовольствию будет разъясняться, что дон Родриго плохой, а Лучия — хорошая. Такова и тема о роли Кавура в Рисорджименто. Придумавший ее министерский чиновник наверняка провел много бессонных ночей, ломая себе голову и перебирая луллиевы круги и таблицы Лейбница из «Ars combinatoria», в попытках найти вопрос, способный поразить самого Борхеса. А заслугой аргентинского писателя, вероятно, надо считать тему о гражданской поэзии от Фосколо до Кардуччи, барочная затейливость которой повергает в благоговейный трепет всякого, обладающего гражданским сознанием.

* * *

А теперь рассмотрим темы, не поддающиеся классификации, и, следовательно, бесполезные. Вовсе не будет преуменьшением назвать их «развращающими», поскольку сформулированы они настолько общо, что для их раскрытия так и хочется прибегнуть к ретроградным

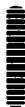
банальностям. «Все, что сделано для развития культуры, работает против войны», — писал Фрейд Эйнштейну, вызвав у последнего сильнейшее удивление. Это настолько истинно, что, может быть, даже ложно. Прежде всего, что подразумевается под «развитием культуры»? Кодекс Наполеона подходит под это определение? Тогда почему же из-за него половину Европы охватила война? А ядерные исследования? А развитие политики в таком случае работает на войну? Какую войну? Оставим этот анализ наследникам Рассела. К той же самой категории можно отнести и «Романтизм как умонастроение и как историческое течение», поскольку для раскрытия этой темы требуется глубокое определение и «романтизма», и «умонастроения», и «исторического». Ученикам художественных лицеев для сочинения выпала фраза из Делакура, в которой говорится, что у человека есть «врожденные чувства», которые не удовлетворяются «реальными предметами», и поэты облачают эти чувства в «форму». Зрелый ученик должен был бы отказаться писать на эту тему. В противном случае он не зрелый, и мне было бы интересно узнать, что подвигло экзаменаторов поставить за сочинение на эту тему удовлетворительную оценку.

* * *

Теперь перейдем к идиотским и безумным темам. Мне жаль, что одна из них связана с именем Бенедетто Кроче, но она действительно идиотская с нескольких точек зрения. В первую очередь потому, что является утверждением, к тому же таким, что надо быть по меньшей мере Ницше, чтобы его опровергнуть, то есть вынуждает с этим утверждением согласиться. Тема гласит, что научные открытия дают человечеству «опасные» знания, и чтобы их использовать, необходимо обладать «не только соответствующим, но даже более высоким уровнем развития

интеллекта, воображения, морали, религиозности, одним словом, человеческой души». Правильное ее изложение было бы довольно кратким и по сути дела походило бы на реплику из сократических диалогов: «Именно так». На такую тему могли бы написать только Симмий или Кебет. К тому же эта тема коварная, ведь она вынуждает высказаться либо за, либо против высшего развития человеческого интеллекта. Наконец, она расплывчата, потому что в таком виде, выдранная из контекста, она принуждает к ошибочной трактовке определения «религиозности» или «души», стирает различия между Бенедетто Кроче, Габрио Ломбарди и Энрико Меди, склоняет к самому гнусному ханжеству, основанному на расплывчатом и некритическом использовании «благоразумных» банальностей. То есть из написавших сочинение на эту тему зрелыми будут считаться ничего не соображающие глупцы или лицемеры.

Еще одна идиотская тема предлагает поразмыслить над «муками существования, стремлением к идеалу, поиску духовности в искусстве Микеланджело». Подставьте вместо Микеланджело Леопарди, Рафаэля, Карло Кассолу, Обри Бёрдслея, де Сада или, наконец, инженера Брамбиллу, который по вечерам посещает курсы масляной живописи, и любое из сочинений, которые были представлены на экзамене, подойдет. Прежде всего, Микеланджело мучился, поскольку обладал чрезвычайно вспыльчивым характером, но не более вспыльчивым, чем многие; стремиться к идеалу — это пустые слова, к нему стремился и Вернер фон Браун. Поиск чистой духовности в принципе как раз подойдет к изображению бицепсов, срамных мест, мускулистых торсов и груди, в котором Микеланджело добился невиданных высот, но тогда что являются собой лебединые шеи у Пармиджанино? Или он был высокодуховным, потому что писал Господа Бога и Деву Марию? А кого

же тогда изображал Караваджо, Ванду Осирис?¹ Заметьте, что в формулировке темы нет ни одного вопроса о самом искусстве Микеланджело, о его технике, основных сюжетах, о его подходе к обработке мрамора, отношениях с заказчиками и так далее. Мы снова имеем дело с шантажом: ученик либо должен сказать, что в творчестве Микеланджело прослеживается высокая духовность (и добавить, что всё искусство в целом — выражение духовности), или его завалят. Единственное, чего нельзя от него требовать, так это определения «духовности» в искусстве, поскольку это уже совсем непростая работа.

Итоговый комментарий? Отточенные и ясные формулировки тем отличают высокая духовность, творческое вдохновение, представление о культуре как венце самых высоких свершений человеческого духа. Они объединены общим порывом веры, надежды, гражданского чувства и призваны соединить в едином плавильном котле все самые животрепещущие вопросы культуры нашей родины, дабы подготовить и выпустить в жизнь граждан, понимающих значение основных ценностей, на которых зиждется всякое упорядоченное сосуществование душ в ожидании укрепления духовной веры и самоотверженного служения Благу, которое, как и Красота, есть сияние Истины.

1971

¹ Ванда Осирис (Анна Мензио; 1905–1994) — итальянская актриса и певица. Выступала в комедиях, мюзиклах, музыкальных шоу. Снялась в девяти кинофильмах.

Латынь как наказание

Я очень рад, что выучил латынь (хотя насилие и страдания, которыми сопровождалось это учение, совсем не радуют); я очень рад, что знаю ее в той степени — большей или меньшей, — в которой она мне нужна, и хотел бы знать ее лучше, тем более что годы работы со средневековой латынью испортили мою классическую. Но мое глубокое уважение к этому языку вовсе не означает, что его надо преподавать всем подряд. Я с таким трудом самостоятельно освоил (причем плохо) английский язык, что иногда думаю, а не лучше ли было бы выучить его в школе, основательно, без спешки, а латынью заняться потом, самостоятельно. Вероятно, у меня бы ушло меньше тех несчастных восьми лет, которые выделила школьная программа на то, чтобы я лишь чуть-чуть с ней познакомился.

Но вопрос не в том, надо ли или не надо преподавать латынь. Так или иначе, все мы знаем, что за этим предложением стоят самые коварные побуждения. Всем известно, что латынь в том виде, в котором ее преподают

в школе, — трудный и унижающий человеческое достоинство предмет. Ее вновь вводят в школьную программу, чтобы присмирить учеников, которые в последние годы что-то уж слишком осмелели, чтобы заставить их делать унизительную работу.

Ведь, как известно, смирение — ценная добродетель для правильного функционирования общества, а смирение рождается из унижения. По этому поводу высказались все, в том числе Пазолини: «Думаю, учить латынь необходимо... Я за все, что отбрасывает образование назад и отдаляет молодежь от ложной и сбивающей с толку идеи прогресса», — и Паризе: «Латынь — отличный способ поставить на место этих пустоголовых нечесаных юнцов».

Им вторит и Дарио Беллецца: «Раз уж школа стала теперь тем, чем стала, пусть в ней будет и латынь как наказание для всех тех, кто считает учебу чем-то необязательным и бесполезным». И если такое говорят интеллектуалы-демократы, чего же ожидать от министра Скальфаро?¹ Чтобы он заявил, что Маркса надо читать на немецком? Однако меня поражает другое, а именно упорство, с которым люди, чьи познания в философии и лингвистике не вызывают никаких сомнений, до сих пор приводят в поддержку латыни довод о том, что латынь — рациональный язык и латынь учить думать.

Единственным филологом-классиком, которому хватило смелости отрицать это, приводя к тому же исторические аргументы, был Бенедетто Марцулло. Но ему закон не писан.

А теперь послушайте: утверждать, что латынь учит нас правильно мыслить, означает признать, что язык и мысль соотносятся совершенно определенным образом, и это

¹ Оскар Луиджи Скальфаро (1918–2012) в 1972–1973 гг. занимал пост министра образования Италии.

абсолютно справедливо. Но это означает и другое: существует некий универсальный способ мышления и некий, более универсальный, чем все остальные, язык, чьи механизмы совпадают с механизмами мышления.

Существование универсальных законов мышления (то есть законов разума, которые действуют в одинаковой степени и для китайца, и для немца) — великая философская гипотеза, которую не стоит обсуждать на этих страницах, хотя с ней и можно поспорить.

Современная лингвистика занята другим вопросом: существуют ли универсальные законы языка, то есть морфологические и семантические правила, общие для всех языков. Это не означает, что все языки одинаковы; скорее, имеется в виду, что логика мысли основана на глубоких структурах, которые в разных языках проявляются по-разному. Если бы это было так, то латынь преподавали бы так же, как баскский, раз в их основе одни и те же логические структуры. Следовательно, утверждение, что латынь — самый рациональный язык из всех, не вытекает из теории, о которой мы говорили выше. Напротив, это наивное проявление незнания этой теории.

Факты (хоть и исторические) есть факты: Аристотель строит свои логические категории на примере грамматических категорий греческого языка, а так как в нем при объекте есть предикат, то он полагает, что сущностям соответствуют некие свойства. Рассуждал бы он по-другому, если бы взял за образец другой язык?

В Средние века модисты создали спекулятивную грамматику, при помощи которой они пытались выявить «способы обозначения», общие для всех людей, но и они взяли за основу латынь. Гипотеза об универсальности мышления основывается на том (наивном) предположении, что есть только один язык, на котором можно говорить. Модисты говорят на латыни и описывают образцы

рассуждений для западной философии. Но поскольку от их латыни Гораций перевернулся бы в гробу («*respondeo dicendum quod*»¹), получается, что идея об универсальности классической латыни основывается на логическом заключении, сделанном на языковой основе совсем не той латыни, которой учат в современных школах (а той, которой учили в средневековых). Великолепно.

Вывод: латынь — это язык мысли лишь для тех, кто знает только латынь. Владеющие другими языками обнаруживают, что есть и другие способы мыслить. Следовательно, латынь учит нас прекрасной логической дисциплине мышления, но при условии, что ученик узнает, что это не единственная система и выучит английский (в котором вместо грамматической и логической последовательности — бессоюзное соединение нескольких утверждений, а иногда полезнее выявить два противоречащих друг другу высказывания, чем сделать один вывод из одной предпосылки), формальную логику (которая делает логические выводы посредством правил, никак не похожих на согласование времен) и трансформационную грамматику, которая, возможно, многим обязана универсальной логике латыни, но имеет то преимущество, что применяется к языку, на котором мы говорим, а значит, учит нас мыслить на основе повседневного и непосредственного языкового опыта.

Все так настаивают на латыни потому, что, во-первых, не знают ни о чем из вышеперечисленного (может быть, как раз из-за переизбытка латыни), а во-вторых, потому что позиция модистов самая удобная: как здорово думать, что законы логики — это те самые, о которых нам рассказывала мама (или учитель латыни!).

¹ «в ответ скажем, что» — в предложении пропущен глагол «*est*» («*respondeo dicendum est quod*»).

И тут обнаруживается, что помешательство на латыни — это проявление культурной лености или же нездоровой зависти: «Хочу, чтобы у моих детей был такой же ограниченный кругозор, как у меня, иначе они не будут мне подчиняться».

Повторю, я буду счастлив, если в ситуации свободного выбора учеников, выбравших латынь, будет много. Не только потому, что на этом языке были написаны великие тексты, не только потому, что он дает возможность понять огромную часть нашей истории, но и потому, что посредством его можно постигнуть логику Блюстителя Педагогического Порядка.

1972

ДЬЯВОЛ В человеческом обличье

Павел VI произнес свою речь о дьяволе прямо в разгар событий, приуроченных к 20-летию со дня смерти Бенедетто Кроче, словно для того, чтобы напомнить, что несчастный уроженец Пескассероли во всем ошибался. Ведь в 1943 году Кроче, успев испробовать себя на многих самых разных поприщах, опубликовал книгу И. Б. Эрхарда, друга Канта, под названием «Апология дьявола», чтобы доказать, что дьявол — всего лишь метафора зла. Кроче не возражал против его демифологизации и даже шел еще дальше, говоря, что, в сущности, не так страшен дьявол, как его малюют, ведь он «часть той силы, которая вечно хочет зла и вечно совершает благо». А зло — явление, относящееся к категории жизненной силы, это мощь природы, «открывающая дверь противоречиям и родовым мукам». Жизненная сила и моральная жизнь диалектически дополняют друг друга и порождают исторический мир.

Как известно, Кроче был тем еще еретиком. Он отрицал очевидное, то, что было ясно Лютеру, запустившему в дьявола чернильницей, а до него — благочестивому

клюнийскому монаху Раулю Глаберу, которому Сатана явился у изножья кровати в виде маленького человекоподобного чудища с худым лицом, черными глазами, морщинистым лбом, плоским носом, раздутыми губами, коротким подборокком с козлиной бородкой, заостренными ушами, острыми зубами, горбом на спине и в грязных лохмотьях. То, что Рауль увидел его таким, каким общество хотело видеть евреев, не было случайностью. В те годы (в самом начале XI в.) речи об Антихристе, заместителе дьявола, всегда совпадали с речами о необходимости избавиться от евреев. Так же и колдуний считали приспешниками дьявола, но — вот так совпадение — дьявол был тут как тут и когда колдуний надо извести. Впрочем, ведь он самый главный Лукавый.

Сто лет спустя дьявол явился Святой Хильдегарде Бингенской. Она увидела его с черной головой, глазами, пылающими огнем, ослиными ушами и львиной прожорливой пастью с острыми зубами.

Беда в том, что, хотя дьявол вроде бы и переселился из реальной жизни в литературу (к Достоевскому и Манну), в последнее время он вновь появился на возвышенностях Калифорнии, вдохновляя кровавые экстазы дьявольских общин (на эту тему есть прекрасная книга Эда Сандерса о дьявольских ритуалах «семьи» Чарльза Мэнсона, зверски убившей Шэрон Тейт и ее друзей), на страницах мужских журналов и в книгах о древних культах на витринах книжных лавок, в сатанинских учебниках, произведениях Юлиуса Эвола, книгах издательства «Рускони» и морализаторских сочинениях о черной мессе. Если консерваторы хотят возродить Традицию, они должны идти до конца, ведь дьявол — ее неотъемлемый элемент. Де Мэстр знал об этом. Как можно оправдать гонения без активного присутствия зла?

К тому же речь Павла VI ни в чем не противоречит учению Церкви. И хотя в Ветхом завете и в Евангелиях

о дьяволе говорится так, что его еще можно счесть метафорой, в Апокалипсисе он описан подробно. В раннехристианском искусстве его изображения отсутствуют, но как только идея апокалипсиса подчиняет себе Средневековые с его страхами, государственными нуждами или восстаниями, он регулярно появляется на протяжении всей истории христианского искусства как в своем истинном обличье, так и в виде кита, козла, хамелеона, летучей мыши, козы, собаки, лягушки, жабы, крокодила, ежа, леопарда, льва, медведя, лисы, кабана, змеи, обезьяны, мыши и черпахи (см. «Иконографию христианского искусства» Луи Рео и «Инфернальный словарь» Коллена де Планси). Как говорит Павел VI, атмосфера буквально кишит дьявольскими духами.

Существование дьявола подтверждается в 1215 году IV Латеранским собором, затем в теологии Фомы Аквинского, на Тридентском соборе, Первом Ватиканском соборе 1870 года и в «*Humani generis*» Пия XII. Прогрессивные теологи из кожи вон лезут, чтобы примирить это утверждение с современной ментальностью (см. «Смерть Сатаны» Г. А. Келли). Голландский иезуит Петер Шоненберг пытается доказать, что все эти официальные постановления Церкви подразумевают существование дьявола, но не признают его как догмат веры. Ранер и Форгримлер в своем «Богословском словаре» говорят, что Писание и магистерии Церкви утверждают, что дьяволы — это отдельные сущности, но в последний момент подстраховываются и уточняют, что под этими дьявольскими воплощениями имеются в виду «силы этого мира», беспорядки, которые люди создают сами. Это своего рода поиск компромисса, который на страницах «Иль Джорно» предложил профессор Серджо Котта, католик-традиционалист. Он пишет, что Павел VI на самом деле хотел в переносном и символическом смысле поговорить о неосознаваемых

силах, стоящих у истоков зла. Однако Павел VI выразился ясно — традиция не ходит вокруг да около, — дьявол существует, а Серджи Котта — опасный еретик, как и прогрессивные теологи. По крайней мере, пусть это будет всем известно: доверять им не стоит.

Я бы сказал, что человек либо верит, либо нет. Если ты веришь, не надо хитрить. Это как история с шестой заповедью, которую после Собора перестали принимать всерьез. Действительно, прелюбодействовать нельзя, как в ней и говорится, тем не менее молодые люди должны как-то учиться вступать в контакт с противоположным полом. Не тут-то было: шестая заповедь запрещает не только заниматься любовью до свадьбы, но даже любые мысли, связанные с плотскими желаниями, и не учитывает никакие «смягчающие обстоятельства». Это значит, что малейшее желание, которому мы потворствуем, — смертный грех. Это значит, что если вы смотрите фильм с Клаудией Кардинале и с удовольствием думаете о том, как было бы приятно проделать с ней какое-нибудь упражнение из «Камасутры», а потом на выходе из кинотеатра вас сбивает трамвай, то вы попадете прямиком в ад, даже если всю жизнь раздавали бедным сахар, как доброволец св. Викентия Палотти.

С дьяволом то же самое: прогрессивные теологи хотели бы убедить нас в том, что в конце концов дьявол — это немножко мы сами и немножко Клаудия Кардинале, но Павел VI напоминает: доктрина есть доктрина, и дьявол — это реальная сущность, которая вкладывает нам в голову идею пойти посмотреть фильм с Кардинале.

Если задуматься, это «*Renovatio Diaboli*» чрезвычайно актуально: без него было бы сложно оправдать новый закон об арестах. В сущности, как появился *habeas corpus*?¹

¹ Английское правовое понятие, по сути обозначающее презумпцию невиновности.

Он появился в светском обществе, которое верит только фактам: человек не попадет в тюрьму, пока не будет доказано, что он совершил дурной поступок, и что дурной поступок совершил именно он; до тех пор человек не виновен, а в худшем случае считается подозреваемым или обвиняемым. Но если дьявол существует, то опасность появляется не при совершении преступления, а в тот момент, когда дьявол искушает человека совершить его. В таком случае справедливо, что как только полицейский посчитает, что человек «объективно» может поддасться искушению совершить противозаконное (и аморальное) действие, он тут же его арестовывает.

В сущности эта идея Церкви, которая становится светским ответвлением государства, не может не радовать. А что, если Андреотти удалось поменять местами вековую политическую и церковную власть, и он использует и папу, и дьявола, чтобы защитить законы Этического государства?

Прошел почти месяц с того вечера, как Маурицио Поллини¹ попытался зачитать свою печально известную речь о Вьетнаме перед началом концерта в «Сочьета дель Квартетто», а споры по этому поводу не утихают до сих пор. Об этом говорят и письма, продолжающие поступать в редакции миланских газет, и заявление музыкантов, опубликованное в «Иль Джорно» от 13-го числа; поэтому, думаю, будет уместно рассмотреть произошедшее с теоретической точки зрения, не забывая и обо всем, что из этого события вытекает, ведь поступок Поллини и протест, который он вызвал, касаются не только политики, но и самого понятия искусства и художника нашего времени. Каково же политическое, эстетическое («что такое искусство?») и социологическое («что значит быть художником в наше время?») значение этого эпизода?

Среди прочих прозвучало мнение, что Поллини совершил политический демарш в месте, которое и исторически,

1 Маурицио Поллини (род. 1942) — итальянский пианист и композитор.

и по самому своему определению, должно быть вне политики. Допустим. Тогда попробуем представить, что случилось бы, если бы накануне концерта произошло наводнение в Полезине, или землетрясение на Сицилии, или ужасная авиакатастрофа, и Поллини начал бы свое выступление с прочувствованной речи, в которой выразил соболезнование по поводу жертв и попросил слушателей встать и почтить их память минутой молчания. Легко предположить, что все сразу же встали бы и единодушно присоединились к такому благородному порыву.

Но Поллини захотел вспомнить о жертвах жестоких бомбардировок, которые потрясли людей по всему миру. И большая часть присутствующих в зале отвергла призыв пианиста. Почему? По всей видимости, они посчитали, что сострадать одним — прекрасно и благородно, а другим — сомнительно. Следовательно, в этом случае политический акт, открытый, явный, жесткий, совершила именно публика, заставившая Поллини замолчать. Она сказала ему: «Молчи, эти мертвые не принадлежат всем, как погибшие от землетрясения, они только твои и твоих друзей; не все мертвые одинаковы».

Разумеется, жест Поллини имел политический характер, но давайте не будем лицемерить и притворяться, что политический акт совершил он один: в зале столкнулись две политики и никто (что совершенно справедливо) не остался в стороне. Собственно, остаться в стороне просто невозможно. Сказать, что во Вьетнаме гибнут люди, но при этом существуют неприкосновенные островки, куда не должны долетать отзвуки происходящего в мире, значит сделать политическое заявление, а из него вытекает политическая характеристика искусства: искусство — это то, чем мы наслаждаемся, когда не хотим думать об окружающей нас действительности. Подобные утверждения вполне законны, так же как законно заявление, что

человек произошел не от обезьяны, но нельзя забывать, что это утверждение отражает определенную философию, а та в свою очередь — определенную идеологию.

* * *

И здесь мы переходим ко второму пункту. Каково место искусства, занятий искусством в отношении к другим формам жизни? Возможно, большинство из тех, кто ходит на концерты Сочьета дель Квартетто послушать Шопена, как и их подчиненные, предпочитающие смотреть «Канцониссиму»¹ (и те, и другие, чтобы вызвать в себе какие-то эмоции мелодичной музыкой), не задаются подобными вопросами. А современные художники еще как задаются, и для них он стоит весьма остро. Настолько, что иногда они доходят до отрицания искусства. Следовательно, логично, что тонко чувствующий музыкант, занеся руки над клавишами в то время, как вокруг него происходят события, приводящие в ужас любого мирного жителя, спрашивает себя: «Вправе ли я делать то, что делаю, использовать искусство для того, чтобы притвориться, будто ничего не случилось, делать из искусства наркотик?»

И он совершенно справедливо решает поделиться с публикой причинами своего душевного смятения. И это смятение, заметим, касалось не только совести Поллини как “*homo politicus*”, но в равной мере и совести Поллини — человека искусства. Поллини сознательно нарушил порядок концерта, согласно которому он должен был выполнять свою функцию музыканта вне всякой связи с тем, что случилось до его выступления и с тем, что случится после. Как будто произведения великих композиторов, которые он как раз и играет, не были написаны как реакция

¹ *Канцониссима* — популярное музыкальное шоу на итальянском телевидении.

на исторические обстоятельства, на конкретные происшествия, как выражение духа времени. Следовательно, будучи артистом, он был обязан напомнить своим слушателям, что концерт — это не похоронный ритуал.

Не пожелав выслушать Поллини (или хотя бы поспорить с ним), большинство дало понять, что для них концерт должен быть посмертной, похоронной церемонией для обезжизненной музыки, скрытым таинством, как чтение порнографических журналов, местом интеллектуальной кастрации. Если бы был хоть какой-то смысл говорить с этими возмущенными меломанами в терминах чистой эстетики, то следовало бы им сказать, что в тот вечер было попрано и унижено искусство как деятельность, которая непрерывно задается вопросом о причинах своего возникновения, о своей функции и своих ограничениях.

* * *

И последний вопрос. Что есть художник? В современном обществе он еще и кумир, хочет он того или нет. И у него как такового есть определенная социальная роль: им восхищаются, ему подражают. Если у него длинные волосы, молодежь будет носить такую же прическу. О его любовных похождениях будут писать в желтой прессе. Его болезням (как в случае с Аббадо) будет посвящаться множество репортажей. Общество использует кумира как образец, идентифицируется с ним, проецирует себя на него, а в обмен многое ему позволяет. Оно прощает кумиру, что тот часто меняет жен, курит травку, эксцентрично одевается, что у него нетрадиционная ориентация, он устраивает потасовки в ночных клубах и оскорбляет фотографов.

Под этот негласный закон попадают и исполнители классической музыки, тенора, дирижеры, сопрано, выступающие обнаженными. Франческо Альберони разработал социологическую теорию, по которой звезды шоу-бизнеса

входят в «эли́ту без власти». Они оказывают на общество огромное влияние при условии, что сами находятся вне сферы управления обществом. Случай с Поллини подтверждает эту теорию. Публика любит его, восхищается им, она простила бы ему все что угодно (даже если бы он преврал концерт, потому что в зале кто-то кашлянул, или потому что ему не понравился галстук господина из первого ряда), но не смогла простить, что он попытался каким-то образом управлять общественным мероприятием.

Это значит, что буржуазное общество, которое платит за выступление своего кумира, приглашает его провести выходные у себя на вилле, считает его (будь то Мина или Пикассо) кем-то вроде скомороха. Ему предлагают перейти на «ты», но при этом не путать, где хозяева (которые распоряжаются деньгами, вооружают армию, объявляют войны), а где циркачи (которых, разумеется, нельзя хоронить в освященной земле). Можно вести себя, как хозяин, даже если ты просто удачливый подхалим. Поэтому негодующие слушатели, ни секунды не сомневаясь, определили роли и восстановили должную дистанцию. Они сказали Поллини: «Война — это наша забота, а ты должен всего лишь нас развлекать».

Действительно, что бы мы сказали про официанта, который вдруг пожелал поделиться с нами своими политическими соображениями, перед тем как подать бифштекс? Возмущенная публика напомнила Поллини и всем нам, что для хозяев и жертв общества потребления культура — это съедобное благо.

Вот так эта публика совершила политический акт и унизила искусство.

Что тут сказать? Приятного аппетита.

Франти strikes again¹

Десять лет назад я написал «Оду Франти», в которой приводил «Сердце» как пример мерзкой мещанской, классовой, патерналистской и садисткой педагогики периода правления Умберто I. Паунд, будучи фашистом, писал такие стихи, что прочти их Гитлер, тут же сжег бы. Социалист Де Амичис², заработавший похвалу Турати³, написал книгу, в которой превозносились и подавались как пример для самых юных все изъяны дофашистской (и даже протофашистской) Италии. Идеология книги не всегда совпадает с идеологией ее автора. В том эссе я не мог обойтись без единственного положительного персонажа, Франти, чье моральное превосходство, чувства и социальные особенности резко выделяются на фоне всех остальных,

¹ снова наносит удар (англ.).

² Эдмондо Де Амичис (1846–1908) — итальянский писатель, автор романа «Сердце».

³ Филиппо Турати (1857–1932) — итальянский журналист и политик, один из основателей Социалистической партии Италии.

несмотря на язвительность, с которой его описывают автор и его маленький филистер, ведущий дневник¹. Сейчас я не буду возвращаться к тому моему комментарию, поскольку Лучано Тамбурини² в своем глубоком анализе этого сентиментального учебника, изданного «Эйнауди», использует его в разумной дозировке и даже между строк выдвигает гипотезу о том, что мое прочтение «Сердца», как и прочтение некоторых других авторов, не столько представляет собой разгром «Сердца», сколько создает основу для более конструктивного его чтения (и теперь уже, наверное, никогда и никуда не деться от, возможно, беспочвенного, но будоражающего воображение подозрения, что сам Де Амичис хотел бы, чтобы книгу воспринимали и под таким углом зрения).

Тамбурини, которому мой нарциссизм многим обязан, называет мою «Оду» «вершиной критического разбора «Сердца»». Однако если хорошо подумать, мне кажется, что до этой вершины нам еще предстоит подняться. Потому что итальянское общество, воспитанное по модели, предложенной в «Сердце», продолжало руководствоваться этой книгой, даже когда уже ее не читало; другими словами, Италия продолжила писать «Сердце», а потому перечитать современную итальянскую историю как приложение к книге — это не просто развлечение.

В заключении своего эссе я высказывал гипотезу о том, что Франти — символ подчиненной и униженной Италии, оттесненной по ту сторону закона классовым

¹ Маленьким филистером автор называет Энрико, персонажа романа Эдмондо Де Амичиса «Сердце», от лица которого ведется повествование.

² Лучано Тамбурини (1923–2010) — литературный критик, много занимавшийся творчеством Де Амичиса и подготовивший новое издание «Сердца» (1972).

мещанством, — в начале XX века брал реванш под псевдонимом Гаэтано Бреши¹. Но этим дело не ограничилось.

В 1966 году Франти вновь совершил триумфальное возвращение с «Письмами к учительнице» школьников из Барбианы²: «Вы отталкиваете нас, посылаете нас в поля, на заводы и забываете о нас». Франти не был ни злым, ни глупым, он создавал свою собственную школу по своей мерке низшего класса, не принимая Энрико, в котором видел Пьерино-угнетателя³, и действительно становился положительным героем (но на сей раз на 100 %) нового «Сердца» — образца, будем надеяться, для детей Италии будущего. Однако у университетов не было своего Дона Милани, и в 1968 году Франти пробует примерить новые маски: он пишет речь по случаю окончания учебного года на страницах «Тетрадей Пьячентины» под псевдонимом Гуидо Вьяле. Это не такой уравновешенный текст, как тот, что написали франти из Барбьяны, гораздо менее конструктивный и в гораздо большей степени иконоборческий. Но Италия содрогнулась. Однако то, что Франти стал говорить с красноречием Деросси и филантропическим пафосом Гарроне, повергло страну в глубокое замешательство, ведь союз Франти и сына каменщика заключался над головой учителя, более того, для его освящения требовалось, чтобы весь класс запустил ему чернильницей в лицо⁴. Нужно было принять меры. Показать,

¹ Итальянский анархист, убивший в 1900 г. короля Италии Умберто I.

² Книга, написанная учениками школы города Барбиана под руководством Дона Лоренцо Милани. Вышла в 1967 г.

³ Пьерино — персонаж школьных анекдотов, аналог русского Васи.

⁴ Отсылка к эпизоду из книги, когда ученик по фамилии Кросси запускает чернильницей во Франти, тот уворачивается, и она попадает прямо в только что вошедшего учителя.

что Франти подкладывал учительнице с красной ручкой банановую кожуру. Это удалось провокатору, Нобису-Фреде, и итальянская буржуазия получила нового Франти по своей мерке. Перечитайте газеты 69-го года, сравните их стилистику, сделайте выжимку из Де Амичиса и независимых изданий: новый Франти изможден и мрачен, к тому же хромает — тоже мрачно; он болезненно любим своей блеклой растрепанной матерью и плачущей теткой. Этот дерзкий анархист не кидается снежками, а танцует, что еще хуже. Его вину доказывают фотороботы, его изобличают таксисты. Имя его Вальпреда. И, как и в главе «Сердца» от 6 марта, «говорят, он больше не вернется, потому что его приговорят к пожизненному заключению». Франти больше не появляется на страницах книги, потому что его не хотят ни автор, ни Энрико. Франти должен исчезнуть. Радуетя отец Коретти «со своими подкрученными усиками и двцветной лентой в петлице пиджака», радуется отец Робетти, «капитан артиллерии». Энрико отправляется в благочестивое паломничество со своим отцом, чтобы навестить в деревне старого учителя, вышедшего на пенсию, — Юлиуса Эволу. Италия спасена, «Сердце» вновь торжествует.

После восстановления Энрико остается только очистить школу от скверны: об этом позаботится ограниченный набор. В классах, уже не темных и серых¹, теперь будут учиться лишь Деросси, Энрико и Нобис, которых успели допустить к занятиям. О, Де Амичис хорошо это знал: «Вот моя книга... это книга для всех, написанная с обезоруживающей искренностью, она утешает, поучает, волнует, заставляет плакать, успокаивает и придает сил;

¹ «Я мог бы превратить это темное и серое здание в солдатский бивак», — фраза из знаменитой речи Муссолини 16 ноября 1922 г.

она содержит в себе неоспоримую истину, которой все должны подчиниться... О, эти писаки, сочиняющие книжки для школьников, еще посмотрят, как надо разговаривать с детьми бедняков и как надо выжимать слезы из десятилетних сердец, черт побери!»

Теперь Франти изгнан из школы. Он не умер, а учится по подпольным брошюрам. И пока не будет написана последняя глава «Сердца», врагом всегда будет Энрико, который по лживым учебникам учит то, чего не понял Карл Маркс¹.

1973

¹ По всей видимости, Эко ссылается на книгу философа Армандо Плебе «То, чего не понял Карл Маркс» (1972).

Под именем принуждения¹

Эти страницы не являются речью в защиту Альдо Браибанти. Это речь в *нашу* защиту. А дело Браибанти не только судебное, но и политическое, и гражданское, ведь оно запустило некоторые механизмы мышления и поведения, которые представляют собой постоянную угрозу для всякого свободного человека. Поэтому если сегодня культура сражается за Альдо Браибанти, то делает это не из цеховой

¹ Текст, приводимый ниже (в немного сокращенном виде), впервые появился в сборнике «Под именем принуждения» (Милан, изд-во «Бомпьяни», 1969). В нем Альберто Моравиа, Адольфо Гатти, Марио Гоццано, Чезаре Музатти и Джиневра Бомпьяни рассматривали различные этапы процесса против Альдо Браибанти с точки зрения морали, политики, права, психиатрии и социологии. Это исследование особенно актуально сегодня, когда становится ясно, что следствие, судебный процесс и приговор по делу Браибанти стали пилотным образцом для целого ряда других процессов и прений, прошедших под знаком иррациональности и тенденции к безнаказанному использованию доказательств и слов в их эмоциональном значении. (Примеч. авт.)

солидарности, из-за которой интеллектуалы склонны защищать представителей творческих профессий, оставаясь безучастными к другой, даже более явной несправедливости. Дело Браибанти показало нам то, что касается нас всех, и прежде всего — «культурную модель» итальянского общества. А культурная модель никогда не возникает на пустом месте. Под ней всегда что-то есть.

Рассуждать о деле Браибанти значит рассуждать о поведенческих схемах нашего общества, в первую очередь об использовании языка и связанной с ним системы ценностей.

Рассуждения на подобную тему осложняются эмоциональным фактором, который, раз уж он оказывал влияние на сам судебный процесс, может довести и над читателем этих страниц, а возможно, и над самим автором. Потому что этот процесс велся над человеком, «совратившим лиц юношеского возраста». Бесполезно говорить, что эти юные были не такими уж и юными, и что понятие совращения трудно определить четко. С самого начала срабатывает пусковой механизм эмоционального давления. Автор этих строк, будучи отцом двоих детей, не хотел бы, чтобы они были кем-то «совращены». Как не хотел бы и того, чтобы его дети, став взрослыми, жили в обществе, где эмоциональная отсылка к «совращенной невинности» служила бы бессознательным прикрытием для гонений по идеологическим мотивам и чудовищного механизма, который демонизирует всех, чьи взгляды отличаются от общепринятых.

Нам представляется, что наши дети умеют защищаться от ведьм лучше нас. Не будем поддаваться эмоциональному шантажу. В этом процессе не было никаких «невинных». Это история взрослых людей о том, как одни взрослые, защищая других взрослых, вынесли приговор взрослому человеку, пойдя на поводу у не совсем взрослых эмоций.

1. Причина беспокойства

Человека, о котором мы ничего не знаем, другие люди обвиняют посредством слов. Эти слова описывают некие факты, и следователи пытаются установить их истинность. Как и в любом следствии, факты можно установить: 1) при помощи свидетельств, выраженных в вербальной форме; 2) посредством практического опыта следователей (который все равно выражается словами). В данном процессе не было других видов доказательств, например, орудия преступления, найденного у обвиняемого, или фотографий, сделанных во время совершения преступного действия. Поскольку в случае с Браибанти преступное действие — это «принуждение» (то есть тонкое психическое влияние на принуждаемого), то всякое доказательство может быть только индуктивным и основываться на вербальном поведении. Действительно, в случае физического насилия имелись бы физиологические доказательства произошедшего. Однако целью данного процесса, даже при допущении, что между обвиняемым и жертвой существовали гомосексуальные отношения, было выявление психического воздействия, которому подвергался принуждаемый, и это воздействие может быть установлено или со слов пострадавшего, или со слов тех, кто его видел (и в этом случае опять же внутреннее состояние подчинения определялось по поведению).

Разумеется, совершенно справедливо будет заметить, что любой процесс основан на трактовке знаков (слов других людей, свидетельств или фотографий, писем, предметов, которые приобретают значение, когда их можно соотнести с определенным владельцем или пользователем). Но также верно и то, что в любом судебном деле следователь обязан следить за тем, чтобы каждый знак использовался всеми участниками процесса в одном и том же значении.

Недостаточно сказать (в показании по делу об убийстве тупым предметом), что «у обвиняемого в руке был камень». Нужно уточнить, что свидетель имеет в виду под камнем. Если «камнем» он называет камушек размером с орех, то его показание окажется бесполезным.

Поэтому, когда во время этого процесса говорится, что в римском пансионе обвиняемый запирает пострадавшего, Джованни Санфрателло, на замок, следователи должны отправить своих агентов на место событий, чтобы те проверили, есть ли замок на самом деле и как он выглядит. Когда обвинение утверждает, что Браибанти сопровождал Санфрателло даже в туалет, следователи должны проверить, что конкретно в данном случае означает «сопровождать».

Следовательно, чтобы использовать слова в каком-либо судебном процессе, необходимо подвергнуть их двойной проверке: 1) установить, соответствуют ли некие факты словам, которыми они обозначены; 2) установить, имеют ли эти слова, помимо денотативного, еще и коннотативное значение, и не случается ли так, что эти коннотации придают обозначаемым фактам эмоциональную окраску, которую не придали бы другие слова, способные на вполне законных основаниях их заменить.

Беспокойство, возникающее при чтении материалов этого дела, связано не с тем, что все доказательства преподносятся в виде «слов» (что могло бы быть метафизическим протестом против нашего человеческого удела, обязывающего нас вести все наши социальные контакты посредством знаков). Дело в том, что почти все ключевые слова происходят из единого источника (материалов, предоставленных истцом) и используются в своем не описательном, а эмоциональном значении, и именно в таком виде их повторяют и следователи, и судьи, и никто ни разу не пытается отделить слова от их

эмоционального фона, более того, им пользуются, чтобы уклониться от дополнительных проверок.

В обществе, в котором слова в первую очередь используются в их эмоциональном значении, люди не свободны. Очередной демагог, искусно пользующийся коннотациями, зачастую превращает людей в рабов. Во фразе «восемь миллионов штыков» эта цифра для среднестатистического итальянца в период фашистского двадцатилетия означала «изобилие», поскольку сам он едва мог мечтать о тысяче лир в месяц; у него не было критической необходимости оценивать восемь миллионов с точки зрения общей картины международной системы вооружений. Слово «штык» вот уже больше века означало «боевую силу», а также «отвагу», «юность» и так далее. И никому не приходило в голову рассмотреть определение штыка в сравнении с другими словами его семантического поля: «танк», «автомат», «эргономичная обувь» и так далее. Но иногда мы становимся рабами из-за некоего загадочного общественного договора, *защищающего* закодированными словами определенные значения, которые неудобно подвергать критическому анализу и которые мы инстинктивно связываем с «положительной» коннотацией.

Поэтому все слова с противоположной коннотацией окутываются устрашающей и необъятной «отрицательностью». Когда общество находится в плену этих языковых табу, того, кто попытается применить критический подход, ожидает жуткий удел: он запутается в словесной паутине, которая его и задушит, сделается героем Кафки, который перестанет понимать, что за сила поработила его. Эта сила *мы сами*. Мы сами себя порабощаем и подписываем смертный приговор гражданскому и ответственному обществу. Но мы поймем это слишком поздно.

2. Нас интересуют не факты, а слова

Прежде всего следует избавиться от искушения, которое может исказить наш словесный анализ: это значит, что *нам не нужно знать, кто такой Браибанти на самом деле и что он сделал*. Наша позиция заключается в том, что его признали виновным из-за использования коннотативных значений определенных слов. По этой причине правильность их денотативного значения нам проверять не надо. К сожалению, нам будет очень сложно придерживаться такого скептического метода. Когда свидетель говорит, что Браибанти вступал в гомосексуальные связи или вел длинные философские беседы на ту или иную тему, нам все время будет хотеться проверить, *правда ли это*. Однако правда это или нет, не имеет никакого значения, поскольку в том же самом приговоре утверждается, что Браибанти признан виновным не из-за своей гомосексуальной ориентации и не из-за распространения марксистских, атеистических или анархических идей. Он осужден потому, что он внушил эти идеи путем принуждения, точнее, использовал эти идеи как инструмент принуждения¹.

Однако мы также увидим, что если принять за основу, что нельзя считать некие действия *преступными* на основании *дискредитирующих* слов, то убедиться, что принуждение имело место, еще проще. Следовательно, факты имеют значение, так как они имели место быть и описаны

¹ О юридическом обосновании понятия «принуждения», развитого впоследствии в приговоре, см. соответствующий раздел уже упомянутого издания «Под именем принуждения». Цель нашего эссе заключается не в том, чтобы понять, что такое принуждение, а показать, какие вербальные искривления привели к гипотезе о принуждении. (Примеч. авт.)

определенными словами, и поскольку сработало коннотативное значение этих слов, был принят единственный факт, который действительно надо доказать. Мы попадаем в порочный круг «слова — факты». Есть только один способ выйти из него: *принять* в качестве эксперимента, ради опыта, который мы проводим на этих страницах, *что некоторые факты правдивы и что мы не будем пытаться доказывать обратное*. Следовательно, мы принимаем то, что:

1) Альдо Браибанти проповедовал различные философские идеи: от пантеизма Спинозы до марксизма, психоанализа, и даже анархизма; *все они так или иначе шли вразрез с системой ценностей, принятой в буржуазном обществе, основанном на принципах экономического либерализма и этике католической церкви*; 2) Альдо Браибанти вступал в гомосексуальные связи и давал им философское обоснование; 3) Альдо Браибанти отличался ярко выраженным прозелитизмом и стремился сообщать свои идеи как можно большему числу людей; 4) некоторым новообращенным Альдо Браибанти предлагал не только свои идеи, но и гомосексуальную связь; 5) в некоторых случаях Браибанти вербовал своих действительных или потенциальных партнеров, не делая им прямые предложения эротического характера, а рассказывая о своих взглядах, предлагая им свои интеллектуальные модели, свой образ жизни, занятия искусством; 6) партнеры Браибанти не желали прерывать свои с ним отношения.

Согласно итальянскому законодательству, ни один из этих шести пунктов не является преступлением. Мы постарались перечислить их, используя как можно более нейтральные выражения, не несущие эмоциональной нагрузки. Тем не менее очевидно, что некоторые из нас, как бы мало они ни были подвержены влиянию системы ценностей среднестатистического члена нашего общества, интерпретировали бы эти шесть пунктов следующим образом:

«Альдо Браибанти был гнусным гомосексуалом, который исповедовал подрывные идеи и пытался заразить своим паскудством других; этот распутник использовал свои познания в области культуры, чтобы заманивать в свою нору наивных молодых людей, ослепляя их своим фальшивым блеском так, что те уже не пытались вырваться из-под его губительной власти».

Но и в таком определении нельзя было бы выявить состав преступления, если только эти «соблазненные» не были несовершеннолетними или недееспособными, которых обвели вокруг пальца. Однако в такой формулировке это дело начинает вызывать отвращение. Тем не менее попробуем представить себе другого персонажа, похожего на многих известных героев современной литературы:

«Габриэле Сперелли Дез Эссентс, красивый собой аристократ родом из Пьяченцы, бывший одним из ардита во время Первой мировой и легионером Д'Аннунцио, живет в замке на берегах реки Арда. Он любит устраивать застолья, коллекционирует драгоценности, умеет фехтовать. Он без ума от женщин и заманивает прекрасных девушек в свой уединенный чертог, обещая показать им свою коллекцию редких китайских муравьев. Он угощает их шампанским, околдовывает сладкими речами, рассказывает о путешествиях в далекие восточные страны, об охоте на газелей в Уганде, декламирует стихи Превера, отрывки из "Любовника леди Чаттерлей", Декобра и Питигрилли. Сперелли излагает им свое понимание любви: высшего и благородного проявления суперчеловека, стоящего над рабской этикой невежественных и напыщенных мещан. В конце концов эти бовари из Фьоренцуолы падают в его объятия, влюбляются до потери рассудка, едут за ним на Лазурный берег и отказываются возвращаться в лоно семьи».

Мы убеждены, что читатели не стали бы судить Габриэле Сперелли Дез Эссентса слишком строго (кроме жителей Фьоренцуолы д'Арда с дочерьми на выданье). В конечном счете он просто умеет наслаждаться жизнью. Каждый хотел бы походить на него. А ведь Габриэле Сперелли можно описать так же, как нашего обвиняемого: он имеет гетеросексуальные контакты (это главное отличие, к нему мы еще вернемся) и дает им философское обоснование, придерживается идей, противоречащих общепринятым этическим нормам, красноречиво излагает свои взгляды, использует их, чтобы соблазнить людей, с которыми затем вступает в плотскую связь, и оказывает на них такое влияние, что те привязываются к нему на долгое время и не поддаются никакому внешнему вмешательству, направленному на разрушение этого сексуального и интеллектуального союза. В чем же разница? Гетеросексуальность против гомосексуальности. И антиконформистские идеи против других (впрочем, со множеством точек соприкосновения). Опустим различия между Лазурным берегом и миланскими пансионатами. *Le scarpauud est beau pour sa scarpauide*¹. Так или иначе, как было сказано, не на этих различиях основано обвинение.

Тогда почему же в одном случае мы говорим о принуждении, а в другом нет?

Потому что нам кажется естественным, когда девушка поддается чарам Габриэле Сперелли, а когда юноша влюбляется в Браибанти — нет. Согласен, читатель, все мы предпочли бы быть Габриэле, а не Альдо.

Следовательно, во втором случае мы говорим о принуждении, потому что участники происшествия не такие, как

¹ Это фраза Вольтера из «Философского словаря»: «Спросите у самца жабы, что такое красота, прекрасное, “to kalon”? Он ответит — другая жаба».

мы. И только потому, что они отличаются от нас, и появляются подозрения в принуждении. Иначе мы имели бы дело с романом в духе «Гранд-отеля»¹. Таким образом, дискриминация обвинительной стороны направлена на *отличие*.

И то, что осуждается на самом деле на протяжении всего этого процесса, включая приговор, — это инаковость: то, что делает нас непохожими на общепринятые модели, в которых общественная масса узнает себя. Но заклеив как «расизм» всякую дискриминацию отличий, мы должны иметь смелость признать, что существует граница, за которой *определенные отличия* становятся предметом дискриминации и для нас.

Нас не пугает инаковость Браибанти. А вот инаковость тех, кто не в состоянии принять инаковость, вызывает беспокойство. Против нее мы сейчас и выскажемся.

3. Слова отца

Первые же слова этой трагедии уже отображают определенную систему ценностей. Их произносит отец, алкающий правосудия ради своего сына, которого у него отняли. Для нас уже не имеет значения, о совершеннолетнем идет речь или нет. С самого начала исподволь начинает делать свое дело схема «несчастный отец — похищенный сын». Слова отца будут довлеть и оказывать влияние на все остальные.

12 октября 1964 года Ипполито Санфрателло подает в Государственную прокуратуру Рима заявление, в котором рассказывает, что с 1959 года его сын Джованни, которому тогда было девятнадцать лет, попал под влияние

¹ Имеется в виду американский фильм «Гранд-отель» (1932), рассказывающий о нескольких днях берлинского «Гранд-отеля», снятый по роману австрийской писательницы Вики Баум «Люди в отеле».

странного персонажа, «создателя и активиста молодежной ассоциации, члены которой исповедуют *идеи экзистенциализма* и придерживаются *странных* привычек; в городе он привлек всеобщее внимание и вызвал неприязнь своей неряшливой одеждой, манерами его длиннородых соратников и их *необычными занятиями*, которые, по крайней мере, как кажется со стороны, заключаются в *поиске муравьев и других насекомых*».

Далее в цитатах мы будем *выделять курсивом* те выражения, имеющие коннотативный заряд, которые в том или ином виде будут встречаться во всех материалах исследования, судебного процесса и приговора.

Здесь мы можем отметить «идеи экзистенциализма» (не будем забывать, какими коннотациями обросли такие термины как «экзистенциалист» в европейской послевоенной культуре сначала среди интеллигенции, а потом, постепенно, через несколько лет, в мещанских кругах: «грязь, аморальность, темные подвалы, вши»). Привычки «странные» (отметим это определение, которое будет встречаться во многих последующих документах: что значит «странный»? странной может быть двухголовая лошадь, готтентот в Биелле, юноша, которому является Мадонна, форма DS Citroën, когда машина была только выпущена). Опустим длинные бороды, это деталь. Но отметим, что поиск муравьев назван «необычным» занятием¹.

Санфрателло младший общался с Браибанти уже на протяжении года, когда однажды вечером, придя домой,

¹ Удивительно, что занятие Браибанти показалось всем столь «необычным». Если бы он отучился на факультете естественных наук, его интерес к муравьям никого не удивил бы. Получается, что «законность» какой-либо деятельности в Италии определяется наличием диплома. Следуя этой логике, философские интересы Бенедетто Кроче тоже необычны, ведь, как известно, у него не было диплома по философии. (Примеч. авт.)

объявил, что хочет бросить учебу. Отец рассказывает, что он «выглядел совершенно раздавленным, а взгляд у него был безумный». Очевидно, что тут произошел перенос: отец, который слышит подобные речи, чувствует себя раздавленным и смотрит вокруг обезумевшим взглядом». Ответом становится расхожая фраза, услужливо предоставленная повседневным языком: «Да ты с ума сошел!» — Это общее место становится приговором. Посчитав, что у сына «нервное истощение», семья показывает его доктору Бергонци, который, узнав о его отношениях с Браибанти, заключает: «Без сомнения, в этом кризисе виноват Браибанти; таких типов, как он, надо было бы уничтожать». На этом едва начатый процесс можно было бы считать окончанным. Обвинитель не только вынес приговор, но и предоставил его теоретическое обоснование.

Тогда родители повезли своего сына в Модену к еще одному психиатру, профессору Россини. Джованни уже стали проверять на душевное здоровье и подозревать у него расстройство. Он стал кандидатом если не на сумасшедшего, то по меньшей мере на невротика. Отметим, что среди всех свидетельств, приводимых Ипполито Санфрателло в его заявлении, заключение профессора Бергонци звучит так: «Я сообщил отцу молодого человека, что у него произошел *переворот всех ценностей* на 180 градусов». Так психиатр дал нам мерку, по которой можно отличить здоровье от безумия.

Продолжим чтение. «С того момента, как он *попал под влияние* Браибанти, он перестал соблюдать религиозные обряды, ходить на мессу и даже креститься, поскольку перенял *атеистические принципы* Браибанти».

Отметим, что здесь появляется термин «*влияние*» (который может иметь очень слабые или очень сильные коннотации и который в повседневной речи часто используется как метафора) и впервые встречается слово «*толк*», в которое вкладывается отрицательный смысл. Во всех

материалах будет говориться, что у Браибанти не марксистские идеи, а идеи *марксистского толка*, не анархические, а *анархистского толка*, и так далее. Нельзя недооценивать это слово: оно уже само по себе содержит отрицательную коннотацию, и нам всем это известно. Но «по этому поводу отмечается, что все молодые люди, испытавшие на себе *духовное и психическое влияние* Браибанти, постепенно перешли от католической веры к атеизму». Мы не будем задерживаться на противопоставлении веры и атеизма (которое, однако, тут есть, и эмоциональное воздействие которого не будет стерто никаким другим документом), но подчеркнем, что здесь впервые вводится понятие влияния на психику. И вот нейтральная метафора «влияние» перестает быть нейтральной: это принуждение (вопрос: почему влияние именно психическое? — Потому что из-за него юноша стал *отличаться от своих родных*).

И тут новая трагедия. Санфрателло хочет уехать во Францию. Не с Браибанти, а сам по себе. Но это путешествие на край ойкумены в разных документах обрастает невероятными экзотическими коннотациями. Выясняется, что молодой человек хочет заняться *ручным трудом*, и в этой эксцентричной затее лишь с большим трудом и между строк можно разглядеть желание поехать в трудовой лагерь, обычное дело для всех студентов, которые хотят заработать себе на каникулы за границей.

Но история с Францией кажется темной, Санфрателло замечает следы, его семья допрашивает Браибанти и выясняет, что тот состоит в переписке с юношей, призывая его к внутренней свободе. В октябре 1960 года сын возвращается в семью «*оборванным, изнуренным, в грязи, опустившимся, хуже нищего*». Коннотация «*девочка со спичками*»¹ не мешает нам увидеть в этом описании, словно

¹ Отсылка к святочному рассказу Х. К. Андерсена «Девочка со спичками».

составленном напуганной матерью («Не забудь свитер!»), обычного автостопщика. Но внушение уже делает свое дело. В последующие два года Санфрателло получает аттестат и поступает на факультет архитектуры в Милане.

Браибанти его не беспокоит, он занят Пьером Карло Тоскани. Но в какой-то момент Тоскани опомнился (ниже мы увидим его показания), и Браибанти остался один. Соблазнитель, который, несмотря на свое мастерство, по всей видимости, не находит новых жертв по месту проживания, едет в Милан и пытается взять над Санфрателло «беспрекословную власть». Тот переселяется в комнату к Браибанти в одном миланском пансионе, несколько раз сопровождает его во Флоренцию. Отец ищет его и, шаг за шагом, сперва находит мать некоего Сальватори [да, ее сын тоже был одним из тех «непутевых» и тоже хотел бросить учебу; она «проклинала тот день, когда ее сын повстречался с этим самозванным философом» (коннотация самозванства)¹]. Когда отец добирается до дома, где живет его сын с Браибанти и другими, то обнаруживает в углу пустые бутылки из-под ликера (коннотация полных бутылок ликера — достаток, пустых — транжирство).

¹ Исходя из принципа, по которому интерес к муравьям со стороны того, кто не имеет диплома естественных наук, предстает «необычным», в интересе к философии со стороны того, кто, как Браибанти, учился на философском факультете, нет ничего удивительного. Возможно, он был энтомологом-самозванцем, но не самозванцем в философии. Или же университетский диплом не дает права заниматься соответствующей дисциплиной, но тогда и его отсутствие не должно быть помехой. Не следует забывать, что в обыденном сознании термин «философ» имеет коннотацию «странности», «эксцентричности», которой у «натуралиста» нет. Поэтому очевидно, что в этой игре внушений используются такие выражения, как «самозванный философ», вызывающие необходимую дозу недоверия к субъекту в глазах простых людей. (Примеч. авт.)

Действительно: «Тоскани рассказал ему, что для Браибанти было обычным делом предлагать своим юным жертвам алкоголь и табак в больших количествах, чтобы притуплять их разум и делать их легкой добычей». Отметим идею одурманивания табаком: она появляется в точно таком же виде и в других документах. Отец проводит с сыном всю вторую половину дня, тот обещает вернуться, но потом исчезает. Допрашивают мать Браибанти («сообщницу и советчицу» сына — эти коннотации переносят нас в мир сказок: людоед — мать людоеда, гарпия, которая прячет в сундуке тела тех, кого ее сын застрелил из дробовика на большой дороге, и так далее), начинаются поиски, выясняется, что Джованни ушел от Браибанти, оставив ему загадочное письмо, тот, кажется, обеспокоен душевным равновесием юноши, которого не могут найти целый месяц. В итоге полиция обнаруживает его в Венеции, оголодавшего и в лохмотьях. Его одного. Итак, он ушел и от Браибанти, и от семьи. О разумности его бегства говорит то, что как только он вернулся, семья сразу же устроила ему осмотр у еще одного специалиста по нервным заболеваниям, профессора Бернокки, который, как видно из материалов следствия, впервые изложил подозрение о принуждении с медицинской точки зрения. «Он находился под таким действием внушения, что говорил не своими словами. Профессор также отметил, что хотя мальчику уже исполнился двадцать один год, его можно было принять за переживающего кризис семнадцатилетнего». Нет никаких причин сомневаться в благих намерениях профессора Бернокки. Однако любопытно было бы узнать, насколько широкий смысл он вкладывал в термин «внушение», и кто называет этого двадцатиоднолетнего мужчину «мальчиком», — отец, который пишет заявление, или все-таки врач. В любом случае, либо этот двадцатиоднолетний мальчик, рассуждающий, словно ему семнадцать,

психически болен, и тогда требуется немедленное вмешательство, либо нет, тогда мы имеем дело с метафорой. Действительно, профессор Бернокки ограничивается тем, что прописывает препараты для укрепления нервной системы. Естественно, Джованни (которого начиная с этого момента мы из уважения больше не будем называть мальчиком) продолжает оставаться на связи с Браибанти и в один прекрасный день уезжает с ним во Флоренцию, в то время как семья ищет его у родственников философа-самозванца. По всей видимости, семья ведет себя довольно навязчиво, раз Браибанти и сам Джованни обращаются к адвокату Боччи, чтобы тот заставил Ипполито Санфрателло прекратить оказывать давление под угрозой ответной реакции уже в судебном порядке. Но Ипполито Санфрателло комментирует это следующим образом: «Так он пытался обезопасить себя, действуя по намеченному плану». Коннотация слова «план» имеет в данном случае первостепенное значение: она заставляет нас увидеть в произошедшем не случайную последовательность событий, вызванных сексуальным (или философским) притяжением и отторжением, а «преступный замысел».

Так или иначе, они приезжают в Рим. Здесь по просьбе отца Джованни его выслеживает брат Агостино: однажды он увидел Джованни на улице вместе с Браибанти, попытался его остановить, обратился за помощью к карабинерам, но те не смогли ничего сделать. Тем не менее их жилище, пансион Дзуанелли на виа Монтекатини, рассекречено. Родители несколько раз приезжали к сыну в Рим, и он «заявлял, что ему не доставляло удовольствия видеться с ними» (коннотация: любовь против отвержения). Новые доказательства «странности»: порванное пальто, «купленное у старьевщика», «отупевшее... почти неузнаваемое» лицо. Коннотированное противопоставление: прошлое благополучие против бедности в настоящем.

Далее мы узнаем обстоятельство, ставшее одним из наиболее отягчающих элементов для определения этого дела как «принуждения», а именно: «по прошествии времени, очевидно, назначенного ему Браибанти, сын спешно покинул истца, а на лице его был написан ужас из-за того, что он задержался всего на несколько минут». Этот факт не оставляет сомнений, что, даже если не говорить о принуждении, отношения между Джованни и Браибанти были полны ревности. Однако необходимо понять, насколько представление об их связи как о преступной обусловлено такими коннотациями, как «ужас на лице» и скрытая аллюзия на Золушку в полночь. На этой же самой странице заявления утверждается, что Браибанти не оставлял Джованни одного ни на минуту, шел за ним в туалет, выходя, закрывал его на ключ и не давал ему читать газеты¹. Эти обвинения сопровождаются и другими наблюдениями:

¹ Представление о принудителе, который следует за жертвой даже «в туалет», оформилось с самого начала процесса и уничтожить его оказалось невозможно, хотя можно было бы сказать то же самое более нейтрально, не порождая такие дикие интерпретации. Прежде всего оказывается, что несколько свидетелей видели, как Браибанти направляется к туалету, куда уже вошел Джованни (а ведь можно идти к занятому туалету, чтобы попросить побыстрее выйти), но никто из них не утверждал, что он туда зашел: «Я не видел, заходили ли они туда вместе (Адриана Иракос, показания от 1 июля 1968); «Однажды я видел, как Джованни шел по коридору, а за ним Браибанти: в конце коридора был туалет, но я не видел, чтобы они заходили вместе» (Франческо Ревелли, показания от 2 июля 1968); «Туалет в пансионе Дзуанелли служил и для других целей» (Ренцо Буссотти, показания от 2 июля 1968 г.). Последний свидетель — это свидетель защиты; так становится понятней смысл фразы, в которой нет никакого подтекста. Она всего-навсего означает — что подтверждает и Альваро Браккалони (показания от 8 июля 1968 г.), — что в уборной Браибанти и Санфрателло также стирали одежду (в протоколе процесса записано «одежду», но защита утверждает, что Браккалони сказал «мыть холсты»). (Примеч. авт.)

«Оба редко куда-то ходят, обычно только в вечернее или ночное время, готовят еду у себя в комнате»¹. Только сейчас истец начинает подозревать, что между его сыном и Браибанти существует гомосексуальная связь. Естественно, что как отец он поражен подобным открытием и можно понять, что он использует такие выражения, как «чудовищная связь с гнусным философом», «подлое существо», «мерзкие занятия».

Мы видим концентрацию отрицательных коннотаций, но не осуждаем того, кто под воздействием эмоций их использовал. Он имел на это право. Самое большее, что мы можем сделать, это отметить типичное стремление родителя (любого родителя) оправдать свое чадо, доходящее до паралогизма, согласно которому его собственный ребенок, будучи склонен к добру, если и совершает дурной поступок, то только под пагубным влиянием

¹ Из записей процесса видно, что для некоторых свидетелей факт готовки в комнате, как и история с муравьями и коллажами, стал навязчивой идеей. Поскольку Браибанти и Санфрателло сами подтвердили, что готовили и мылись в своей комнате, чтобы сэкономить, единственное отрицательное значение этого факта состоит только в том, что он подтверждает, что они жили в бедности. Но, как мы увидим, именно он окажет влияние на приговор: ведь, как будет утверждаться, только по принуждению можно уйти из семьи, чтобы жить в нищете. Сравним с другими ассоциациями, возникающими, например, при чтении романтической биографии Иллики и Джакозы: «Они целыми днями работали над своим либретто, готовили себе в комнате и выходили только по ночам». Картина меняется, вместо «120 дней Содома» — «Богема». Следовательно, чтобы увидеть в этих подробностях отрицательный смысл, необходимо заранее решить, что действующие лица не Рудольф и Мими, а Сад и Жюстина (и даже не рассмотреть вероятность, не точную, но имеющую право на существование, что перед нами Эвриал и Нис или Клоридан и Медор). (Примеч. авт.)

кого-то другого (это обычное дело в интервью, например, с матерью грабителя: мой сын был хорошим, это все плохая компания). Поэтому вполне понятно, что Ипполито Санфрателло пишет: «Он сам (Тоскани) рассказал о *постоянных моральных пытках, которым Брабанти со злобным коварством и изощренным чернокнижием подвергает своих юных жертв, чередуя лесть, побои и угрозы самоубийства в зависимости от объективной необходимости сломить слабое сопротивление тех несчастных, которые попадают в его сети*». Непонятно, почему те же самые выражения или те же самые понятия (уже граничащие с магией) повторяются в текстах с более высокой долей ответственности, например, в тексте приговора.

4. Слова друзей

За показаниями Санфрателло следуют показания нескольких свидетелей. Особенно важное значение имеют слова Пьера Карло Тоскани, которые мы рассмотрим ниже, дополнив их цитатами из допроса, проведенного Прокуратурой 30 октября 1964 года, когда следствие уже шло полным ходом.

Тоскани рассказывает о том, как Браибанти инициировал сближение и как он вынудил его «*благодаря своей силе внушения, подкрепляемого высоким уровнем культуры, гораздо выше, чем мой собственный*» следовать за ним в его путешествиях, жить вместе с ним и, наконец, вступить с ним в гомосексуальные отношения. Если сравнить свидетельство Тоскани со свидетельством Браибанти, предъявленным Римской прокуратуре 31 октября 1966 года, то окажется, что Тоскани приписывает обвиняемому действия, которые сам обвиняемый приписывает Тоскани. Нужно было бы сказать, что все показания

равны, но в конечном счете факты были учтены так, как их описывает Тоскани¹.

Здесь вновь появляются намеки на то, что для достижения своих целей Браибанти прибегал к помощи алкоголя и табака: «Он напоил меня и дал мне выкурить кучу сигарет». Далее следует рассказ о том, как Браибанти расспрашивал своего пациента о его снах. Коннотативный заряд этого факта буквально потряс множество людей. В своих показаниях сам Браибанти говорит, что просто-напросто рассказывал Тоскани об исследованиях в области психоанализа и в качестве эксперимента пытался анализировать его сны. Исходя из здравого смысла, правда на стороне Браибанти еще и потому, что кажется невероятным, чтобы кто-то — как это случилось с Тоскани — мог быть обязан рассказать, что ему приснилась девушка, провоцируя ревность партнера (только если он не преследует именно эту цель, что часто случается в отношениях между мужчиной и женщиной, причем никто не говорит о чарах и внушении, а в лучшем случае о кокетстве). Но наша задача состоит не в выяснении фактов, тем более, что их не существует; существуют лишь две последовательности слов, произнесенных Тоскани и Браибанти. И слова первого имеют больший вес, чем слова второго, поскольку Тоскани, воздействуя на наши эмоции, говорит о магическом влиянии на сон и о краже снов. В читателе пробуждаются атавистические страхи, и он не может не реагировать. Когда мы читаем «он вновь принудил меня к привычному сожителству, вновь ради удовлетворения своей грязной педерастической

¹ В протоколе процесса записаны также показания Лучано Молинари (от 5 июля 1968). Из них следует, что, исходя из сказанного братом Тоскани, ссоры между Браибанти и Тоскани были связаны с деньгами. Но и этим показаниям не было уделено должное внимание, в отличие от заявлений самого Тоскани. (Примеч. авт.)

похоти», то думаем, что это просто витиеватая версия «я опять стал спать с ним». Но здесь хорошо видно, что при переложении факта на язык завитушек автор переложил и ответственность, сделав из активного лица пассивное. И подозрения в принуждении основаны именно на том, что действующий на самом деле испытывал действие на себе.

О том, насколько сильным было испытываемое им внушение, нам сообщает сам Тоскани. Однажды вечером во время прогулки он услышал колокольный звон и осознал, как низко он пал. Тогда он вернулся в дом брата, умоляя его помочь порвать с прошлой жизнью.

Случаи, пробуждающие свободную волю человека, полные богоявленческих реминисценций, не редки для нашего общечеловеческого опыта. Но, уточним, для опыта тех, кто свободен в своих решениях, даже если частенько оказывается, как принято говорить, рабом собственных страстей (то есть с удовольствием делает то, что противоречит его системе ценностей; в таком случае или же ему хватает решимости принять другую систему и приобщить к ней свое окружение, или же он не может быть счастлив, пока однажды полученный от чего-либо импульс не помогает отринутым ценностям взять верх над страстью).

Допустить, что Тоскани был «принужден», означает не придавать никакого значения простому звону колоколов в его пробуждении. Если только принуждение не было вызвано магией, а звон колоколов, в свою очередь, не был другим магическим действием¹. Но если в звоне не было ничего сверхъестественного, то и состояние подчиненности страстям, от которого он помог очнуться, не было чем-то особенным. Что означают обращенные к женщине слова: «Я любил тебя, ты меня околдовала, я не мог без

¹ О значении звона колоколов подробно говорится в приговоре. См. 12-й пункт этого эссе. (Примеч. авт.)

тебя жить. Но потом мне на глаза попалась фотография моего ребенка, которого я бросил, я раскаялся и ушел от тебя»? Они означают, что до момента X говорящего больше привлекала женщина, чем ребенок, а после момента X есть несколько вариантов развития событий: или он чувствует, что его больше тянет к ребенку, или же фотография ребенка напоминает о системе ценностей, которая становится важнее и убедительнее, чем любовная страсть; или же он разлюбил эту женщину и ему необходимо моральное и эмоциональное алиби, чтобы порвать эту уже и так слабую связь. В случае с Тоскани возможны все эти варианты, и это приходит в голову любому в первую очередь. Почему же тогда была избрана самая невероятная гипотеза с принуждением? Потому что Тоскани говорит не об обычных отношениях между женщиной и его любовницей-женщиной, а между женщиной и его так называемым любовником-мужчиной и к тому же *марксистом*.

Прочтем несколько отрывков из допроса Тоскани от 30 октября 1964 года.

«Браибанти говорил об искусстве, о свободе, и его слова попросту завораживали. Он говорил о своих идеалах и исподволь, своими притворно *медоточивыми* речами начал критиковать сегодняшнее общество и наш маленький мирок Фьоренцуолы». Он критиковал притворно-медоточиво или был слащавым притворцем, потому что критиковал?

«Браибанти пытался *влезть ко мне в голову* и вложить свои политические воззрения, то есть *коммунизм* во имя высшей свободы и *атеизм*, концептуально отличающийся от агностицизма». А если бы Браибанти изложил, скажем, политические взгляды сенатора Мастино дель Рио, он все равно бы «влез в голову» Тоскани?

Но Тоскани за метафорой в карман не лезет: «Он говорил, что сны означают то-то и то-то, и так далее. Так он

контролировал все мои мысли». Что ж, в следующий раз Браибанти неповадно будет учить психоанализу троглодитов, но между интерпретацией снов и контролем мыслей большая разница.

«Браибанти обладает почти дьявольской силой убеждения. А еще огромной силой воли (как я понял позже), если правда, что он наметил себе план, который должен был проводить в жизнь постепенно, потихоньку, в течение нескольких лет». Кажется, что это преувеличение, риторический прием. Однако гипербола «дьявольский план» повторяется в той же формулировке в приговоре и неоднократно встречается по ходу следствия.

«Браибанти, продолжая свою работу по подчинению, постепенно начал запрещать мне все развлечения, которые уже давно стали для нас общими (например, кино по вечерам), например, привычное для меня развлекательное чтение (по пятницам я уже давно несколько часов проводил за чтением «Сеттимана энигмистика»). Основанием для этих запретов было не внешнее, а внутреннее, интеллектуальное превосходство, которое гораздо сильнее. Он говорил, что это бесполезное, ненужное чтение. Он критиковал все на свете и давал мне читать только те книги, которые отражали его мысли и идеи».

Разумеется, тут любой здравомыслящий человек не может не заклеить Браибанти, претендующего на роль Пигмалиона с мисс Дулитл, не вызывающую большого энтузиазма, но ведь Фьоренцуола не Лондон. Тем не менее нам кажется, что эту фразу можно интерпретировать в том смысле, что Браибанти говорил Тоскани: «Мальчик мой, я не запрещаю тебе силой читать все эти глупости, но если бы ты бросил «Сеттимана энигмистика»¹ и взялся за прекрасные книги, которые читаю я, то стал бы куда образованнее».

¹ Журнал головоломок и кроссвордов.

Получается, что преступный акт принуждения возникает именно из используемых слов, которые превращают обычные факты в чудовищные происшествия. Например, когда опять упоминаются «иностраннные» сигареты (поствоенная коннотация: «Томболо и сеньорине»¹), использовавшиеся как афродизиак. И тут Тоскани начинает рассказывать о сексе. Он описывает самые разнообразные и пикантные сцены, невероятные оргии онанизма и содомии. Надо сказать, что во всех записях следствия единственные страницы, неподходящие для несовершеннолетних, принадлежат именно Тоскани, так что сам собой возникает вопрос: может быть, мы просто-напросто имеем дело с человеком, склонным предаваться эротическим фантазиям и описывать их определенным образом?

Но, как мы уже говорили, факты нас не интересуют. Мы ограничимся лишь тем, что приведем еще одну сильнейшую отрицательную коннотацию, возникающую, когда Тоскани утверждает, что Браибанти рассказал ему, что во Флоренции он якобы занимался любовью с негром. Гомосексуал еще куда ни шло, но негры — это неприемлемо. «О неграх он говорил, что они физически совершенная раса. И когда он рассказывал о негре, глаза его излучали странную радость». Браибанти конченный человек. Он зашел слишком далеко.

Надо сказать, что в некоторых своих утверждениях Тоскани словно стремится внушить нам коннотации, которые кажутся полным абсурдом: «По книгам стихов Браибанти и по другим его книгам становится понятно, что он психопат и извращенец. Все, что он пишет, имеет двойной

¹ Томболо — сосновая роща близ Ливорно, куда сразу после освобождения Италии войсками США стекались проститутки. Американские солдаты, коверкая итальянское слово, называли их «сеньоринами».

смысл... Еще становится понятно, что он *сексуально озабоченный*».

Нормальной реакцией было бы предположение, что Тоскани просто не знает, как современные поэты и писатели заигрывают с темой секса, и если бы всех, кто слишком часто упоминает секс, официально признали больными, нам пришлось бы устроить костер из всего выродившегося искусства (эта мысль уже приходила кое-кому в голову, а значит, не так уж невероятна). Но и тут сработало внушение. В материалах дела появляются списки цитат из произведений Браибанти, в которых всего несколько слов или всего лишь намеки на определенные темы, вырванные из контекста, приводятся в первую очередь для того, чтобы произвести впечатление на читателя¹.

5. Слова наставников

В текстах, которые обвинение предъявляло на этапе расследования, по-разному рассказывается о личности Джованни и Браибанти. Мы ограничимся цитатами, несущими эмоциональную окраску, позже распространившуюся на весь процесс. Например, дон Джакомо Данези, учитель братьев Санфрателло в религиозном колледже в Реццато, в своих показаниях от 30 июня 1967 года исключает возможность того, что юноша взбунтовался против угнетающей его семьи, которая контролировала его и запрещала, как утверждал сам Джованни, читать определенные книги. Напротив, он говорит, что эта семья придерживалась чрезвычайно широких взглядов. Например, Агостино Санфрателло «сначала был анархистом, потом агитатором-коммунистом, не уходя при этом из семьи. Он начал заниматься музыкой, потом поступил на философский факультет.

¹ См. 10-й пункт настоящего эссе. (Примеч. авт.)

И родители не выказывали ни малейшего неодобрения».

Противопоставление «отсутствие неодобрения против музыки и философии» скорее относится к картине мира дона Данези, чем к оценке, которую позднее вынесли судьи, но уже показывает, в какой системе ценностей и табу развивается это запутанное дело семейства из провинции.

Ипполито Санфрателло на допросе 31 октября 1964 года утверждает: «У Джованни есть определенные способности к рисунку, но мне кажется, что писать маслом он не умеет». — Он намекает, что сын бежал из-за того, что в семье его не понимали, поскольку сам он считал искусство своим призванием (и даже продал несколько своих картин, совсем не плохих, как выясняется из материалов процесса).

Но непонимание семьи этим не ограничивается: «Она (хозяйка пансиона) сказала мне, что они жили, как нищие... Даже не так, она сказала, что раз они все время сидели в своей комнате, она не допускала и мысли, что они могли зарабатывать» (и тут всплывают мещанские представления, враждебные по отношению к недоходной деятельности: эти коннотации вполне подойдут для процесса, в котором неоднократно утверждается, что только злые чары могут заставить кого-то заниматься тем, что не приносит денег).

К заявлению Ипполито Санфрателло прилагались показания отца Даль Бона, ассистента римско-католического университетского пансиона на виа Скрофа. По просьбе родителей Джованни он отправил одного своего студента по фамилии Ревелли пожить в римский пансион, где скрывались беглецы, чтобы понять, держал ли Браибанти Санфрателло в плену, и если да, то как.

Что же пишет в своем заявлении от 16 сентября 1964 года отец Даль Бон (по поводу того, что рассказал

ему Ревелли) и что — Ревелли в показаниях от 26 ноября 1964 года? Сравним два эти текста (курсивом выделены противоречащие друг другу фразы):

Ревелли

Д. Р.: На протяжении нескольких дней мне не удавалось¹ перемолвиться ни единым словом с Санфрателло и с человеком маленького роста, который, как я узнал позже, был профессором Браибанти. Они всегда уходили вместе и возвращались вместе. Браибанти шел впереди, а Санфрателло за ним. Он всегда шел с опущенной головой, держа руки в карманах, с поникшими плечами, погруженный в себя, с потерянным блуждающим взглядом, как будто им владела какая-то мысль... После нескольких попыток (когда я их видел, то всегда здоровался, и Браибанти отвечал кивком головы) завязать с ними разговор, мне пришла в голову идея попросить Дзуанелли передать Браибанти, что один молодой лицеист хочет взять у него несколько уроков по философии. Спустя несколько дней Браибанти постучал в мою дверь, чтобы поговорить на эту тему. Он пригласил меня к себе в комнату. Так я попал в его жилище и впервые смог хорошенько понаблюдать за Санфрателло. Его мне представил Браибанти. Он сидел на стуле; встал, протянул мне руку, что-то пробормотал (кажется, «очень приятно»), снова сел и уже больше не произнес ни слова. Руки он держал на коленях, смотрел почти все время в пол. Мне показалось, что «у него нет взгляда». Чтобы завязать беседу, я сказал, указывая на картины, развешанные в комнате:

«Кто-то из вас рисует». Браибанти ответил, что рисуют и он, и Санфрателло. Тогда я повернулся к нему и сказал:

¹ Во всех материалах следствия мы сохраняем авторское написание, даже когда речь идет об очевидных ошибках или пропущенных словах. (Примеч. авт.)

«Какой вы молодец, что занимаетесь живописью», и еще что-то в том же духе. Санфрателло слегка кивнул головой, но не раскрыл рта. Все мои вопросы и попытки разговаривать его были напрасны. Я спросил его о живописи. Это были общие вопросы, которые я задавал просто так. На них всегда отвечал Браибанти. Я пробыл в комнате минут пятнадцать или двадцать, но мне так и не удалось услышать голоса Санфрателло.

Д. Р.: *Один раз я видел, как Санфрателло шел по коридору в тот конец, где была только уборная. Вскоре по коридору прошел и Браибанти. Это был единственный раз, когда я видел, как кто-то из них идет по направлению к уборной.*

Даль Бон

Застать молодого человека одного было совершенно невозможно. С ним постоянно был Браибанти. Он не терял его из вида, даже когда тот шел в туалет, чтобы удовлетворить свои физиологические нужды. Они почти все время сидели в своей комнате и выходили редко и ненадолго, вечером или ночью. Ревелли рассказал мне, что в те редкие разы, когда Браибанти приходилось выходить одному, он закрывал Санфрателло на ключ. Еще он рассказал, что однажды слышал, как Браибанти кричал на Санфрателло, и потом тот убежал из дома. Казалось, Браибанти был в отчаянии, он позвонил матери Санфрателло во Фьоренцуолу и вышел его искать. Ему удалось отыскать юношу уже глубокой ночью. Он привел его обратно в пансион и грубо, с применением силы, затолкал в комнату.

Пока Ревелли жил в этом пансионе, ему удалось обменяться парой слов с Санфрателло всего один раз и в присутствии Браибанти. Когда тот на несколько минут вышел

из комнаты, Ревелли воспользовался моментом, чтобы лучше поговорить с юношей, который, как казалось, был очень рад с ним пообщаться. Но вернувшийся Браибанти резко прервал этот разговор, и Ревелли уже не смог сказать Санфрателло ни слова. Однажды Ревелли постучал в дверь комнаты, где жили эти двое, рассчитывая зайти и завязать беседу, но, открыв дверь, Браибанти стал в проеме так, чтобы не дать ему войти. Снаружи Ревелли увидел, что Санфрателло сидит на стуле у окна с поникшей головой в такой прострации, что было страшно смотреть. Он спросил у Браибанти, все ли в порядке с юношей, на что тот ответил: «Да, не лезь не в свое дело». Ревелли сказал мне, что однажды другой молодой человек, который часто заходил к Браибанти, попросил разрешение увидеться с Санфрателло, но Браибанти не пустил его на порог, хотя тот был дома».

В этих показаниях можно заметить небольшое смещение акцентов, которое меняет объективные факты. Ревелли говорит: «Один раз я видел, как Санфрателло шел по коридору в тот конец, где была только уборная. Вскоре по коридору прошел и Браибанти. Это был единственный раз, когда я видел, как один из них двоих идет по направлению к уборной». Это «нейтральное» изложение. А вот слова отца Даль Бона (который пересказывает то, что якобы сообщил ему Ревелли): «Он не терял его из вида, даже когда тот шел в туалет, чтобы удовлетворить свои физиологические нужды, потому что шел туда вместе с ним».

И это уже «интерпретация».

Ревелли говорит: «Санфрателло слегка кивнул головой, но не раскрыл рта. Все мои вопросы и старания разговаривать его были напрасны». Даль Бон: «Санфрателло был в такой прострации, что было страшно смотреть».

Ревелли говорит, что зашел в комнату и обменялся парой слов с Санфрателло, а Даль Бон — что Браибанти не дал ему войти. И так далее.

Сила словесного воздействия сработала и в случае с утверждением Ревелли о том, что Санфрателло во время ходьбы смотрел себе под ноги, склонив голову и погружившись в свои мысли.

Этот отрывок позднее будет цитироваться в приговоре, в то время как слова другого свидетеля, который сказал, что «Санфрателло... обычно ходил, смотря прямо перед собой; когда он говорил со мной, то поднимал голову, когда задумывался, опускал», — не были приняты во внимание (показания Джордано Фальцони от 8 июля 1968).

Но после допроса студента Ревелли происходят новые события, и на сцену выходят новые персонажи.

12 октября 1964 года отец подает заявление. Между этой датой и десятым ноября прокуратура Рима, получившая заявление, допросила нескольких человек (семью Санфрателло: Джованни, Ипполито и Агостино, дона Данези, хозяйку пансиона и так далее). Наконец, 10 ноября 1964 года заместитель прокурора Антонио Лояконо открывает процесс против Браибанти «в связи с серьезными фактами принуждения, совершенными в псевдоартистической среде» (здесь вновь появляются негативные коннотации из первого заявления) и инициирует проверки подозреваемых в педерастии, среди которых двое представителей международного художественного сообщества, совсем не «псевдо», с точки зрения представителей цеха. Но «псевдо» артистичность идет в паре с педерастией: расследование изначально базируется на пред-рассудке в этимологическом смысле слова.

За несколько дней до начала процесса, 2 ноября 1964 года, Джованни Санфрателло, которого отец и брат

силой вырвали из его римского убежища¹, поместили в лечебницу «Вилла Роза» в Модене.

Затем, уже во время процесса, а точнее, 12 марта 1965 года, его перевели в психиатрическую больницу в Вероне.

Что происходило с Джованни в этих местах, мы рассмотрим в следующей главе. Но в заявлении его отца уже содержится заметка профессора Россини, директора Виллы Роза. В ней есть кусок, который следует записать на данном этапе нашего сбора языковых фетишей.

Он сообщает, что наблюдал Джованни с марта 1960 года, при этом его экспертиза датирована сентябрем 1964 года. Она приложена к заявлению отца.

В этой экспертизе показано, как из-за «дурного» влияния юноша из любящей семьи, которой каждый мог бы позавидовать, вступил на скользкий путь. Итак, профессор Россини говорит, что Джованни, хотя и был из «здоровой» семьи, вот уже год как вел себя «странно», и так далее. Мы видим противопоставление *странного* поведения и *здоровой* семьи. Но что значит «здоровая»? Морально здоровая? Не врачу судить об этом, и в любом случае это нельзя считать элементом экспертизы. Здоровая физически, в том

¹ Приведем отрывок из записи судебного процесса: «Нам удалось стащить Джованни вниз по лестнице... Пока мы ехали, Джованни все время пытался вырваться и говорил, имея в виду нас и Браибанти: «Четверо на одного» (показания Ипполито Санфрателло от 27 июня 1968); «У Браибанти началась истерика, он кричал: «Джованни, не уходи!» — Я крепко держал Браибанти, и в какой-то момент у него упали очки. В комнате было очень грязно, смотреть было противно. Браибанти кинулся к окну, уронив клетку, и закричал: «На помощь, полиция!» — В комнате я увидел только одну кровать, картины и клетку» (показания Ипполито Санфрателло, кузена Джованни, участвовавшего в похищении, от 28 июня 1968). (Примеч. авт.)

смысле, что никто из ее членов не прикован к постели тяжелой болезнью? Это тоже не может влиять на поведение Джованни. Что же тогда?

Тогда, если мы возьмем в руки медицинскую карту, выданную в той самой больнице тем самым профессором Россини в ноябре 1964 года, то в графе «Семейный анамнез» прочитаем: «Отец... страдает легкой формой диабета... Мать: страдает диабетом и сердечной недостаточностью... Родственники по боковой линии: двое кузенов со стороны матери покончили жизнь самоубийством... туберкулез — сифилис — алкоголизм». Но это ничего не значит: в каждой семье найдется хоть один человек с сердечной недостаточностью, а среди родственников можно найти и более тяжелые случаи. Проблема не в этом. Проблема в том, что врач пишет в своем заключении: «Здоровая семья», но *эти слова ничего не означают*. Ничего, кроме того, что добавляют еще одну положительную коннотацию ко всем, связанным с семьей, коих так много в этом процессе, и противопоставляют «здоровой» семье юношу «с одной стороны, исключенного из обстановки любви и семейных отношений, бывшей ему столь родной и подходящей», и с другой — «из-за стечения обстоятельств и трагических совпадений *павшего жертвой* элементов, которые, следуя своим темным замыслам, *вместо того, чтобы вновь приблизить его и подтолкнуть к возвращению в свой социальный круг* и передать его в руки врачей, хотя бы из чувства долга и солидарности, *полностью разлучили его с семьей* и привычной обстановкой, изолировали от всяких внешних сношений, вызвав неизбежное обострение его аутических наклонностей».

Любопытно, что врач ни на секунду не задумывается над тем, что, когда речь идет о двадцатилетнем юноше, семейная обстановка может и не быть «*подходящей*» для излечения от неврозов.

6. Слова брата

Перейдем к заявлению Агостино Санфрателло, поданному в Римскую прокуратуру 5 марта 1965 года. Процесс уже идет, Джованни переводят в Верону, откуда, — как он уже делал и в Модене, — он будет посылать отчаянные воззвания в разные прокуратуры, чтобы его выслушали и он смог доказать, что не сошел с ума.

В этом новом заявлении семьи Санфрателло поражает то, что она продолжает свой «крестовый поход», когда блудный сын уже вернулся и был помещен в сумасшедший дом.

Агостино придерживается той же тональности и тех же коннотаций, что и отец Джованни и Тоскани. Он рассказывает о своих встречах с Браибанти, о том, как он бежал от его губительной власти, о наивности брата. Об уже известных нам вещах. Однако он совершил ошибку, когда сказал, что «во Фьоренцуоле и окрестностях, где уже знали о его [Браибанти] интересе к молодым юношам, к нему относились с глубочайшим презрением». Непонятно почему, если Браибанти уже имел славу соблазнителя, Тоскани и его брат поехали подвергаться принуждению именно туда, где чуть ли не висела табличка на двери с предупреждением «Опасно». Ни в обвинительной речи, ни в приговоре этой детали не уделили должного внимания; это подтверждает нашу убежденность в том, что в этом процессе воспринимаются исключительно эмоциональные коннотации.

Кстати о них: *«К своей цели он шел постепенно и незаметно и достигал ее, когда ему удавалось сделать разрыв своих жертв с семьей достаточно глубоким. На первом этапе они начинали спорить с отцом и матерью по любому поводу, затем с пренебрежением и нетерпимостью реагировали на каждое их слово и переходили к несक्रываемой*

ненависти и к ним, и к своим братьям и сестрам. Наконец, они начинали видеть в родителях настоящих врагов, преследователей, движимых желанием стереть, раздавить, разрушить всякую индивидуальность своих детей». Пусть так, но эта цитата — не что иное, как точное описание процесса противопоставления себя родительскому авторитету, которое можно встретить в любой серьезной книге по возрастной психологии и которое любой подросток инициирует сам без помощи принудителей. Что же касается последней фразы, в крайнем случае в ней можно увидеть отзвуки, предположим, мифа о Хроносе, неосторожно пересказанного во фрейдистском ключе, предположим, какому-нибудь Санфрателло.

Интересно, что приговор, так часто ссылающийся на литературу по психологии, не учитывает нормальность этой полемики между подростком и семьей (или, отрицая ее, не назначает Браибанти ответственным за все молодежные бунты в мире, включая май 1968 года во Франции).

Но Агостино продолжает (не подозревая, что его имя вызывает в уме ассоциации с комплексом Эдипа, описанным Моравиа¹): *«Я с трудом смог бы поверить в такое полное изменение личности и разрушение привязанностей, которые с детства служили нам опорой, если бы не испытал все это на себе, и, к счастью, не преодолел».*

И опять мы видим обычный подростковый процесс, который запускает школа, католическая ассоциация «Ацционе каттолика», молодые исследователи, студенческие организации или другие случайные посредники.

¹ «Агостино» — роман Альберто Моравиа, написанный в 1944 г. и рассказывающий о подростке, потерявшем отца. Отношения сына и матери отмечены особой привязанностью и глубиной, пока во время летних каникул в Тоскане он вдруг не начинает смотреть на нее другими глазами.

Но в данном контексте, если принять аксиологическую систему за парадигматическую и неизменную, даже обычный человеческий опыт предстает как нечто ужасное и выставляет предполагаемого соблазнителя в зловещем свете.

Дальше: «Если кто-то из жертв интересовался изобразительным искусством, Браибанти легко *перевоплощался в божьего художника* или покровителя искусств и приглашал к себе во Фьоренцуолу посмотреть картины... и так далее». Представление о «преступном замысле» заставляет утверждать, что Браибанти «перевоплощался» в божьего художника, в то время как никто, в том числе сторона обвинения, не отрицал, что он рисовал и вел божью жизнь.

Тут мы видим игру на двух отрицательных коннотациях: божья образ жизни во Фьоренцуоле сегодня порицают из-за его странности. Допустим. Но тогда нельзя порицать того, кто выдает себя за представителя божьи. Или наоборот. Но эту двойную противоречивую коннотацию трудно разглядеть (или ты злодей, или выдаешь себя за злодея, но ты не можешь одновременно *быть злодеем и выдавать себя за злодея*). Агостино хвалит широкие взгляды родителей; они совершенно никого не подавляли и даже «не воспротивились», когда братья решили поступить в семинарию, чтобы стать миссионерами. Дальше он подробно описывает, как Браибанти пытался отдалять молодых людей от семьи. Из этого и других текстов явствует, что Браибанти из любви к майевтике подмечал ростки независимости и недовольства в своих друзьях, а затем пытался выманить бабочек из куколок, попадавших ему под руку в том провинциальном обществе, где он жил. Несомненно, в этом было много искренности, хотя свидетели, в честности которых не приходится сомневаться, утверждают, что особенно в послевоенной Флоренции

эта майевтика Браибанти способствовала рождению истинных интеллектуалов¹.

Возможно, мы имеем дело с человеком, который самоутверждался, пытаясь утвердить других, и нельзя быть уверенными, что иногда он не натыкался на безнадежные случаи. Но говорить, как это делается в приговоре, что перед нами фрустрированный человек, который самоутверждается, подталкивая других к пропасти, это совсем другое, это большая разница. Однако «большую» можно сделать совсем маленькой при помощи слов. Показания Агостино — конкретный пример того, как самые обычные факты можно окутать ореолом магии.

«Он настаивал на том, что “возможно, когда-то семья как единица общества выполняла свою историческую функцию, но сейчас она окончательно устарела”, что *настоящая “глупость” все еще верить в то, что присутствие родителей может иметь конструктивное значение для образования и воспитания детей*». И тут надо знать, применительно к кому ведутся подобные разговоры — к трехлетним детям или молодым людям двадцати лет. В первом случае еще можно поспорить (но спорить не аморально, и люди спорят со времен Спарты), но во втором — слова Браибанти полностью совпадают с уже признанным современной социологией фактом (а также той самой католической педагогикой, которая, начиная с обучения

¹ См. показания Валентино Орсини (от 8 июля 1968), а также других деятелей культуры, которые приводятся в приложении к цитируемому выше тому. Но искренность видна и в показаниях Браибанти: он говорит совершенно открыто и доверительно, не задумываясь об эмоциональной нагрузке его культурных цитат и анализа его представлений о сексе и семье, для которых лучше было бы иметь аудиторию без предрассудков и настроенную анализировать идеи, а не воспринимать их как указание на факты личной биографии. (Примеч. авт.)

аспирантов, дополняет полученное дома образование, а часто и противоречит ему, чтобы подтолкнуть студента к более глобальным мыслям и часто полемичным выводам). Как бы то ни было, и здесь возникает отрицательная коннотация, которую можно описать как *«речь против семьи»*.

Таким же образом антицерковные, без всякого сомнения, высказывания Браибанти о «попах» (отметим этот уничижительный термин, который в показаниях стоит в кавычках и приписывается Браибанти) и о недостатках религиозного воспитания в этом контексте становятся оскорблением религии. То, что Агостино слушал эти разговоры с удовольствием, подтверждается тем, что он ясно их помнит. Однако ясной была только его память, раз он утверждает: *«...действительно, я уже полностью психологически зависел от него»*. К счастью, он идет в армию, и там сможет хорошенько обо всем подумать. Более того, он сам подает запрос, чтобы уйти в армию пораньше, что означает: *«не дававшие покоя действия»* Браибанти по отношению к нему не были такими уж всемогущими. В общем, Агостино посылает запросы в военкомат, Тоскани слышит колокольный звон — все в состоянии избежать принуждения. А вот Джованни не удалось, говорится на процессе, но ведь посадив его в сумасшедший дом, ему даже не дали времени понять, хотел ли он оставаться с Браибанти или нет.

Затем Агостино рассказывает о несчастьях брата, который явно испытал на себе принуждение, поскольку Агостино считает (и это авторитетно подтверждается в приговоре почти теми же самыми словами), *«что Браибанти мог использовать свои несомненные (хоть и редко демонстрируемые) относительные познания в области нездоровых психических состояний»*. Не будем задаваться вопросом о том, как могут быть *несомненными относительные познания*: выражение *«нездоровые психические состояния»* переклюкает все внимание на себя. Это магические слова.

И «магические» здесь не фигура речи. Здесь на сцену выходит магия и остается на сцене до конца. Прочитаем следующий отрывок:

«Некоторые происшествия заставили меня задуматься, не обладал ли Браибанти *навыками гипноза*. Не знаю, можно ли исключать такую возможность. Мы нередко говорили *о гипнозе*, но очень вскользь, однако он был *чрезвычайно осведомлен* и ссылался на определенные издания по гипнозу, *которые у него были*. Также нельзя исключать, что Браибанти *общался с людьми, умевшими гипнотизировать*. Я совершенно точно помню, что по крайней мере один раз он отвел Джованни к «*медиуму*». Сам Джованни упоминал об этом. И то небольшое, что Джованни об этом рассказывал, ясно показывало, что этот визит произвел на него глубокое впечатление. Другие факты заставили меня задаться еще более серьезным вопросом: а что если Браибанти *использовал свои точные научные знания о нездоровых психических состояниях, чтобы стимулировать их проявления в нас*, то есть использовал их как способ *подчинить себе свои жертвы*. В культурном багаже Браибанти была целая область, которую он, казалось, никогда не использовал. Лишь иногда, по тем редким прямым упоминаниям, которые делал он сам, можно было догадаться о ее существовании. И она относилась как раз к *нездоровым психическим состояниям*. Я точно помню, что у него было много книг по этой теме. Еще я помню, что он знал их содержание, *систематично читал и изучал их*. Иногда он в *малейших подробностях* рассказывал нам об особенно «интересных» случаях и всегда говорил, что почерпнул их из книг, *которые читал в те дни*».

Между медиумом (который проводит спиритические эксперименты) и гипнозом нет ничего общего. Однако, как явствует из приговора, это соединение здесь прекрасно сработало. К тому же мы видим, что автор навязчиво повторяет выражение «нездоровые психические состояния». Мы видим эту общую атмосферу подозрений в колдовстве, атмосферу кабинета доктора Калигари¹. На первый взгляд текст кажется совершенно невероятным. Но ему не просто поверили — он упрочил версию о принуждении.

Зерно заронено. Слова записаны. С этого момента этот судебный процесс будет основываться на магических словах.

7. Слова прокурора

Их первый образец мы видим в письме, которое заместитель прокурора Лояконо направил прокурору Вероны относительно заявления Джованни с просьбой о том, чтобы его выслушали в психиатрической клинике, где он находился. В нем Лояконо так описывает это дело: «Согласно обвинениям и первым собранным доказательствам, Браибанти достигал своих целей, *настраивая молодых людей против их родителей, разрушая моральные принципы и основополагающие человеческие стремления, навязывая им идеи материалистического толка под маской антиконформизма и поиска свободы и абсолютного совершенства*».

Перечитаем этот текст, обращая внимание на каждое слово:

¹ «Кабинет доктора Калигари» (1920) — остросюжетный немой немецкий фильм, передающий на экране измененные состояния человеческого сознания.

— *Согласно обвинениям и первым собранным доказательствам*: из документов следствия оказывается, что доказательства — это устные показания всяких тоскани, профессоров россини и так далее.

— *настраивая*: не «убеждая в чем-либо» или «уговаривая». Настраивать изначально не может не быть дурным поступком.

— *против их родителей*: механизм коннотативного влияния запущен, и прокурор уже не может ему не поддаться.

— *моральные принципы и основополагающие человеческие чувства*: они взяты как парадигма, которую невозможно подвергнуть критике, кроме как в «разрушительном» смысле (еще одна отрицательная коннотация).

— *навязывая им*: навязать можно только дурные идеи. Если идеи положительные, то их не навязывают, с их помощью «просвещают».

— *материалистического толка*: отрицательная коннотация слова «толк» в подобном употреблении.

— *под маской антиконформизма*: помните фразу Агостино («перевоплощался в»)? Перед нами тот же самый порочный круг. Потому что либо противостоять общепринятым моральным принципам и основополагающим человеческим стремлениям плохо, и тогда идеи Браибанти действительно были антиконформистскими и ему нельзя вменить в вину никакую маскировку, или же идеи материалистического толка не являются антиконформистскими (и их даже приходится маскировать, чтобы выдать за таковые), и тогда они не противоречат общепринятым моральным принципам. Либо в такой формулировке скрывается еще один любопытный психологический феномен. С одной стороны, прокурор питает некоторое уважение к антиконформизму как к символу статуса (закрепленному средствами массовой информации более высокого

уровня, после чего термин «конформист» приобрел отрицательную окраску), но на бессознательном уровне он отталкивает все то, что идет вразрез с общественным мнением. И здесь у автора письма возникает эмоциональное противоречие: с одной стороны, ему надо заклеить нечто как вражеское, поскольку это нечто странное, но в то же время ему не удастся избавиться от представления о том, что образованный человек не принимает «странное» в штучки. Прокурор Лояконо это не Ипполит Санфрателло или Пьер Карло Тоскани, он интеллигент. С точки зрения культуры он уважает право на эксцентричность, но с моральной чувствует, что обязан воспротивиться чему-то *инаковому*, отвергнуть его. Тогда он решает заклеить *инаковое*, потому что оно иное, но он клеймит его как что-то, что маскируется под *инаковое* и даже не имеет снобистских притязаний на то, чтобы быть *инаковым*. Он неосознанно использует два риторических аргумента (известных как *топос количества* и *топос качества*)¹, первым пытаясь убедить воображаемого представителя мелкобуржуазного общества, а вторым — представителя аристократии и носителя более высокой культуры. На самом деле, вероятно, он пытается убедить самого себя. Но из этого получается риторическое чудовище, которое кусает само себя за хвост. Это противоречие — показатель беспокойной совести, причем не автора этого краткого бюрократического послания, а целого общества, разрывающегося между разными системами ценностей

1 См. Перельман-Тытека, «Трактат по аргументации», Турин, изд-во «Эйнауди», 1967. Топос количества — это риторический аргумент, которым доказывается ценность чего-либо, исходя из того, что так делают все; а топос качества работает в обратном направлении: нечто ценно, так как это делают совсем не многие. (Примеч. авт.)

и не желающего признать это противоречие. *Так слова покрывают противоречие.*

* * *

Прокурор допросил Джованни 19 октября 1964 года. В параграфе, посвященном его психиатрическому лечению, мы рассмотрим этот допрос, который свидетельствует о его бесспорном интеллектуальном равновесии. Десять дней спустя родные Джованни забрали его из римского дома и заперли в лечебнице. С этого времени допросы продолжаются еще два года, но Джованни стал Железной Маской. Его больше нет. О нем говорят во время следствия, но сам он не говорит.

9 ноября 1964 года, через неделю после допроса, Джованни подает ходатайство в прокуратуру Модены и просит, чтобы его выслушали судьи, а не врачи для сумасшедших. Моденская прокуратура пересылает запрос в Рим. Римская прокуратура отвечает 17 ноября письмом, которое мы рассмотрели, запрашивая психиатрическую экспертизу. Экспертиза приходит, ее получение протоколируется, Джованни никто не слушает.

19 мая 1965 года Джованни, уже будучи в сумасшедшем доме в Вероне, посылает еще одно прошение, чтобы ему разрешили связаться с друзьями и адвокатами. Верона пересылает его в Рим. А из Рима 25 мая 1965 года отвечают теми же самыми словами, что и в предыдущем письме (*«идеи материалистического толка под маской антиконформизма» и т. д.*). В результате 5 июня 1965 года Веронская прокуратура сообщает дирекции клиники, что запрос пациента Джованни Санфрателло не может быть исполнен, поскольку «в данный момент ведется расследование, касательно жизни и поведения вышеуказанного Санфрателло в период, предшествующий госпитализации». Джованни не может общаться даже с адвокатом.

8. Слова врачей

Медицина выступает на процессе дважды. Сначала профессор Россини посылает в римскую прокуратуру свое заключение касательно пребывания Джованни в лечебнице Вилла Роза в Модене (с ноября 1964 года по март 1965-го), потом профессор Трабукки, директор психиатрической больницы Вероны, посылает в ту же прокуратуру заключение о пребывании того же Джованни в стационаре с марта по декабрь 1965 года.

Экспертиза Россини (в которой содержится уже приведенный семейный анамнез и другие клинические данные) показывает, в каком состоянии находился юноша сразу же после того, как попал в сумасшедший дом, и как несвязно он отвечал на вопросы о своих мыслях и чувствах. Поскольку это дознание было проведено в ноябре 64-го, у нас есть великолепная возможность сравнить его с показаниями, которые Джованни дал прокуратуре Рима ровно за месяц до этого (19 октября 1964 года). В документе прокуратуры (который производит впечатление достоверной записи допроса, проведенного, по всей видимости, с уважением к нему) приводятся слова, которые произносил сам Санфрателло перед представителем правосудия, считая его гарантом собственной свободы. А документ профессора Россини — своими словами записанный допрос человека, которого бросили в психиатрическую лечебницу и считают сумасшедшим. Ниже мы приводим оба текста. В комментариях они не нуждаются.

Санфрателло — прокуратуре

Я живу свободно и в состоянии принимать самостоятельные решения, я сам выбрал свою дорогу, и я в ней уверен. Я работаю художником. Занимаюсь преимущественно графикой — чем-то средним между абстрактным

и классическим изобразительным искусством. Мне удается продавать эти рисунки через друзей...

Действительно, у меня серьезные разногласия с семьей, но это не значит, что я никогда не пишу родителям и я не получаю от них писем. Глубокая религиозность моей семьи граничит с фанатизмом.

К тому же мои родственники отличаются нетерпимостью и не в состоянии понять, что каждый сам должен выбирать свой путь, следуя своим природным наклонностям. У меня не было способностей к архитектуре. Она недостаточно меня интересовала, и поэтому мне не удавалось хорошо и усердно учиться, в том смысле, что мне было неинтересно учиться. Уже начиная с лицея я постепенно стал все больше увлекаться рисованием.

Когда я сказал, что мои родители религиозны до фанатизма, я имел в виду, что они всегда препятствовали мне устанавливать контакты с внешним миром через книги и других людей, а также узнавать об идеях и образе жизни, отличном от их собственного. Например, они запрещали мне читать «Микки-Мауса» и другие комиксы, которые издавались нецерковными учреждениями, а ведь я тогда был еще совсем ребенком. Когда я вырос, мне запрещали и часто не давали читать классиков: например, некоторые сочинения Толстого, Достоевского, Нитше и других писателей. [Сохранено написание протокола]

Доктор Браибанти помог мне справиться с трудностями, особенно в начале. Вместе с другими друзьями, которые тоже мне помогали. Например, художник Буссотти поддержал меня деньгами.

Я прекрасно осознаю ценность жизни и то, как важно жить. Хоть я и не религиозен, но думаю, в том, что касается этого, у меня религиозное понимание жизни. То есть я считаю, что в самом понимании и ощущении огромного значения такого явления, как «жизнь», может быть

глубокое восхищение и чувство причастности к главным явлениям природы. Поэтому мой безоговорочный атеизм не только не отрицает все сущее, но утверждает его в его реальном, настоящем и эволюционном значении.

Ни я, ни доктор Браибанти не извращенцы. Я исключаю, что доктор Браибанти может являться таковым. Мне нравятся женщины.

В политическом плане я, безусловно, марксист, хотя я и не полностью разделяю практические методы правления, которые осуществляют те, кто причисляет себя к марксистам. При этом я с уважением отношусь к другим демократическим системам и не исключаю, что они тоже могут дать превосходные результаты. Хотя сам я убежден, что лучший способ добиться таких результатов — это марксизм.

Я, вне всякого сомнения, свободен и автономен со всех точек зрения. Я живу достойно, хоть и не богато. Мне есть на что жить и содержать самого себя. Я продаю картины, помогаю Браибанти в его работе писателя и журналиста (он работает с RAI, разными журналами и т. д.)

Я часто хожу куда-то один. Еще к нам часто приходят друзья; мы говорим о том, что нас волнует.

Иногда я встречаюсь с отцом, иногда с матерью. Но я не собираюсь возвращаться к ним. Это означало бы отказать от всякой свободы. После того, что случилось, я не чувствую никакого желания жить с ними в одном доме, в той среде.

Подписано:

Джованни Санфрателло

Санфрателло в сумасшедшем доме

При осмотре пациента врач отметил его ухудшившееся общее состояние. Он кажется *растерянным, неуверенным, беспокойным*. Во время беседы было выявлено тревожно-депрессивное состояние, которое объясняется

необычной жизненной ситуацией, сложившейся в последние месяцы. Пациент заявляет, что ушел из родительского дома, потому что чувствовал внутри себя «как будто новый мир, непохожий на обычный». Мыслительный процесс *монотонный, поверхностный*, затрагивает одни и те же темы; *логические связи слабые*.

Пациент агрессивно настроен по отношению к отцу. В основном он упрекает его, например, в том, что тот не дает ему читать книги, которые он хочет, и не предупреждает, перед тем как приехать его навестить. На такие банальные темы пациент реагирует резко, агрессивно, впадает в сильное беспокойство. Свое плохое физическое состояние объясняет неправильным питанием и тем, что не признает «общепринятый образ жизни». Во время первых бесед пациент проявлял видимое беспокойство, волновался, не мог принять стабильное положение, ерзал на стуле, у него заметно тряслись руки. Он занимал категорически антагонистическую позицию, протестовал против госпитализации, проявлял враждебность по отношению ко всем членам своей семьи...

Проводит большую часть дня за чтением газет, лежит на кровати в одежде на протяжении многих часов с равнодушным видом, общается с персоналом только в случае необходимости. «Его мир»: поскольку пациент упорно продолжает заявлять, что имеет четкое представление о жизни, ему задают вопросы по этой теме. Он сразу же впадает в противоречия, инфантилизм, неуверенность, заявляет, что выступает против семьи, религии, общества в его настоящем виде, затем говорит, что хочет построить свою собственную семью, распространять свои взгляды (какие, он не знает) через художественное самовыражение, создать новое общество. Выказывает чрезвычайно слабые познания даже в тех политических теориях, которые, по его утверждению, сам исповедует;

имеет по их поводу смутные, бессвязные, алогичные представления. Противник религии, так как «это мир его родителей». Его речь всегда монотонна, доминирующая тема — контраст между «его миром» и миром его родителей и братьев. Враждебность к последним дошла до того, что он уже давно даже не читает писем, которые те ему пишут. Утверждает, что его семья всегда чинила ему препятствия, связывала его, подавляла. На возражения, что отправить молодого человека, только что закончившего лицей, учиться в такой город, как Милан, совершенно свободно, на факультете архитектуры, не кажется проявлением близоруких представлений о воспитании у его родителей, отвечает, что факультет ему не нравился.

6 ноября 1964 года — Во время беседы пациенту сообщают о визите матери. Его охватывает негодование, он заявляет, что не хочет ее видеть, а если ее все-таки пустят, сразу же ее прогонит. Его успокаивают, говоря, что ему не причинят никакого вреда. Тогда он соглашается познакомиться с мамой. На встрече с ней он с самого начала занимает враждебную, нетерпимую, агрессивную позицию, отстраняется на вербальном уровне, обвиняет ее в том, что его лишают свободы в собственных желаниях и интересах, яростно отстаивает свои взгляды на семью. Спустя примерно четверть часа по причине сугубо отрицательного и враждебного отношения пациента к матери встреча прерывается. После того, как мать уходит, пациент заявляет, что больше категорически не желает никаким образом общаться ни с кем из членов своей семьи.

7 ноября 1964 года — Наркотест. Вновь возникают те же самые темы: нарушение привязанностей, фиксация на друге и отрицание семейных отношений, отрицание принятых социальных норм, недостаточные познания в области политических и философских теорий (утверждает,

что знаком с философией Платона и восхищается им, но не все его идеи разделяет).

10 ноября 1964 года — Жалуется на плохой сон. Подходит к другим пациентам, но часто уклоняется от разговора, часто требует уединения, чтобы читать. В целом почти не принимает участие в жизни отделения.

11 ноября 1964 года — Все еще в изоляции, на предложение что-нибудь нарисовать реагирует жестким отказом и проявляет явное беспокойство.

13 ноября 1964 года — Проводит большую часть времени в своей комнате, листая газеты, равнодушен, все еще очень мало общается с другими пациентами.

15 ноября 1964 года — На просьбу описать на бумаге самые важные этапы своей жизни сначала реагирует довольно заинтересованно. Сразу же пишет несколько строк, но потом останавливается и проводит остаток дня лежа в постели и за чтением газет. С другими пациентами в отделении по-прежнему почти не контактирует.

17 ноября 1964 года — На очередном допросе пациент замкнут в себе, приводит бессмысленные доводы, лишённые логики. Затрагивается тема эмоциональной связи с римским другом, отрывки из литературных произведений которого допрашивающие успели прочитать. Ведется разговор о сексе, понятиях семьи и общества, которые затрагиваются автором, любые попытки критики которого сначала провоцируют уход пациента в себя и враждебность, а затем, когда ему зачитываются конкретные абзацы, где защищается или превозносится гомосексуальность, или утверждается бессодержательность традиционного понимания семьи, пациент отказывается от диалога и ведет себя, как ребенок, утверждая, что ему никогда не приходилось говорить на подобные темы с римским другом. Пациент отклоняет все предложения критически рассмотреть ситуацию, в которую он попал,

и свои очень близкие личные отношения с другом, а также незаслуженно враждебное отношение к своей семье.

Аргументы, которые он приводит в защиту своего поведения, всегда монотонны, стереотипны, лишены логической стройности. Он похож на ребенка, повторяющего заученные наизусть фразы. Налицо процесс самоидентификации с римским другом, у которого он перенял модели, формы и виды поведения. Пациент старается уклониться от ответа, когда его просят рассказать о фактах его биографии (о которых его собеседникам известно в точности непосредственно от самих родственников), иногда искажает факты, содержание и значение некоторых происшествий в его личной жизни; когда же ему предъявляют объективную картину дел и фактов, обнаруживая его ложь, проявляет слабую эмоциональную реакцию. *Как обычно, пациент агрессивен по отношению к родным, чья забота всегда интерпретируется им как попытки преследования и ограничения его свободы.*

Сразу же после этого он без затруднения описывает свою жизнь в Риме с другом, проходившую практически в полной изоляции в комнате пансиона при чрезвычайно редком общении с внешним миром. *В какой-то момент он даже начинает обвинять своих родных в том, что они в поисках его и его друга привлекли монастыри и семинарии Рима и ясно давали понять, что он безумен.* При личном общении с пациентом всегда возникает ощущение, что он полностью эмоционально отгорожен от окружающего мира, ощущение полной бесплодности его внутреннего мира, изоляции от проблем, общих для всех молодых людей его возраста в наши дни, *у него нет стремлений, нет планов на будущее.* Кажется, что и его склонность к искусству не проживается во всей полноте, а выражается лишь в поверхностном увлечении, которое не поддерживается трудом и настоящей страстью. В его жестах,

мимике всегда есть что-то манерное и неестественное. Он никогда не проявляет спонтанности, потребности в разговоре или эмоциональной связи.

18 ноября 1964 года — Во время беседы пациенту показывают несколько его рисунков. *Он называет их «своими первыми каракулями» и признает их низкую художественную ценность. В то же время заявляет, что это его первые попытки заняться искусством.* Затем пациент отказывается уточнить свое мнение по тому же вопросу. Уходит в себя, кажется неуверенным, не знает, как вести себя с другими пациентами. В беседах принимали участие коллегиально и индивидуально следующие врачи:

Профессор Ромоло Россини — Директор клиники нервных и психических болезней Моденского университета;

Профессор Андреа Мари — Директор психиатрической больницы «Ронкати» города Болонья;

Профессор Роберто Реджани — Директор открытых отделений психиатрической больницы города Реджо Эмилия.

На нормального человека этот документ «судебной медицины» наводит ужас. Потому что мы прочитали, что думал Джованни, когда был на свободе. Сравнивая его слова с тем, что записал врач, мы видим, что Джованни фактически повторял все то же самое, но испуганно, как будто защищаясь, как американский моряк, задержанный Вьетконгом, который снова и снова повторяет свое имя и личный номер, согласно Женевской конвенции. Отметим, что для неподготовленного читателя все врачебные замечания кажутся аргументами для постановки диагноза и признаками бесспорной болезни. Те же, кто прочел показания, полученные прокуратурой, могут вычесть из слов врача их коннотации и, зная, каким образом Джованни попал в сумасшедший дом, связать их с конкретными

обстоятельствами, которые придают словам другой смысл. Но как не поддаться авторитету медика, который говорит «доводы, лишённые логики»? Они кажутся научным диагнозом. Какова же парадигма логической стройности? Ответ в тексте, написанном врачом: это общепринятое понимание семьи и общественных отношений.

В диагнозе врач пишет так: Санфрателло настолько болен, что «даже» обвиняет родных в том, что те выслеживали его («и ясно давали понять, что он безумен»). Насколько нам известно из показаний отца Даль Бона и Ревелли, а также из протоколов римского полицейского участка, его действительно *выслеживали*, а значит, он не был *безумен*. Но есть ещё одна причина, по которой отчет Россини не кажется убедительным. Она содержится в том самом начальном анамнезе, который предоставил столько материала для дальнейших дискуссий. Этот текст изобилует интереснейшими словами. Например:

— постоянная характеристика этого периода — все время нарастающая агрессия, чередующаяся с потерянностью и ужасом;

— глубочайшее чувство страха;

— физическое состояние стало вызывать озабоченность; ходил в грязи, в лохмотьях, подолгу замыкался в себе, не произнося ни слова;

— снова мутизм, нетерпимость; отказывается от контактов с родными без объяснения причин и в агрессивной форме;

— рисует (линии, пятна, часто змеевидные фигуры; фигуры людей в виде белых полупрозрачных червей)...

Читающий эти строки думает, что перед ним дневник клинических записей. Все термины *научные*. И тем не менее кажется, что они нам знакомы, мы их уже читали. Ну конечно. Как честно предупреждает нас профессор Россини, «анамнез восстанавливается по словам отца и братьев».

Mirabile dictu¹. Это все те же слова из самых первых документов! За исключением того, что в силу своей профессиональной подготовки врач придал им более научный вид (см. технику описания рисунков, которая делает отвратительным даже Кандинского). Теперь приговор выносит не мораль, а наука. НАУКА. Кто осмелится с ней спорить? Действительно, профессор Трабукки год спустя в своем веронском анамнезе повторяет ту же фразу, вновь пишет о змеевидных червяках, приводит слова отца и братьев и вновь отправляет все это в прокуратуру как новое научное доказательство принуждения. В его отчете, с нашей точки зрения, есть всего одно важное отличие от предыдущей экспертизы. В нем проясняются коммуникационные обстоятельства, при которых пациенту пришлось сформулировать те ответы, которые записали врачи. Вот этот текст:

«В беседах с врачами центральное место всегда отводилось следующей теме: вы больны, нормальный человек не скатывается до жизни впроголодь, как бродяга или раб, не бросает без всякой на то причины учебу и не отказывается от нормальной общественной жизни. Все это, вкупе с потерей веса, фотографиями словно из Бухенвальда и попаданием в полицейский участок доказывает, что на вас оказывал влияние патогенный агент».

Да будет позволено среднестатистическому читателю изумиться перед лицом «доказательства», согласно которому, если кто-то попал в участок, значит, на него повлиял патогенный агент.

В том же документе содержатся уже ставшие знаменитыми предписания, которые Джованни должен был

¹ Невероятно (лат.).

выполнять после освобождения («Не читать книг, которым меньше 100 лет, за исключением учебной литературы и тех, что рекомендованы профессором Петро»¹) и медицинская карта с дневником, описывающим период с марта 1965 года по февраль 1966 года. В нем больной все еще «осторожен, недоверчив и испуган, он раздражен, напускает на себя вид незаконно осужденного» (вот именно!). Загадочная пометка гласит «пытался отправить за пределы больницы письма» (вспомним попытки Джованни связаться с адвокатом). Наконец, «не скрывает потребности в сексе и признает, что часто занимается мастурбацией» (поскольку вот уже два года заперт в сумасшедшем доме). При реконструировании предшествующих процессу фактов, опять-таки на основе показаний родственников Джованни, на десяти строках целых три раза встречается слово «странный». Браибанти «*странный*», жизнь во Флоренции была затворнической и «*странной*», в Риме он участвовал в «*странных*» делах. Тот, кто «*странный*», — враг. И чтобы сделать его нормальным, его превращают в сумасшедшего.

9. Слова сами по себе

Пока прокуратура допрашивает, а психиатры лечат, полиция расследует. На фоне всех этих текстов протоколы оперативно-розыскной деятельности выглядят наиболее достойно. Карабинер и агент полиции придерживаются нейтрального стиля, в котором даже такие отрицательно окрашенные слова, как «индивидуум», сохраняют свою ледяную бюрократичность.

¹ Исключительно для расширения своего кругозора автор этих строк с интересом ознакомился бы с библиографией профессора Петро. (Примеч. авт.)

Но в процессе, которым правят слова, даже простой перечень предметов может получить фантастическую эмоциональную окраску. По этой причине нам кажется необходимым привести здесь протокол обыска комнаты в римском пансионе.

Если рассматривать его как литературное произведение, образец нарратива взгляда или авангардистского перечисления в его предметной зацикленности, то в этом отрывке можно увидеть много общего с предпоследней главой «Улисса», где приводится перечень предметов, находящихся на кухне-микрокосме Леопольда Блума. Но если там и в других текстах предметы низводятся на одинаково незначительный уровень, то здесь холодный список, вдруг выхватывая пучком света мелкие детали частной жизни, сообщает этим предметам *большую важность*. Муравьи, коллажи, шила, щипцы, ножницы, скипидар и сковородки начинают казаться садистским инструментарием зловещей Wunderkammer¹. Вот этот текст:

*Комиссариат государственной безопасности —
Триви*

21 ноября 1964 года мы, нижеподписавшиеся, служащие Г. С. Форасасси Франческо и Торриче Джованни, бригады Г. С. при участии ефрейтора Г. С. Сантавенере Гуидо, каковой, как и мы, относится к комиссариату Г. С. Триви, провели обыск комнаты, занимаемой Браибанти Альдо и Санфрателло Джованни по адресу: виа Монтекатини дом 5, Рим, пансион Дзуанелли, квартира 3, а также личный обыск самого Браибанти, действуя в обоих случаях на основании распоряжения суда. На месте нами был обнаружен Браибанти, которому мы представились, предъявили ордер, и в его присутствии перешли к досмотру, попросив

¹ Кабинет редкостей (нем.).

его указать, что в комнате принадлежит ему, а что Санфрателло. Размеры помещения составляют около 6 на 3,5 метра. На правой стене по отношению к двери висят 29 картин, известных под названием «Коллажи» (инсталляции и конструкции, собранные из самых необычных предметов, таких как куски стекла, пружины от кресел, шурупы, болты и т. д.), принадлежащие Браибанти. Полка с шестью разделителями, на которой стоит стакан, 13 кисточек, акварельные краски, трафарет, угольник, флакон с фиксативом для пастели, тушь, баночка для темперных красок. Под указанной полкой стоит стол размером 90 на 60 см, без ящика, указанный как рабочий стол Санфрателло, на котором находилось 12 пузырьков с тушью разных цветов, держатель для перьев и рейсфедеры. Помимо этого стола у той же стены стоит раскладушка с сеткой, матрасом, постельным бельем и одеялом, где, как утверждает Браибанти, спит он сам. За кроватью находится еще один стол, такой же, как первый. На нем стоит пишущая машинка, настольная лампа, пробойник, отвертка, напильники, клещи, ножницы, чернильница, транзисторный радиоприемник. Над этим столом, за которым работает Браибанти, висит маленькая полка. На ней лежит папка с 11 (одинадцатью) кредитными поручениями Торгового банка Италии от компании RAI на денежные суммы от 20 000 до 40 000 лир, уже взысканными. Одно из указанных поручений изымается как образец для передачи суду. Папка также содержит 3 пачки писчей бумаги для печатной машинки. Рядом с полкой имеется клетка с двумя попугаями. За этим вторым столом стоит шкафчик, содержащий 6 пар обуви в хорошем состоянии, из которых 3 принадлежат Санфрателло. На шкафчике имеется папка с другими кредитными поручениями и муравейник, покрытый стеклом, с большим черным муравьем, который, как утверждает Браибанти, является царицей муравьев-жнецов; за шкафчиком стоит

стул. На фронтальной стене, в которой имеется окно, висит 7 картин типа «коллаж», керамическое и бронзовое изделия, которые Браибанти называет своими собственными. У стены располагается комод, на котором лежат 333 книги по литературе, поэзии, философии, психологии, истории, религии, антропологии; они представляют собой учебники для учащихся старших классов. В первом ящике комода хранятся предметы обычного обихода, такие как бритвенные принадлежности, кремы и щетки для обуви, лекарства для глаз, стиральные порошки и т. д. Во втором ящике содержатся нижеперечисленные продукты питания: две пачки крекеров «Павези», четыре плитки молочного шоколада, половина панфорте, полпачки риса, жестяная банка с подсолнечным маслом, банка с сахаром, банка с солью, коробочка кускового сахара, полбанки меда, пакет, содержащий около 500 г карамельных конфет, пачку с шестью бульонными кубиками и различные упаковки кофезаменителей. Относительно этих продуктов Браибанти утверждает, что они не использовались с момента отъезда Санфрателло. В третьем ящике обнаружены кастрюли, сковороды, столовые приборы и тарелки (на две персоны). За комодом стоит вешалка с тремя плащами, тремя рубашками и галстуками; все они в хорошем состоянии и принадлежат Браибанти. Под вешалкой — табуретка с 28 картонными и фанерными листами для картин, 182 законченными рисунками и 306 законченными рисунками и живописными работами разного формата на бумаге, картоне и фанере, сделанными акварелью, темперой и тушью, некоторые из которых, но очень мало, представляют собой коллажи. Браибанти утверждает, что все, лежащее на вышеуказанной табуретке, принадлежит Санфрателло. Насколько мы можем оценить, вышеуказанные законченные работы имеют хорошее качество и, на наш взгляд, могут быть определены как графическое искусство абстрактного

типа. На левой боковой стене имеется 3 рисунка и 4 коллажа; те и другие принадлежат Санфрателло. В «этажере», расположенном в углу с фронтальной стеной, обнаружены книги количеством 106 штук такой же направленности, как и те, что на комодe. Они также являются собственностью Браибанти. Кроме того, обнаружены бутылочки со спиртом, скипидаром и жидкостями для рисунка, коробка с камнями разной формы и размера, мел и различные материалы для рисования, коробка с приборами для создания коллажей (инструментами), пакет с кормом для птиц, еще одна коробка с камнями и еще одна с керамикой, папка с картоном для рисования. Браибанти уточнил, что приборы для «коллажей» — его собственность, тогда как материалы для рисования — совместная собственность его и Санфрателло. Рядом с этажером располагается платяной шкаф с двумя отделениями, содержащий: 8 пиджаков и 12 пар штанов. Все в хорошем состоянии. Браибанти уточнил, что 5 пиджаков и 7 пар штанов принадлежат Санфрателло. В другом отделении с двумя полками обнаружено: на первой полке множество предметов нижнего белья и чистые рубашки в хорошем состоянии, принадлежащие Браибанти и Санфрателло. На второй полке, то есть на дальней, — грязные предметы нижнего белья, принадлежащие обоим. В шкафу висят 15 галстуков в хорошем состоянии, принадлежащих обоим. Кроме того, в шкафу имеется маленький чемоданчик, в котором после осмотра обнаружены следующие предметы: 13 кредитных поручений вышеуказанного типа, множество текстов новостей на различные темы, переданных компанией RAI в разные промежутки времени между 1962 и 1964 гг., а также несколько рецензий. Две рукописные тетради, две рукописи, записанные Санфрателло под диктовку Браибанти, содержание которых не установлено. Одно письмо без конверта, подписанное «Флоренция, 27.02.1964». Один конверт

без письма, адресованный Синьору Гульельмо Мильорини, почтовый ящик № 9 — Марина ди Масса. Обе тетради, обе рукописи, письмо и конверт были изъяты для предъявления суду. На шкафу обнаружен пустой чемодан, две картонные коробки с лоскутами и веревками, птичья клетка, газовая печь, еще один чемодан с популярными журналами, такими как «Эпока», «Ле релиджони», «РАИ ТВ». И еще один чемодан со школьными учебниками, которые, как утверждает Браибанти, он получил от некоего Витторио Ферми, проживающего во Фьоренцуоле д'Арда и в данный момент служащего на Сицилии. На стуле, стоящем посередине комнаты, лежат два теплых пальто. Одно в хорошем состоянии и принадлежит Браибанти, второе, с немного потертыми рукавами, принадлежит Санфрателло. Под этими пальто обнаружен пиджак в хорошем состоянии, принадлежащий Санфрателло, из внутреннего кармана которого был изъят его же кошелек, содержащий 11 000 лир, удостоверение личности № 18948326, выданное Санфрателло мэрией Рима 9 апреля 1963 года, а также принадлежащее ему же избирательное свидетельство и три железнодорожных билета: Рим — Флоренция, Флоренция — Пиза, Флоренция — Рим. Билеты изымаются. За платяным шкафом на стене висит полка с 52 книгами художественной литературы. Браибанти утверждает, что некоторые из них принадлежат Санфрателло. Под этой полкой стоит раскладушка с матрасом, простынями и одеялами, которая, по утверждению Браибанти, является кроватью Санфрателло. Уточняем, что кровати обращены друг к другу. За раскладушкой еще одна полка с 15 тюбиками масляной краски и баночками для темперы, принадлежащими Санфрателло, а также маленький микроскоп, принадлежащий Браибанти. Между этой последней кроватью и задней стеной стоит маленький стол с газовой плиткой. Дальше, то есть вплотную к стене, стоит сундук с шестью пустыми

муравейниками с аренами из керамики и дерева. Над ним еще один сундук меньшего размера с двумя пакетами различных материалов для «коллажей». Над ним — популярные газеты, журналы и «коллажи» из картона, законченные и незаконченные; все вышеперечисленное принадлежит Браибанти. В глубине стены висит «коллаж» работы Браибанти и один рисунок работы Санфрателло. Две полки, одна с 77, другая с 35 книгами. Эти издания также относятся к науке, философии, истории и художественной литературе. Браибанти заявляет, что за исключением нескольких томов — трех или четырех, — все книги его. В этой части стены располагается дверь и установлена раковина. В дверном проеме прибит вешалка с курткой, одним легким и одним плотным плащом, принадлежащим Санфрателло, а также рабочий халат Браибанти, сильно испачканный краской. Сообщаем также, что по окончании обыска комнаты мы перешли к обыску самого Браибанти. При обыске нами был обнаружен кошелек с 46 000 лир, удостоверение личности, водительские права категории «А» для вождения мотосредств, несколько почтовых марок и ничего иного. На основании всего вышеизложенного мы составили настоящий протокол, заверенный нашими подписями, который мы передаем компетентным лицам для дальнейшего использования.

Подписано:

Сантавенере Гуидо — ефрейтор Г. С.

Торриче Джованни — бригадир Г. С.

Форасасси Франческо — бригадир Г. С.

Эти строки наводят такой ужас, что, закончив их читать, хочется тут же проверить ящики своего стола. Чтобы однажды из-за безумия завистливого врага, ревнивой любовницы или сумасшедшего незнакомца, чья жизнь случайно пересеклась с нашей, никто не вошел в нашу комнату и не вытащил на свет божий скрытые сокровища,

которые для нас были просто вещами, которыми мы пользовались, или служили невинными воспоминаниями, но которые для чужих глаз могли бы показаться доказательствами долго утаиваемых непотребных гнусностей. Автор этих строк отрывается от письма, открывает левый ящик своего рабочего стола — ящик со всякой дребеденью — и начинает записывать на языке протокола:

«Размеры ящика составляют 1 м на 0,60 м. От передней стенки до задней и слева направо имеются: коробка с ароматическими палочками индийского происхождения с резким запахом, которые владелец называет “Agarbatties”; пластмассовый скелет высотой 12 см со светящимися в темноте глазами; инструмент, состоящий из лезвия, шила и продолговатого стержня с закругленным концом (неизвестного назначения); связка тонких предметов, покрытых шерстью «для чистки трубки», как выражается владелец; миниатюрный саркофаг с фараоном из свинца внутри, извлекаемый только по желанию владельца (кажется, при помощи скрытого магнита); так называемый радиоэстетический маятник; несколько фотографий блондинки в купальнике; несколько фотографий мальчиков и девочек; одна фотография подростка, странным образом похожего на владельца; коробка, содержащая десять ключей Yale различного вида и происхождения; несколько рулонов проявленной фотопленки, на которых можно различить изображения каменных дьяволов; две игральные кости; сережка из медного малахита без пары; маленькая книжка неизвестного содержания на иностранном языке; бамбуковая трубка бразильского происхождения; восемь записных книжек, заполненных убористым почерком с, по всей видимости, тайными зна-

ками, значение которых не установлено; маленькая медаль четырехугольной формы из металла под золото с надписью “vinco etempro animo e braccio”¹ под гербом; десять автоматических карандашей французской марки “Papeterie Joseph Gilbert”, наличие которых у себя владелец не может объяснить; гильза от пулемета “Sten” с нетронутым капсюлем; металлическая табличка с изображением Св. Христофора и надписью “Будь осторожен”; конверт, в который вложены несколько погашенных марок, в том числе несколько русских. И т. д., и т. д.»

Но автор этих строк описал ящик, содержимое которого он охраняет наименее ревностно. А что же с остальными? В личных ящиках хранятся и не такие секретные вещи, а именно книги. По настоянию Агостино Санфрателло следователи приобщили к материалам дела несколько цитат из изданных и неизданных произведений Браибанти. В этом случае слова тоже говорят сами за себя. Но именно потому, что эти отрывки вырваны из всякого контекста (дайте мне фразу человека и я найду, за что его повесить²), они принимают чудовищный смысл. Не стоит и говорить, что за подобные слова и сами темы можно было бы отправить в тюрьму или в сумасшедший дом Рэмбо, Ницше, Фрейда, Уайльда, Бакунина, Достоевского, Жида и многих других. Некоторые из них, кстати, побывали в тюрьме или в сумасшедшем доме, и нельзя исключать, что оказались бы там и сейчас, если бы это было возможно. Вот несколько примеров:

¹ «побеждаю и закаляю дух и тело» (лат.).

² Эти слова приписываются кардиналу Ришелье и в полной версии звучат так: «Дайте мне всего шесть строк, написанных рукой самого честного человека, и я найду, за что его можно повесить».

Том 2 (Цирк — Газеты)

- с. 20 — без закона — без государства — анархия
- с. 34 — вульгарные выражения на религиозные темы
- с. 45 — «я тоже плюю на священника и на мэра»
- с. 53 — «Государство, которое не переживет свое время»
 - с. 55 — термины, описывающие нездоровые психические состояния.
 - с. 71 — против «тупости закона»
 - с. 86–87 — намеки на специфические психические состояния.
 - с. 93 — против «насилия рабских законов». — Против государства. (Говоря о себе самом): «Вырос в страхе перед преступлением. Пока не начал жаждать его всем своим существом»
 - с. 105–106 — эпизоды гомосексуальности: обольщение юноши и ребенка.
 - с. 115–116 — попытка соблазнить юношу в одном баре.
 - с. 129 — не иметь законов — это «цель, план»

Том 4 (Эссе)

- с. 19 — против школы, семьи, государства: это пережитки прошлого и т. д.
- с. 30 — задача философии — выкопать могилу для всех моралистов
- с. 31 — «мораль — печать поражения или маска, скрывающая страх»
- с. 33 — выражения, описывающие нездоровые психические состояния
- с. 53 — против родной страны и семьи
- с. 54 — против «семейного конформизма», против закона о семейном насилии
- с. 55 — всякий отец стремится подавить своего ребенка
- с. 56–57 — наша конечная цель — анархия

с. 58 — «против скрижалей общественных законов, освященных невежеством»

с. 59 — «за революцию сексуальной этики»

с. 60 — «такие фразы, как “против природы” не будут больше иметь смысла» и т. д., «разрушить схематизм абстрактной дихотомии (мужчина/женщина)», «опасность — в рабстве закона».

10. Слова процесса

Слова самого процесса в нашем исследовании не имеют большого значения, и на то есть причины. Ведь в то время как тексты следствия или приговора в большинстве своем представляют собой письменные показания или допросы, которые, очевидно, записывались без спешки, печатались на машинке и затем просматривались самими допрашиваемыми, слова процесса фиксировались от руки, не стенографически, и, как водится, они часто лишь резюмируют утверждения свидетелей и обвиняемого. Поэтому было бы несправедливо обращать особое внимание на термины, которые, возможно, и не произносились, или же произносились, но по-другому, и которые имели большее значение для судей в тот момент, когда их произнесли, а не когда их вновь вызвали в памяти благодаря протоколам.

Изучение процесса осложняется еще и тем фактом, что в протоколах обычно приводится ответ, но не вопрос; и если иногда по ответу вопрос можно восстановить, то чаще всего вопросы (в свое время цитировавшиеся в газетах), которые было бы чрезвычайно интересно узнать, пропущены. Вспомним диалог между прокурором и свидетелем Джордано Фальцони, который рассказывал, что Браибанти интересовался муравьями в плане их общественной организации. Прокурор спросил: «Но не было

ли в этом, так скажем, и сексологического интереса?» — Свидетель ответил, что Браибанти скорее объяснял любопытные научные факты, и в качестве примера сказал, что царица откладывает около семидесяти тысяч яиц. И тут прокурор заметил: «Видите, все-таки без секса не обошлось!»

Такого же толка и другие выступления, например, одного адвоката со стороны истца, который, когда свидетель на вопрос «Вы монист или дуалист» ответил «Монист», с торжествующим видом воскликнул: «Так я и думал!»

В этом смысле вновь приобретают эмоциональную окраску такие показания, как удивленный рассказ Бьянки Дзуанелли о том, что оба жильца ее пансиона делали «странные картины, из гвоздей, кусков железа... даже пуговиц, осколков зеркал и всякого такого», или горничной Адрианы Иракос, обнаружившей в комнате «муравьев, белую мышь, черепаху, клетку с птицей, “коллажи” из деталей автомобилей и кусков стекла, держащихся, как мне показалось, на клее: в общем, в комнате был некоторый беспорядок» (1 июля 1968 года).

И тогда кажется странным, что всем показаниям в пользу Браибанти отвели всего одно, последнее, заседание, как будто бы у свидетелей защиты, речи которых, разумеется, не изобиловали пафосными выражениями, и которые давали упрощенную и «нормальную» интерпретацию фактов, не было эстетического права на более развернутые выступления. Однако в процессе было учтено и медицинское заключение профессоров Де Винченчис, Семерари и Джорда, — огромный отчет на трехстах машинописных страницах, который на заседании суда был упомянут лишь вкратце, но который широко использовался на этапе вынесения приговора.

По поводу этой экспертизы, которая производит впечатление имеющей солидную научную базу (и дейст-

вительно, она стала источником доброй половины цитат, которые впечатлят читателя приговора), мы не можем высказывать свое мнение. Она завершается доказательством принуждения, оказанного Браибанти над Санфрателло, и оспаривается «экспертными контраргументами» профессора Адриано Оссичини. Мы же хотим отметить, что даже официальная экспертиза, основанная на тщательнейшем анализе состояния Джованни Санфрателло, в качестве первых данных отталкивается от тех же самых документов (и тех же самых слов), которые мы разбираем в нашем эссе. Заключение экспертизы гласит:

«На основании поведения обвиняемого, каковым оно предстает из материалов дела (в частности, из показаний Тоскани), и описания поступков обследуемого мы полагаем, что последний находился в состоянии полного внушения» (с. 301). Из чего можно сделать вывод, что источниками для экспертов, помимо допросов Санфрателло, были все те же материалы следствия. Вывод о том, что Санфрателло находился под внушением и был внушаем, эксперты выводят из наблюдений за его поведением; но то, что внушающим был Браибанти, они заключают не из изучения Браибанти: все, что о нем известно, известно со слов Тоскани. Эксперты утверждают, что Тоскани можно верить, поскольку его показания (хоть и в резко критическом ключе по отношению к Браибанти) схожи с показаниями Санфрателло (в дружеском ключе). Для курсовой по филологии этот метод был бы верен: это был бы так называемый сравнительный анализ текста. Анализ, в котором выявляются аналогии и причинно-следственные связи между разными «способами выражения» и сопоставляется вербальное поведение двух сопоставляемых. Здесь же при сравнении того, что *сказали* два человека, делается вывод о *действиях* третьего. То, что этот метод может быть уместен в психиатрии (это мы не будем оспаривать),

не изменяет того факта, что врачи сразу же оказываются в плену тех же самых «словесных тиков», которые мы отмечали на протяжении всего нашего анализа. Например, на 227-й странице заключения говорится: «посредством “модели” Браибанти и его странных теорий...»

Поскольку психиатры не такие «дикие», как другие свидетели, а люди науки, они тут же уточняют: «Странные, так как категорически противоречат общепринятой картине мира». Но разве ученый, которому нужно описать чьи-то личные взгляды, противоречащие общепринятым, не должен был бы использовать такие выражения, как «теории, идущие вразрез с...», «теории, обратные...», «теории, обычно обозначаемые как “странные” теми, кто придерживается общепринятых взглядов»? Почему ученый вдруг использует прилагательное «странный»? Он заранее принимает определенное философское видение, которое уже само по себе предоставляет ему параметры, по которым здоровье можно отличить от безумия, или по меньшей мере от «странности»¹.

11. Слова обвинения

Речь прокурора, как это обычно бывает, не была записана. Поэтому нам надо восстановить ее по стенографическим отчетам в газетах. Чтобы не погрешить против объективности, мы будем указывать источник.

¹ С другой стороны, то, как сильно уже произнесенные слова повлияли на психиатров, доказывает один простой факт: в медицинской экспертизе цитируются как достоверные показания отца Даль Бона о жизни Браибанти и Санфрателло в пансионе Дзуанелли, но совершенно не учитываются показания Франческо Ревелли (см. 5 параграф этого эссе). Причин для некоторого замешательства более чем достаточно. (Примеч. авт.)

«Следуя своему преступному замыслу, Браибанти отнял этих молодых людей у их семей, друзей, лишил беззаботных игр юности»... «Браибанти изолировал их, поглотил их, по капле вливая в них яд извращения...

Он глумился, чернил, поносил, низлагал все ценности, которым учат молодежь, которые бережно хранит материнская любовь»... «Он отлучил своих жертв от работы и учебы, чтобы не иметь соперников, разрушил их моральный облик, заменив его на хаос, на пустоту. Он сделал их слепыми, как кроты»... «Он вонзал скальпель своей извращенности в их невинные тела ради вздора, который он называл свободой»... «Юноши не могли больше поднимать глаза к небу, проливать слезы на коленях у матери, жили в бреду, как жабы в болоте, на грани безумия и самоубийства»...

(«Паэзе сера»)

«Говорить об Альдо Браибанти — значит говорить о дегенерации, об одержимости, о моральном уродстве, о запятнанной и загубленной молодости. Это дело о принуждении: двое молодых людей были доведены до состояния полного подчинения человеком, который поставил себе целью изменить их сознание и медленно, систематично, методично, практически разрушил его из жажды обладания и власти, не говоря уже о его сексуальном отклонении. Альдо Браибанти отнял Пьера Карло Тоскани и Джованни Санфрателло у их родителей, семьи, друзей, учебы, веселья молодости, беззаботности; он изолировал их, терпеливо приручил их, следя за тем, чтобы не допустить неверных шагов. Сначала он критиковал, потом глумился, обесценивал, топтал основные ценности, на которых воспитывается молодежь, презирая

моральные нормы, он принудил их жить в темноте, как кротов, наконец, он привел их в свое мерзкое логово, доведя Джованни Санфрателло до состояния в шаге от безумия и самоубийства. Так это происходило. Мы не говорим о вопросах культуры, философии и искусства. Сегодня Браибанти судят не за его взгляды, а за его действия. Это процесс не против гомосексуализма, этические аспекты которого мы не разделяем, но который в нашем обществе не запрещен, и который мы даже должны защищать в случае необходимости. На Альдо Браибанти обрушились неопровержимые доказательства: на судебных дебатах были полностью подтверждены результаты расследования, проведенного прокуратурой. Показания Пьера Карло Тоскани правдивы, поскольку он не был и не мог быть заинтересован в том, чтобы обвинять Альдо Браибанти, то есть прилюдно рассказывать о том, что так или иначе вызывает у него чувство стыда. В действительности Тоскани руководили лишь совестью и смелостью! Доказательство принуждения заключается в моральном развращении и в физическом и психическом подчинении. Моральное развращение состояло в потребности совратителя заражать своим пороком, как наркозависимый распространяет наркотики: именно это распространение разврата позволяет развращенным жить»

(«Иль Мессаджеро»).

«Психоаналитик не внушает своим пациентам никаких принципов, а ограничивается лишь тем, что пробуждает их “я”, в то время как Браибанти вторгся во внутренний мир обоих молодых людей, и вложил им в головы то, что хотел вложить».

(«Иль Мессаджеро»)

«Перед нами двое молодых людей, живущих обычной и даже комфортной жизнью, которые уходят из дома. Ради чего? Может быть, ради прекрасной жизни, знакомств с необыкновенными людьми, высокой цели? Нет. Они сделали это ради физических и моральных лишений. И вы думаете, они действовали сами по себе? Если ваш ответ «нет», то факт принуждения доказан»

(«Иль Мессаджеро»).

Это очень важный отрывок, и на него следует обратить особое внимание. Разумеется, читателю тут же бросилась в глаза связь между этой цитатой и утверждениями родственников Санфрателло о неприемлемости его выбора, не приносящего никакого дохода и даже приводящего к «лохмотьям и голоду». Также ясно видно мгновенное отождествление гомосексуальности с идеями «марксистского толка» и «физического и морального уродства». Но все это отголоски коннотаций, о которых мы уже говорили. Здесь же мы видим кое-что еще. Перед нами ход рассуждений, напоминающий схоластические и контрреформаторские представления о моральной свободе.

С риторической точки зрения они строятся так: зло — это то, что все ненавидят. Никто по своей воле не сделает ничего, к чему питает ненависть. Если это случается, то лишь под воздействием посторонней силы.

Если бы этот аргумент был справедлив, то следовало бы немедленно освободить всех арестантов из тюрем нашей родины. Тем не менее сосуществование в обществе основано на принципе ответственности. Существуют некие правила, и для тех, кто их нарушает, предусмотрено наказание, если только не будет доказано, что нарушивший сошел с ума. Допустим, что жизнь, которую предпочли юноши, достойна лишь презрения. Они приняли ее?

Им же хуже. Зачем искать виноватого, лишая их моральной ответственности? Может быть, потому что они сумасшедшие? Но приговор (основываясь на медицинском заключении) это *исключает*. Следовательно, они не сошли с ума. Следовательно, они знали, на что шли. Но как же это возможно, что они выбрали зло? И тут, разумеется, речь расцветивается хрестоматийными эмоциональными коннотациями. Попробуем, в качестве эксперимента, применить ее к св. Франциску Ассизскому: «Перед нами юноша, живший обычной и даже легкой жизнью, который вдруг уходит из семьи. Ради чего? Может быть, ради прекрасной жизни? Нет, ради физических и моральных тягот. Значит, он сумасшедший (или же его совратили)».

Так мог бы рассуждать синьор Бернардоне Ассизский¹. Почему же господин Лояконо не увидел бы никакого принуждения в случае со святым Франциском? Потому что тот выбрал не зло (которое все ненавидят), а добро (к которому все стремятся). Теперь вы видите, что это дело не о принуждении, а о *добре и зле*. Но продолжим читать выступления прокурора:

«Когда тела катались по грязному лежбищу... ложь, бесстыдство, вседозволенность сплавлялись воедино в горне мистификации... подумайте о слезах матери, господа присяжные!»

«Посчитать поведение Браибанти законным, господа присяжные, все равно что поставить свою подпись на флаге с надписью “Педерасты всего мира, соединяйтесь!”»

(«Иль Мессаджеро»)

¹ Имеется в виду отец св. Франциска Ассизского Пьетро Бернардоне Морикони, торговец шелком.

Мы перешли от речи против принуждения к речи против гомосексуальности, не наказуемой итальянским законодательством. Но прокурор не прячется под личиной малодушного притворства:

«Дайте мне женщину, и я продолжу обвинять подсудимого в принуждении, даже при том, что в этом случае условия бы изменились, поскольку это не те же самые отношения. Связь между мужчиной и женщиной естественна, а та, другая, против законов природы»

(«Иль Мессаджеро»).

Здесь мы видим небольшое логическое противоречие, но с точки зрения эмоций оратор последователен. На логическом уровне он допускает, что принуждение согласно природе было бы не таким тяжким преступлением (это допущение не подтверждается наукой, как нам кажется; к тому же в таком случае следовало бы признать, что допустимо и рабство согласно природе, например, когда белые порабащают черных). Но на уровне эмоций к фразе не придрачься.

12. Слова приговора

Приговор, вынесенный Орландо Фалько, можно было бы рассматривать с нескольких точек зрения. В первую очередь, с юридической, ведь в приговоре содержатся подробные рассуждения о природе преступного принуждения с вольной интерпретацией законодательных норм. Затем — с психологической, психиатрической точки зрения и точки зрения психоанализа, поскольку судья долго анализирует понятие «внушения», чтобы определить принуждение не как простое интеллектуальное убеждение

и не простое физическое насилие, а как особый вид «психического влияния». Наконец, с социологической точки зрения, поскольку в этом тексте анализ методов внушения простирается также на явления, связанные со средствами массовой информации и отчуждением, о котором писали марксисты.

Мы не хотим вступать ни на территорию закона, ни на территорию психологии, но даже при простом критическом чтении, обращая особое внимание на философские и социологические цитаты, в тексте приговора можно сделать много пометок.

Мы могли бы процитировать пассажи, в которых в качестве доказательства принуждения утверждается, что Браибанти якобы ввергал своих жертв в состояние «отчуждения» и «реификации», то есть превращал их в «вещи», игрушки в своих руках. Марксистское понятие отчуждения, связанное с отношениями собственности, и реификации, связанное с «товарным фетишизмом», неправомерно переносятся на область психологии из-за созвучия с психическим отчуждением, которое, хоть и имеет ту же самую этимологию, затрагивает совершенно другую сферу.

Так приговор, подходя к теме убеждения, высказывается против общества потребления и «тайных манипуляторов»¹, с одной стороны представляя Браибанти как действующее лицо в происшествии, которое является уже не уголовным, а социологическим (а значит, снимая с него все возможные обвинения), а с другой — признавая некую актуальную общественно-политическую направленность и социологичность его литературных трудов, поскольку автор приговора прекрасно осознает, что убеждение совсем не то же самое, что принуждение.

¹ «Тайные манипуляторы» (1957) — название книги американского журналиста Вэнса Паккарда.

Мы также могли бы перечислить (как, впрочем, это уже и было сделано) все случаи, когда в тексте говорится о «почти» гипнозе, «почти» приворооте, «почти» внушении, что всякий раз достигает несомненного литературного и риторического эффекта, но с научной точки зрения не может рассматриваться серьезно, ведь это «почти» обычно запускает цепь аналогичных коротких замыканий, которым в дальнейшем не дается более подробного обоснования. В тексте постоянно происходит перенос терминов из одной области науки в другую, причем эта ассимиляция производится при помощи метафор (что было бы справедливо, если бы текст имел исключительно эвристическую функцию и использовался в качестве введения, и неправильно, когда он является заключительным выводом). Мы видим перенос понятий, описывающих социальные структуры, на сферу межличностных отношений и психических явлений. Доходит до цитирования Маркузе, чтобы обосновать (в поддержку признания Браибанти виновным), что «необходимо бороться с овеществлением индивидуума».

Во всем тексте сквозит непреходящее удивление тем, что оба молодых человека согласились на столь отталкивающие действия (вывод: их к ним принудили), совершенно не принимая во внимания богатейший моральный опыт, накопленный с древних времен, начиная от классического «*video meliora proboque, deteriora sequor*»¹, до «Интимного дневника» Томмазео (я прекрасно различаю дурное, совершаю его, каюсь в нем и совершенно спокойно совершаю опять).

Будет небесполезно привести пример «драматического» стиля, возможные литературные источники которого

¹ «Вижу лучшее и одобряю, но следую худшему». «*Метаморфозы*», Овидий.

читателю не составит особого труда угадать. В процессе, в котором обвинительный приговор был вынесен на основании слов, его стиль тоже представляет собой любопытную пищу для размышлений:

«Тем не менее, несмотря на такую разностороннюю деятельность, выражающуюся в создании произведений искусства, керамики, коллажей, живописных картин, стихов и текстов для театра, чтобы свести концы с концами Брайбанти вынужден был принимать помощь от друзей, деньги от своей матери, тоже живущей в бедности. Это унижает и огорчает его. Нищета и голод приводят к серьезной и глубокой фрустрации этого человека с амбициями, желавшего властвовать, стать известным, наслаждаться жизнью. А ему приходится прозябать, словно парии, претерпевать лишения, мучиться от неудач и обманутых надежд.

Он раздавлен своим полным крахом, который человеку с таким самомнением представляется чудовищной несправедливостью.

Это поражение требует мести, фрустрация нуждается в компенсации, неудовлетворенная жажда власти толкает его к новым сферам, где он может ощутить свое могущество. Для немногих, пусть даже для кого-то одного, он станет «господином», которым он не смог быть для всех. Он будет то Цезарем, то Доном Джованни, то Наполеоном, то Казановой. Он станет Сократом для нового Альцибиада; не каким-то банальным соблазнителем низкого пошиба, а дьявольски искусным покорителем душ. Само его сексуальное желание является порождением противоположной и расчетливой жажды духовной власти над другими, жестокого наслаждения тиранией, схожей с той, которая подавила его самого (с. 196).

Он во власти жажды господствовать, царить, взять реванш. Он проповедует монизм и анархизм, борется

против семьи, общества и государства; отрицает школу и мораль; отвергает конформизм большинства, потому что большинство — это физически, психически и сексуально здоровые люди, нормальные люди, то есть те, кто имеет то, в чем ему было отказано. Он не непонят, но ведет себя, как непонятый; не гений, но ведет себя, как гений. Деформация его характера и его поступков — прямое последствие всего этого (с. 214).

Обоим Браибанти уготовил одну и ту же судьбу, одну и ту же пытку: темную комнатку, закрытую от посторонних глаз, скудную пищу, недоедание, грязь, нищету, постоянное ощущение растерянности, неполноценности, человеческие контакты — в действительности человеческого в них было одно слово, — ограниченные четырьмя “близкими друзьями” Браибанти, полностью разделяющими его идеи и действия; самые немыслимые и жестокие запреты: во время ходьбы смотреть только себе под ноги, не говорить, не смотреть, не думать, не видеть сны! (с. 223)

Постоянные сцены и скандалы, постоянное запугивание и давление на несчастных молодых людей; жуткая пародия на ритуал с кровью, театральная трагедия из-за сна, в котором привиделись едва различимые женские фигуры, из-за взгляда, брошенного украдкой на девушку на улице, из-за слов, сказанных на могиле отца, из-за писем и фотографий чистой первой отроческой любви.

Перед лицом всего этого убожества и деградации, разбавляемых лишь отвратительными сексуальными порывами их палача — разнузданными оргиями, как определил их Тоскани, — и плотской связи, в данном случае связи мерзкой, поскольку она не была желанной, взаимной, ее лишь с отвращением претерпевали, встает безапелляционный вопрос: почему же молодые люди никак не бунтовали?» (с. 224)

Но проделав более глубокий анализ этого текста, мы можем заметить кое-что, не лежащее на поверхности. Мы видим, что в отличие от свидетелей судья применяет здесь оригинальный метод, основанный на *преклонении перед наукой* (как это уже сделали врачи).

Действительно, из всех общепринятых взглядов любому оратору легче всего опираться на те (типичные для нашего времени, когда журналистика создала миф об авторитете и всеилии науки), которые касаются неоспоримости научных открытий. Если раньше вращение Земли отрицалось, потому что Библия говорит противоположное, то сегодня среднестатистический пользователь массовой культуры верит в это, исходя из тех же самых мотивов — подчиняясь авторитету. То есть потому, что так говорится в «Британской энциклопедии».

Получается, что цитаты из трудов ученых часто приобретают значение, обратное тому, какое имеют в действительности, и становятся не рациональными доказательствами, а методами внушения. Это происходит в двух случаях: 1) когда вместо приведения доказательства (которое убеждает) приводится имя его автора (которое действует, как внушение), 2) когда, приведя доказательство в пользу *одного* положения, не приводится доказательство *обратного*, настолько же справедливое.

Приведем всего два примера.

Первый:

«Чтобы выполнить эту задачу наиболее тщательным образом и устранить всевозможные ошибки в этом расследовании, необходимо было определить его научное обоснование.

Такое обоснование в описываемом случае находит полное подтверждение в проведенной экспертизе, которая не ограничивается, как утверждалось некоторыми,

теорией Ясперса и экзистенциализмом, а обращается к идеям Рэдса, Каstellани, Бехтерева, Каца, Де Винсентиса, Жане, Штрауса и определяет внушение как принятие идей другого, не подвергая их критическому анализу, не вынося самостоятельного решения и без проявления воли (независимой). Были учтены открытия психологического и атомистического ассоцианизма, а также понятия психологии формы (гештальт-психологии), суммарного восприятия, открытия Шарко в области истерии, открытия Де Винсентиса в области психологии толпы, и был установлен, опираясь на исследования Штрауса, Блейлера, Жане, «отрыв от собственного “Я”», а также активное участие принуждаемого в помещении события, повлекшего за собой эффект внушения, на уровень интерсубъективности, «раппорта» (с. 172–173).

Если в приговоре все отмечено верно, и принятие чего-либо без критического анализа и серьезного рассмотрения является результатом внушения, то этому отрывку удастся «подвергнуть внушению» читателя. Потому что ему не сообщают, что писали великие умы, упоминающиеся в тексте (и кто это вообще такие), и его не настораживает, что из Жане, Шарко, гештальт-психологии и атомистического ассоцианизма, сваленных в одну кучу, нельзя соорудить единую непротиворечивую теорию.

Второй:

«Бенедикт Барух Спиноза, философ середины XVII века [указанный здесь как идейный вдохновитель Браибанти], происходил из семьи «марранов» — евреев, принявших христианство. Он был исключен из еврейской общины и через неоплатоническую и каббалистическую культуру пришел к пантеизму европейско-восточного толка, выводя из него идеи детерминистической этики, неизменности мироздания, необходимости по-буддистски

раствориться в материальном, возведенном в ранг ценности, в природе. Это этика отказа, рабства. Как верно заметил Мальбранш, пантеизм Спинозы есть не что иное, как отрицание Бога, фатализм, иррациональная и животная покорность року — несопротивление» (с. 193).

Этот отрывок подпадает под второй пункт, поскольку в качестве ниспровергающего Спинозу авторитета выступает Мальбранш, который, вне всяких сомнений, был блестящим философом, но если уж выбирать из них двоих, то слова Спинозы имеют куда больший вес.

Впрочем, каким предстает перед нами Спиноза? Он еврей (и будем считать, что здесь не было никакой задней мысли вызвать отрицательные ассоциации) и «марран» (что обычному читателю кажется плохим словом), его «исключили из общины» (по какой причине?), он был знаком с «каббалистической» культурой (еще одно неоднозначное слово), считал идеалом этику «рабства» (к тому же будучи марраном) и был «животно» покорен. Мальбранш по сравнению с ним чист, свеж и авторитетен. Правда на его стороне.

Мы даже не будем говорить о том, что в данном случае, по всей видимости, для вынесения вердикта использовались весьма спорные источники, давшие «странную» трактовку человека, чья страсть к свободе вдохновила его на целый текст о свободе мысли, и чей ужас перед рабством был по меньшей мере так же силен, как ужас Пьера Карло Тоскани¹.

Сказать «Психоаналитик использует рациональный и точный метод психологического анализа... *тщательно*

¹ Не говоря уже о том, что Спиноза назван «Бенедиктом Барухом». «Барух» на иврите и значит «Бенедикт», и сказать «Бенедикт Барух» все равно что «Иммануил Иммануэль» Кант. (Примеч. авт.)

избегая даже небольшого трансфера» (с. 222), — для доказательства того, что Браибанти был не психоаналитиком-самоучкой, а принудителем, значит, при всем уважении к суду, сказать совершенно непростительную глупость с научной точки зрения. И в таком случае культура имеет право протестовать против ненадлежащего использования ее инструментов.

* * *

Разумеется, мы не можем отметить здесь все случаи, когда в приговоре отдается предпочтение показаниям свидетеля обвинения, а не самого обвиняемого или свидетеля защиты. Если Пьер Карло Тоскани говорит, что Браибанти на пике своей сексуальной одержимости обвинял его в том, что он мастурбировал его собаке (в то время как сам Браибанти утверждает, что всего лишь один раз рассказал Тоскани, как какие-то мальчишки зло подшутили над его собакой), то в приговоре факты описываются так, как о них рассказал Тоскани. Мы не можем судить о том, насколько это справедливо, поскольку определить, какие показания соответствуют действительности, а какие нет, входит в компетенцию судьи. Однако приходится признать, что сексуальные рассказы Тоскани гораздо более увлекательны, чем рассказы свидетелей защиты и самого обвиняемого, и, естественно, производят большее впечатление.

Мы отметим лишь то, как рассказывалось о фактах, чувствах, людях в первых показаниях, и как эти слова приводятся в приговоре. То есть отметим некоторые из этих созвучий, повторений, явных отсылок к фразе, произнесенной или записанной на этапе следствия (как обвинение), и цитаты из приговора, которые их повторяют (как доказательство вины).

...идеи марксистского... экзистенциалистского... анархического толка...

«...его идеи развиваются в направлении марксизма а ля Маркузе, который в некотором смысле представляет собой индивидуалистическое стремление к анархии...» (с. 193)

...его аморальные идеи, его антисемейная, частично антисоциальная пропаганда...

«Темой его университетского диплома был гротеск, что в некотором смысле наводит на мысли о Бодлере. В нем уже можно заметить выражения протеста, высмеивание, аномию, бунт против общепринятых ценностей...» (с. 194)

«Он проповедует монизм и анархизм, борется против семьи, общества и государства; презирает школу и мораль...» (с. 211)

...странный... необычные занятия...

«По сути, он неудачник: он пишет книги, которые никто не читает, ему почти пятьдесят лет, а он все еще живет в бедности, питается сэндвичами, сам стирает, принимает материальную помощь от матери, брата, друзей...» (с. 214)

...разрушая моральные принципы и основополагающие человеческие связи, навязывая им идеи материалистического толка под маской антиконформизма...»

«Конформизм антиконформизма...» (с. 205)

«...тем временем все традиционные ценности, все основополагающие ценности вырывались с корнем и ставились с ног на голову.» (с. 219)

«...с тех пор, как он создал пустоту, пустыню вокруг них, оторвав их от семьи, от религии, морали, законов, школы, друзей.» (с. 223)

...такое полное изменение личности и разрушение привязанностей, которые с детства служили опорой...

«Браибанти говорил, говорил, бравировал своими знаниями, удивлял юношу; он начал внушать Пьер Карло философские идеи, которые тот плохо понимал, которые его смущали, поскольку противоречили всему, чему его учили до этого, всему тому, во что он верил...» (с. 170)

«Постепенный отрыв от воспоминаний и связей с семьей, отрицание школьного и религиозного образования...» (с. 217)

...враждебность по отношению к родителям... он не был рад их видеть...

«Его раздражение по отношению к семье обострилось и даже почти переросло во враждебность.» (с. 181)

...здоровая семья...

Тогда его родители (отец — служащий мэрии, мать — учительница...)» (с. 182)

...оборванный, изнуренный, в грязи...

«...он вернулся в семью в лохмотьях, голодный, поникший...» (с. 182)

...псевдофилософ...

«...бесконечные псевдофилософские рассуждения...» (с. 223)

...не дававшие покоя действия...

«...не дававший покоя физический и психический контроль...» (с. 223)

...он напоил нас, дал нам выкурить кучу сигарет... пустые бутылки из-под ликера... иностранные сигареты... чтобы притуплять их разум и сделать их легкой добычей....

«...в определенный момент, напоив его виски, совершил над ним акты плотского проникновения, которые

впоследствии повторял все чаще, доводя их до крайности, предаваясь самым настоящим оргиям.» (с. 177)

...даже с негром...

«Он унижал юношу, подробно рассказывая о своих гомосексуальных связях с другими, назвал “захватывающим” подобный опыт, который он имел с негром...” (с. 177)

...колокола...

«...до тех пор, когда под воздействием внезапного религиозного чувства, вдруг разбуженного звуком священной бронзы, он на миг нашел в себе силы, чтобы побежать к брату...” (с. 179)

...моя психологическая зависимость к тому моменту была полной...

«...он претерпевал невыносимое существование, действия, идущие против природы, самые унижительные пытки: следовательно, он был в состоянии полного внушения.» (с. 179)

...он всегда шел с опущенной головой, держа руки в карманах, с поникшими плечами, погруженный в себя...

«...он всегда ходил с опущенной головой, молчал, казался “заторможенным”.» (с. 186)

...ответственный за этот кризис... он начал поддавать под влияние... влияние духовное и психическое... сильнейший дар внушения... он пытался влезть ко мне в голову... на основании внутреннего, интеллектуального превосходства, которое гораздо сильнее внешнего...

«...несомненно, что внушение имело место быть. Если верно, что оба юноши согласились жить в нечеловеческих,

невыносимых условиях... если верно, что они согласились на полное разложение своей личности... не в силах воспротивиться этому, как в самой глубине души они бы хотели, значит, внушение было.» (с. 187–188)

«...однако из этого вытекает необходимость узнать, какие технические способы внушения были использованы...» (с. 190)

«...рабское согласие обоих молодых людей на нечеловеческие условия жизни, противоречащие их молодости, их природе, не имеет никакого объяснения и никакого смысла вне гипотезы о внушении.» (с. 190)

«...но нельзя отрицать, что идеи Браибанти имели инструментальное значение для оказания психического влияния.» (с. 229)

...его несомненные познания в области нездоровых психических состояний... чтобы стимулировать их проявление в нас... способы, чтобы подчинить своих жертв... он систематично читал и изучал их...

«Этот план был построен на постепенности, на ритме, на тонкой режиссуре, на рассчитанной дозировке; способы давления увеличивались в четко выверенной прогрессии, совсем как при медикаментозном лечении, при аналитической технике, экспертом которой он себя провозгласил и которой он воспользовался совсем не в терапевтических целях...» (с. 198)

...постоянная моральная пытка, которой он со злым коварством и изощренным чернокнижием подвергает своих юных жертв... магия... гипноз... медиум...

«...наконец, зловещие магические ритуалы, ритуал с кровью, с воззваниями к мертвецам, клятвами и вечерами на кладбище...» (с. 199)

«За внушением следует постоянный контроль над мыслями, фантазией, управление жестами и словами, почти гипнотическая интроспекция... одним словом, аннигиляция.» (с. 221)

...согласно установленным планам... он наметил себе план, который должен был проводить в жизнь постепенно... К своей цели Браибанти шел постепенно и незаметно и достигал ее, когда ему удавалось...

«...Браибанти втерся к нему в доверие и сразу же начал ткать свою паутину...» (с. 182)

«План, сделанный с холодным расчетом и умело проведенный в жизнь.» (с. 136)

«Ему нужно, он должен положиться на свою единственную настоящую силу, на свой ум, разработав план, продуманную программу, для осуществления которой необходим холодный расчет и непреклонная воля.» (с. 136)

«В обоих случаях имел место подготовительный этап, когда он медленно, методично, почти незаметно проникал в их души.» (с. 218)

...он обладает почти дьявольской силой убеждения...

«...дьявольски изощренный похититель душ...» (с. 196)

...постоянная моральная пытка...

«...его действия выражаются в нечеловеческих формах, которые напоминают о перенесенных им пытках, в том числе физических, и мстят за них: он охвачен яростным и болезненным желанием мести...» (с. 196)

...они выходили на улицу только в вечернее и ночное время... готовили себе еду в комнате...

«В Риме Джованни жил с Браибанти в маленькой комнате, куда не проникали лучи солнца, питаясь бутербродами, кое-как, будучи вынужден сам стирать себе белье...» (с. 184)

...как поиск муравьев... у стены стоит сундук с шестью пустыми муравейниками...

«...здесь он изучает муравьев, символ общества, которое, разумеется, нельзя назвать анархическим, но тем не менее основанного на инстинктах. Как он позже скажет Тоскани, наблюдения за сексуальным поведением рабочих муравьев наводят его на мысли о «третьем поле», поле, не лишенном сексуальности, а, напротив, в высшей степени сексуальном и состоящем из индивидуумов, превратившихся в инструмент получения удовольствия, чья моральная жизнь низведена до инстинктов, лишенных критического ума, поработанных другими, с высоким интеллектом, «высшими индивидами», которые ими руководят, подчиняют их, аннигилируют их: эта идея в точности описывает статью 603 УК.» (с. 194–195)

13. Эмоции и разум

Мы могли бы продолжать это сопоставление. Но в приговоре двести тридцать семь машинописных страниц. Мы полагаем, что приведенные отрывки доказывают наше изначальное предположение: слова первого заявления и первых показаний определили заключительные слова приговора. И *roug cause*¹, ведь это были не простые слова. Это были ключевые определения, коннотации которых, закрепившиеся в языке, обрисовывали систему ценностей, которую на протяжении всего дела Браибанти

¹ небезосновательно (фр.).

не столько стремились защищать (что было бы законно), сколько помешать ставить ее под сомнение. Прибегая для этого к культуре науки, размахивая орифламмой, взывая к чувствам.

Одна эта формулировка: *это был процесс, основанный на апелляции к чувствам*, — делает его страшным. Следуя за приговором, мы скажем, что неважно, о каких чувствах идет речь. Достаточно того, что гражданское общество, движимое желанием прояснить факты и ответить на вопросы, вместо этого принимало на веру эмоциональные восклицания, передаваемые от обвинителя свидетелю и от свидетеля судье, чтобы сказать, что в своем высшем и благороднейшем выражении, каковым является правосудие, это общество потерпело неудачу.

В приговоре редко используется техника дедуктивных аргументов, а если и используется, то не без погрешностей с технической точки зрения. Рассмотрим такой рациональный инструмент с сильно подмоченной репутацией, как силлогизм. Мы уже убедились в том, что силлогизмы не отражают неизвестные законы Универсального Логоса, но силлогистика — это система правил. Пока они соблюдаются, все знают, чего можно ожидать от собеседника. И пусть силлогизм не представляет собой способ рассуждений Бога, тем не менее эта система имеет свод правил, схожих, по крайней мере, с правилами бокса. Она исключает запрещенные удары и дает список разрешенных. Посмотрим, что происходит, когда в приговоре рассматривается такая деликатная тема, как вероятная шизофрения одной из двух жертв.

Изначально существует медицинское утверждение, которое еще предстоит опровергнуть и которое мы могли бы вкратце сформулировать так: шизофреник живет в аутичном мире и недоступен для внушения. Даже приговор не ставит под вопрос это положение психиатрии,

а соглашается с тем, что Джованни Санфрателло не был шизофреником, ради того, чтобы доказать факт внушения. Пока игра идет по правилам (тем более что это подтверждается и медицинскими заключениями). Следовательно, нужно было бы сказать: шизофреник не подвержен внушению, Санфрателло не был шизофреником (это надо доказать), следовательно, Санфрателло был *внушаем* (осторожно, мы еще не можем сказать, что он подвергся внушению только потому, что он не был шизофреником, но, по крайней мере, так мы расчищаем место для дальнейшего доказательства внушения).

А теперь прочитаем приведенную в приговоре аргументацию (с 203 по 204 с.):

«Даже если, как утверждает защита, умственно больной недоступен, поскольку закрыт в себе и не подвержен внушению, эти доводы нерелевантны и не имеют значения, ведь Тоскани был здоров, когда подвергся внушению».

И тут не к чему придаться. Но дальше мы читаем:

«И он был настолько внушаем, что действительно поддался внушению».

Здесь доказывається, что Тоскани *мог* подвергнуться внушению — это фундаментальное доказательство для того, чтобы доказать, что он подвергся внушению, — и в качестве довода приводится тот факт, что он действительно подвергся внушению. А это предвосхищение основания. Но текст о Санфрателло еще хуже:

«Но и в отношении Санфрателло имело место внушение, поскольку он без всякого критического

анализа, без сопротивления и противодействия принял все идеи Браибанти, его мораль и мерзкие извращения, его гнусность».

Здесь изобилие риторических *determinations*¹ скрывает под собой слабость аргумента, поскольку: внушение отождествляется с принятием идей без критики, следовательно, внушение не может быть доказано тем, что принятие совершилось без критического анализа, поскольку для того, чтобы сказать, что его не было, нужно сказать, что оно было введено путем внушения; к тому же нельзя доказать, что принятие произошло посредством внушения только потому, что не встретило сопротивления, ведь и добровольное принятие чего-либо происходит без сопротивления. Но продолжим:

«Если было бы справедливо то, что шизофреник из-за своего аутизма не может быть внушаем, неоспоримый факт того, что Джованни подвергся внушению, доказывает, что медэксперты верно оценили его состояние как непатологическое в тот период, когда он испытал на себе действия по внушению; если же он был бы болен, то, что он подвергся внушению, доказывало бы, что неверно полагать, что больной не подвержен внушению».

Перед нами такое головокружительное нагромождение паралогизмов, что в первую секунду оно кажется достойным аргументом. Потом мы начинаем рассуждать: «если было бы справедливо... неоспоримый факт доказывает...» Но этот факт, который доказывает (как доказательство) не неоспорим, потому что это именно он

¹ определений (*лат.*).

и должен быть доказан! Во второй части аргумента (в соответствии с правилами рационального рассуждения, которое отстаивает приговор) следовало бы сказать: если бы он был болен, то был бы не подвержен внушению. В ней же говорится: если бы он был болен, тот факт, что с ним произошло что-то, что не может произойти с больными, доказывает, что он не был болен. Но гипотеза о том, что он болен, была выдвинута именно для того, чтобы поставить под вопрос возможность внушения (которое нужно доказать), которая в данном случае используется как доказательство.

Попробуем разобраться получше. Предположим, что Симмий говорит Кебету: «Я бессмертен». Кебет отвечает: «Докажи это, потому что я знаю, что все люди смертны, а ты человек, следовательно, ты смертен». В ответ на это Симмий должен или доказать, что это неправда, что все люди смертны, или же, что он не человек. Но тут Симмий отвечает: «Нет же, из утверждения, что я бессмертен, можно сделать вывод, что не все люди являются людьми».

14. Заключение

Все ключевые слова процесса над Браибанти стремятся утвердить в головах следователей, судей и наблюдателей следующую мысль: «Он отличается от нас, потому что все, что он говорит и делает, противоречит той культурной модели, в которой я и ты находим нашу общую идентичность и вне которой нам пришлось бы невротически ставить под вопрос самые основы нашей безопасности, веры в нас самих, какие мы есть. А значит, его надо устранить, потому что даже само его существование ставит под угрозу нашу социальную сплоченность».

Обратите внимание. Неважно, является ли культурная модель, против которой восставал Браибанти,

единственной, способной сохранять «положительную» социальную сплоченность, или нет. И является ли альтернативная модель, предложенная Браибанти, такой же последовательной и «положительной». Важно показать, что культурная модель сработала (через свидетелей, следователей и судей), как кибернетическая предустановленная программа. На ее нарушения электронный мозг, установленный, чтобы контролировать жизнь общества, может отреагировать двумя способами: или согласиться, что у него вылетят транзисторы, или же не обращать внимания на сигналы, подаваемые чужим программистом, как на «абсурдные» и, следовательно, не регистрировать их в своих ферритовых сердечниках.

Разумеется, такая редакция возможна, если этот электронный мозг не был создан так, что он в состоянии переформатировать себя и принять противоречие как элемент программы (то есть если это не мозг, способный запрограммировать «перманентную революцию»). Но перед нами конечный автомат. Поэтому и мозг у него электронный. Он отличается — действительно *отличается* — от мозга Человека. Следовательно, дело Браибанти показывает, что мы пока не до конца стали людьми. Эволюция еще не завершилась.

Предисловие	5
Тишь да гладь от Бормиды до Танаро	9
Шифр политиков	13
Иллюзия истины	21
Монстры на первой странице	27
Новость из морозилки	33
Моды культуры	37
Стальная ложь	49
Меч герцога	53
За полученную милость	57
Книгопроизводство италийского гения	77
Роль моря в истории Италии	99
Латынь как наказание	107
Дьявол в человеческом обличье	113
Бифштекс и политика	119
Франти strikes again	125
Под именем принуждения	131

Эко, У.

Э40 Италия ностра. итальянцы у себя дома. Кн. 1 / Умберто Эко; пер. с итал. Т. Кудрявцевой. — М.: Слово/Slovo, 2019. — 224 с. 14×21,5 см.

ISBN 978-5-387-01569-4

Книга представляет собой сборник эссе о национальных особенностях характера, менталитете и образе жизни в 1960-х в Италии.

УДК 821.131.1-4

ББК 84(4Ита)-4

В этой книге собраны газетные и журнальные статьи легендарного Умберто Эко о различных сторонах итальянского культурного (и не только) обихода. Иногда в них затрагиваются и обычаи других стран в зависимости от степени, в которой они повлияли на культуру Италии.

Тексты, подобранные самим автором и рассказывающие о событиях в политической, общественной и культурной жизни страны, проникнуты свойственным Умберто Эко юмором и беспощадным скепсисом по отношению к вечным недостаткам повседневной жизни родины.

Хотя эти эссе были написаны и опубликованы в ведущих итальянских периодических изданиях в конце 1960 — начале 1970-х годов, они и по сей день не утратили своей актуальности, а во многих из них Эко предугадал события наших дней.

«Речь идет о заметках, которые я писал в домашнем халате, не облачаясь в парадные одежды и не погружая ноги в таз с ледяной водой, как делал уже не помню кто из Великих, чтобы расшевелить воображение».

Умберто Эко

ISBN 978-5-167-01569-4

9 780387 015694